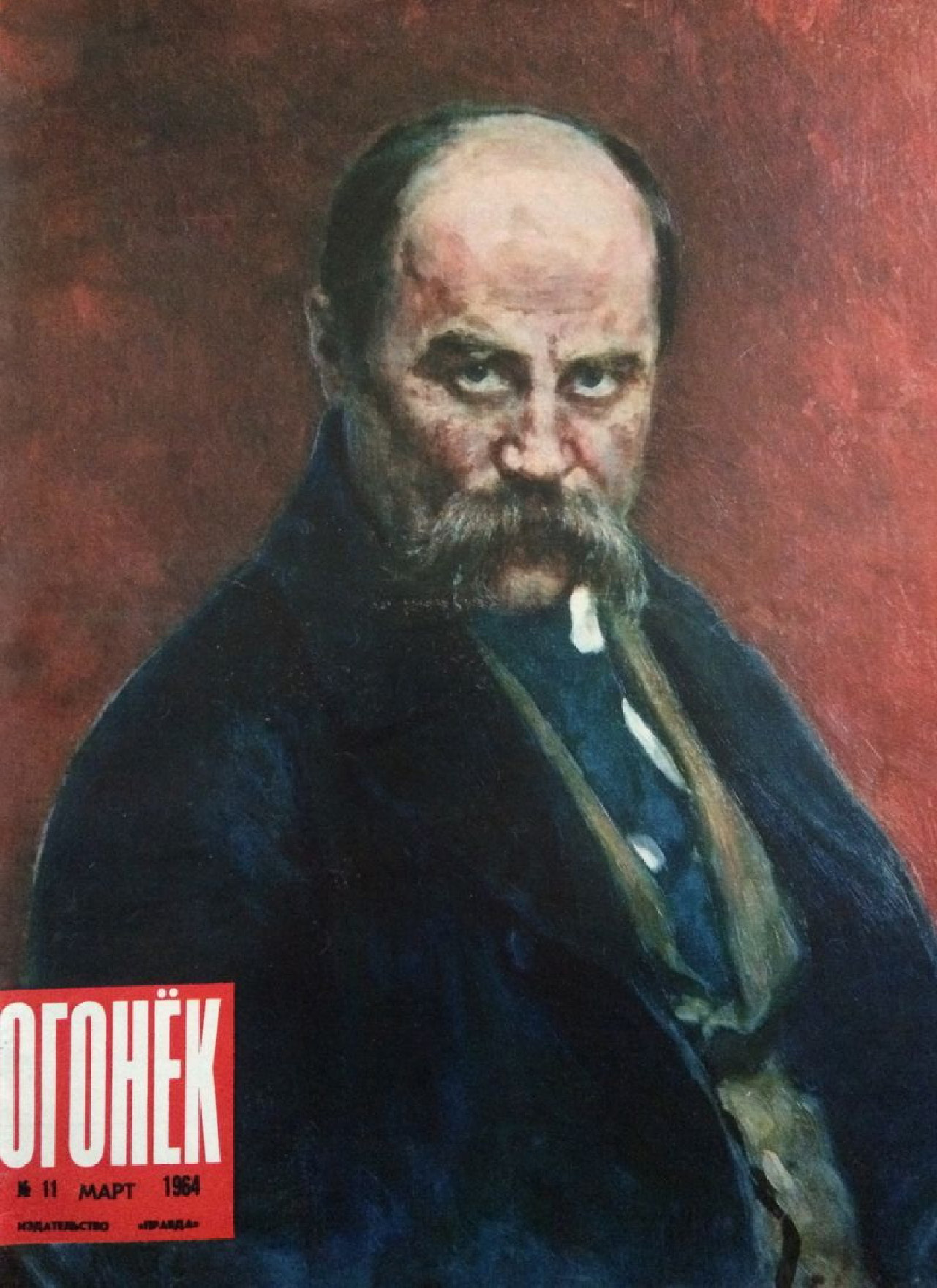

ОГОНЁК
№ 11 МАРТ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Эти девушки — испытатели и контролеры Московского электролампового завода. Они дают путевки в жизнь телевизионным кинескопам, радиолампам, большим уникальным лампам, освещающим кремлевские звезды. **Слева направо:** Л. Демина, О. Смолянинова, В. Лебедева, Т. Голованова, Н. Хлуднева, Л. Серегина и М. Дудина.

Фото Д. УХТОМСКОГО и Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

ВОСЬМОЕ МАРТА

Все
В этот день
Торжественно
И свято:
В руках— мимозы,
В сборе вся семья.
И, кажется,
Стоят
Немного виновато
Перед тобой
И муж
И сыновья...

И у меня
Одно,
Одно в душе желанье,
Чтоб этот день—
Больших мужских забот —
Не оставался
Как воспоминанье.
А длился долго-долго —
Круглый год!..

Павел КУДРЯВЦЕВ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 11 (1916)

8 МАРТА 1964

Н. С. Хрущев среди участников встречи. Март 1963 года.

Фото А. Устинова.

ГОД ТВОРЧЕСКОГО ПОДЪЕМА

Думается, нет ни одного участника прошлогодней встречи художественной интеллигенции с руководителями партии и правительства, кто не почувствовал бы себя 8 марта в Кремле окрыленным, кто не задумался бы еще раз о том, какую лепту призван он внести своим творчеством в духовную жизнь нашего общества, в строительство коммунизма.

И вот минул год. Большими победами ознаменовал его советский народ. На новый исходный рубеж коммунизма вышла наша страна. Близится 50-я годовщина Октябрьской революции. Минувший год был годом творческого подъема для писателей, художников, композиторов, деятелей театра и кино, скульпторов. Призыв партии — творить для народа, создавать произведения большой мысли и чув-

К СОРОКАЛЕТИЮ ГАЗЕТЫ АМЕРИКАНСКИХ КОММУНИСТОВ

НАШ ДРУГ «УОРКЕР»

Арт ШИЛДС,

московский корреспондент «Уоркера».

Лучшие годы своей жизни я провел вместе с «Уоркером». И в день его сорокалетнего юбилея я перелистываю страницы своей памяти, словно газетные листы.

«Уоркер» родился в Чикаго во времена самой разнузданной реакции. Против крупнейших профсоюзов Америки велась настоящая война, было убито много бастовавших рабочих. Социалистическая партия, которой в прошлом удалось собрать на выборах миллион голосов, умирала. На Юге вешали или сжигали заживо негров, которые вставали на защиту своих прав. Бывали случаи, когда Ку-клукс-клан заранее, за много дней, объявлял об этих аутодафэ. Американский министр торговли Герберт Гувер в то время публично провозглашал, что цель его жизни — уничтожение «советской системы». (Октябрьская революция лишила его богатых концессий в Сибири.)

Новорожденной газете рабочих пришлось выдерживать злобные атаки. Национальная ассоциация промышленников опубликовала заявление с дикими нападками на нас. Политическая полиция установила за нами слежку. Над головой одного из наших редакторов, занимавшегося распространением газеты, просвистела пуля наемного бандита.

Но у нас было много друзей. Я помню, как встретили нас в чикагских трущобах, где ютились рабочие скотобоен. Это был тот самый район, который описал Эптон Синклер в романе «Джунгли». Вскоре после того, как появился роман, профсоюз рабочих скотобоен был разогнан. Мы пришли в район трущоб в день выхода газеты со свежими экземплярами «Уоркера». У людей были очень приветливые лица. «Теперь у нас есть защитник»,—говорили они.

Прошло семь лет. Самый ужасный в истории Америки кризис охватил страну. В то холодное декабрьское утро, когда я приехал в Вашингтон, Белый дом был окружен участниками «похода голодных». Их возглавляли коммунисты. Угрюмый президент Герберт Гувер, который советовал безработным успокоиться и «заняться торговлей яблоками», в мрачном настроении отсиживался в своей резиденции. А с улицы доносились крики: «Работы и хлеба!», «Признайте Советский Союз!» По рукам ходили экземпляры «Уоркера» — газеты голодных и безработных.

Потом была гражданская война в Испании. «Уоркер» с самого начала был на передовой линии. Один из наших журналистов, молодой коммунист, боец Интернациональной бригады — его звали Скотт,— пал в боях. Другой, Джозеф Норт, участвовал в знаменитом контрнаступлении на реке Эбро в 1938 году как военный корреспондент. Люди зачитывались его корреспонденциями с фронта. Мне тоже довелось быть в Испании. В марте 1939 года я был единственным американским журналистом в Мадриде, когда этот город пал, преданный «пятой колонной».

Это были тяжелые дни. Но я чувствовал боевой дух моих товарищей, когда они сражались за каждую улицу, за каждый дом в Мадриде. Я чувствовал его и позже в тюрьме, в крошечной камере, где оказались вместе со мной мои товарищи — болгарин, итальянец, француз и немец. Нас ждала казнь. За стенами тюрьмы фашисты расстреливали борцов за свободу. А мои товарищи пели песни — песни борьбы, они смеялись, они не падали духом. Мне удалось бежать. Удалось вырваться на свободу и немцу. Другие погибли. Но я знаю, что они погибли не напрасно. Они умирали, зная, что будущее принадлежит им.

Началась вторая мировая война. Я вспоминаю разговор с лидером нашей коммунистической партии Уильямом Фостером в те дни, когда Гитлер наступал на Москву.

«На нас лежит громадная ответственность,— говорил он.— В Соединенных Штатах у нацистов есть влиятельные связи. Американские фашисты работают вовсю. Мы должны убедить каждого американского рабочего, что его будущее зависит от поражения гитлеровцев. И мы можем это сделать. У нас много друзей в профсоюзах».

И я могу сказать, что в те годы «Уоркер» посвятил всю свою энергию тому, чтобы объединить американский народ под знаменами антигитлеровской коалиции.

ства, раскрывать в них величие нового мира — нашел живейший отклик у творческих работников. Свидетельство тому — новые талантливые романы, повести, поэмы, скульптуры и кинофильмы о нашем современнике. В нынешнем году на соискание Ленинской премии общественность могла выдвинуть и бо́льшее количество произведений литературы и искусства.

Мы помним то недавнее время, когда кое-кто из политически незрелых художников создавал произведения, далекие от жизни народа. На страницах некоторых газет и журналов, на киноэкранах мелькали хлюпики, доморощенные «битники», якобы олицетворяющие советскую молодежь.

На традиционной встрече в Кремле и на июньском Пленуме ЦК КПСС партия объявила беспощадную борьбу всей этой продукции, объявила борьбу с обывательщиной, дремучим мещанством в искусстве.

И мы с радостью убеждаемся в том, какую огромную пользу принесла эта суровая, нелицеприятная, но в то же время доброжелательная критика. Все больше появляется на страницах журналов и газет повестей, поэм, стихов тех литераторов, кто нашел в себе мужество пересмотреть творческие позиции, встать в строй идущих под знаменем партийного искусства.

Минувший творческий год придает твердую уверенность в том, что советская литература и искусство станут еще ближе к народу, поднимутся на еще более высокую ступень коммунистической культуры.

Евгений ПОПОВКИН.

В перерыве между заседаниями разговор продолжался...

Председатель Совета Министров Германской Демократической Республики Отто Гротеволь.

Отто Гротеволю — 70 лет

БОРЕЦ ЗА ДЕЛО РАБОЧЕГО КЛАССА

Вся жизнь этого человека, крупного государственного и политического деятеля, премьер-министра Германской Демократической Республики, посвящена немецкому народу, его счастью, его будущему.

Отто Гротеволь родился 11 марта 1894 года в Брауншвейге в рабочей семье. Уже с юношеских лет он активно участвует в молодежном социал-демократическом движении. Вступив в 1912 году в социал-демократическую партию Германии, он во время первой мировой войны решительно осуждает предательскую политику правого руководства СДПГ. С ноября 1918 года Гротеволь руководит деятельностью рабочих и солдатских советов в северо-западных районах Германии.

Политическая борьба Отто Гротеволя в рядах социал-демократии отличалась решительностью и принципиальностью. Будучи депутатом ландтага земли Брауншвейг, депутатом германского рейхстага и министром внутренних дел, просвещения и юстиции земли Брауншвейг, Гротеволь отдавал все силы защите интересов трудящихся.

Мужественно и неутомимо боролся Отто Гротеволь против фашизма. Гестапо дважды бросало его за тюремные решетки, но, выйдя на свободу, он вновь продолжал антифашистскую подпольную деятельность. В годы борьбы против гитлеровского режима Гротеволь приходит к твердому убеждению: необходимо добиться единства рабочего движения в Германии, вместе сражаться за будущее страны, за будущее немецкого народа.

После разгрома фашизма Отто Гротеволь становится председателем Центрального Комитета социал-демократической партии. Он присоединяется к позиции коммунистов — создать единую революционную социалистическую рабочую партию Германии. Отражая атаки правых социал-демократических лидеров, разоблачая клевету, с которой они обрушивались на истинных патриотов, Гротеволь последовательно выступает за единство немецкого рабочего класса. После объединения КПГ и СДПГ и образования Социалистической единой партии Германии Отто Гротеволь вместе с Вильгельмом Пиком становится ее председателем. С 1949 года Гротеволь является председателем Совета Министров ГДР.

Неутомимая деятельность на благо немецкого народа, на благо мира и социализма снискала Отто Гротеволю уважение всех людей доброй воли. Большой вклад внес Отто Гротеволь в дело укрепления дружбы и братства между народами Германской Демократической Республики и Советского Союза.

Поздравляя нашего дорогого друга и товарища с семидесятилетием, советские люди желают ему доброго здоровья, счастья и успехов в борьбе за социалистическую Германию, за единство международного рабочего движения, за мир и дружбу между народами.

Американские коммунисты всегда стояли в первых рядах борцов за свободу негров. Такие люди, как Иосиф Вейдемейер, друг Карла Маркса, были офицерами в армии Линкольна во время войны с рабовладельцами Юга. Редактор «Уоркера» Джеймс Джексон, негр, не раз рисковал своей жизнью, участвуя в освободительном движении в южных штатах. И я всегда чувствовал дружеское отношение негров к нашей газете.

Вспоминаю случай в маленьком городке штата Джорджия. Два негра-издольщика и их жены были линчеваны расистами. Оба мужчины были в прошлой войне солдатами и сражались с фашистами. Они были смелыми людьми и у себя на родине потребовали, чтобы им принадлежала половина урожая хлопка, который они выращивают своими руками. За это «преступление» их наказали смертью. Двадцать ружей стреляли в них одновременно...

Когда я вошел в помещение, где лежали тела жертв, сорок пар глаз бросили на меня враждебные взгляды. В такие мгновения на белых смотрят, как на врагов. Я просто сказал: «Я из «Уоркера». И тогда молодой негр вышел вперед и протянул мне руку. «Это наш друг»,— сказал он другим. И мне рассказали — для моей газеты — все об этой трагедии. Так было и в других случаях; например, тогда, когда пять лет назад я писал о преступлении линчевателей в штате Миссисипи.

Нашей газете приходилось очень тяжело в годы маккартистского террора, когда лидеры компартии были брошены в тюрьму и все прогрессивные люди подвергались преследованию. «Уоркер» из ежедневной газеты стал еженедельником. Но уже теперь газета выходит два раза в неделю. И я уверен, что недалеко время, когда она снова будет выходить каждый день.

Американцы начинают избавляться от своих страхов. Среди рабочих растет недовольство нерешенной проблемой безработицы. Негритянский народ, как никогда раньше, активно выступает за свою свободу. Ширится движение за мир. Становится все большим уважение к достижениям Советского Союза и стран социализма. И все больше людей собирается для того, чтобы послушать выступление Гэс Холла и других руководителей американских коммунистов.

Фашистский закон Маккарэна умирает. Он еще сохраняется в своде законов. Но его зубы притупились. Реакции трудно защищать этот закон перед общественным мнением мира. И обвинение, вынесенное Компартии США на основе этого закона, не было подтверждено судом высшей инстанции, которому пришлось учесть настроения в мире и в США.

Я уверен, что нашу газету ждут новые и новые успехи.

В следующем номере журнал «Огонек» начинает печатать повесть белорусского писателя Василя Быкова «АЛЬПИЙСКАЯ БАЛЛАДА».

Герой повести Иван Терешка и итальянская девушка Джулия бегут из фашистского концлагеря. Они хотят пробраться в партизанский Триест. О трудностях их пути, о большой чистоте любви, о могучем чувстве солидарности всех честных людей земли и рассказывает автор.

Сергей Лазо. 1917 год. Редкий снимок.

7 марта — 70 лет со дня рождения героя гражданской войны Сергея Георгиевича Лазо. Ему едва исполнилось 24 года, когда он уже командовал Забайкальским фронтом, в 26 — Лазо не стало: японские интервенты зверски замучили и сожгли его в топке. Два года, а как много вместилось в них! С первых дней революции он, прапорщик царской армии, стал грудью на защиту Октября, возглавил отряды революционных солдат и красногвардейцев, командовал фронтом, был членом подпольного Дальневосточного комитета Коммунистической партии, командующим партизанскими силами Приморья.

ДЕЛАТЬ ЖИЗНЬ С КОГО...

В ТЕ ОГНЕННЫЕ ГОДЫ

Один из тихих арбатских переулков столицы. Редакция поручила мне встретиться с вдовой героя—Ольгой Андреевной Лазо. Знаю, что она старая коммунистка, много лет прослужила в Советской Армии, преподавала в Военной академии имени М. В. Фрунзе, сейчас полковник в отставке. Знаю также, что в годы гражданской войны она была вместе с мужем в Сибири, на Дальнем Востоке, вела политическую работу в войсках.

Дверь открывает молоденькая женщина. Не успеваю слова вымолвить, как она, извинившись, исчезает. В переднюю доносится властный крик младенца. Ясно, что женщина побежала к нему.

Ольга Андреевна приглашает меня в комнату. Оказывается, что дверь открыла внучка — Ада, кричал же шестимесячный Сережа— правнук.

Вот уже несколько часов Ольга Андреевна знакомит меня с письмами, дневниками, записными книжками Сергея Лазо. В каждой строчке бурлит юношеская отвага, честность, любовь.

В записях называются фамилии людей, книги, даются короткие характеристики приятелей, которые покорили Сергея своей верой в революционное будущее России. Вот список его любимых книг. Рядом с Марксом — «Курс двигателей внутреннего сгорания» Гирова; «Две тактики» Ленина и «Курс высшей математики» Пери. После приезда в Сибирь немало восторженных записей о новых знакомых — о политических ссыльных, большевиках, с которыми он сдружился.

А вот записи о работе в читальном зале Румянцевского музея, ныне Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина, впечатления о Третьяковке, МХАТе. Несколько ночей провел он в очереди за билетами в театр. Было это в Питере, зимой 1913 года: «Очередь кончена; показалась полиция, впустила одиннадцать человек. Лож было в продаже девять, так что мне стоящему на девятнадцатом месте на получение не было надежд. Неудача меня совсем не удручила».

В дневнике упоминается кафе «Бродячая собака», где, как изве-

Интервью «Огонька»

«ОГРОМНЫЙ ПИСАТЕЛЬ, ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ЧЕЛОВЕК»

МАРТТИ ЛАРНИ О М. А. ШОЛОХОВЕ

В Финляндии провел несколько дней Михаил Александрович Шолохов, выезжавший на отдых в дружественную страну. Он встречался с известным финским писателем Мартти Ларни.

Корреспондент «Огонька» Г. Гурков позвонил в Хельсинки и попросил Мартти Ларни рассказать об этой встрече.

— Вы уже давно знакомы с Михаилом Александровичем, не правда ли?

— О, да! Я был его гостем в Вешенской. Должен сказать, что это незабываемые для меня дни. Шолохов — огромный писатель. Но кроме того, он великолепный человек. Его широта души, его юмор, его обаяние удивительны. Я с большой радостью приветствовал его у себя в доме.

— Могу я спросить вас, о чем была беседа?

— Мы разговаривали о многом. О жизни, о мире, о писательской работе. Шолохов — интереснейший собеседник, блестящий рассказчик.

— Как финский читатель относится к произведениям М. А. Шолохова?

— Они очень популярны в Финляндии. В последние годы вышло несколько изданий, и все они имели большой успех.

— Собираетесь ли вы писать о встрече с Шолоховым?

— Да.

— Пришлите статью нам, в «Огонек». Хорошо?

— Договорились! Привет всем друзьям в Советском Союзе.

●

В Центральном Доме журналистов экспонировалась выставка, посвященная темам большой химии. Было показано около 70 работ. В ярких сатирических рисунках и плакатах художники Кукрыниксы, Б. Ефимов, И. Семенов, М. Абрамов, В. Коновалов и другие откликнулись на решения декабрьского Пленума ЦК КПСС.

Фото И. Кошелева.

«Как будет жить «УНТ-35»

По следам наших выступлений

Под таким заголовком в «Огоньке» № 50 за 1963 год был опубликован отчет о заседании ОТС — Общественного телевизионного совета. Участники заседания отмечали, что завод, выпускающий новый унифицированный телевизор, не обеспечен комплектующими изделиями, не запланировано производство этих изделий для торговой сети и телеателье.

Вот что ответили нам по этому поводу из СНХ РСФСР:

«Центрально - Черноземный совнархоз приступил к выпуску установочной партии телевизоров «УНТ-35» и начал поставлять их в магазины Воронежа, чтобы в оперативном порядке выявить эксплуатационные качества и надежность в работе. Установочная партия комплектующими изделиями обеспечена полностью. Все основные детали и узлы закреплены за определенными заводами. Силовой трансформатор, о котором так много говорилось на заседании Общественного телевизионного совета, решено делать на предприятии Украинского совнархоза.

Чтобы быстрее внедрить в производство единую технологию нового телевизора, создана специальная технологическая группа, в которую вошли технологи и конструкторы заводов-сборщиков.

Кроме того, заводы должны представить после изготовления опытной партии уточненные спецификации на запасные части для торгующих организаций.

Зам. начальника Главного управления радиоэлектронной промышленности СНХ РСФСР — М. ГОГИЧАЯШВИЛИ.

Зам. начальника Главного управления электронной промышленности СНХ РСФСР — А. АРЦЫШЕВИЧ.

Начальник Росглаврадиоснабсбыта при СНХ РСФСР — В. ГРАЧЕВ».

• • •

На заседании также говорилось о том, что улучшению кинескопов способствовало бы их алюминирование. Однако этот процесс почему-то не внедряется в производство.

Вот что по этому поводу сообщил нам заместитель председателя Государственного комитета по электронной технике СССР М. Федоров:

«В настоящее время отечественная промышленность серийно выпускает один тип

стно, бывали А. Блок, А. Толстой, В. Маяковский... Туда захаживал и Сергей Лазо.

Как же складывалось мировоззрение легендарного героя? И вот читаю: «Убеждения нужно выстрадать, нужно проверить их жизнеспособность, нужно обтереть их о чужие убеждения». И далее: «Человек должен скорее пойти на гибель, нежели отказаться от своих убеждений». И еще запись: «В борьбе за восстановление Советов во Владивостоке и во всем крае пролито много крови, и еще будет пролита кровь, но рано или поздно Советская власть восторжествует здесь... Будем смотреть жизни открыто в глаза; нам нечего терять, кроме цепей, и как ни черны те тучи, которые нависли над нами, не им принадлежит победа, а нам». Это было сказано Лазо за несколько дней до смерти.

Я спросил у Ольги Андреевны, не найдутся ли у нее еще какие-либо записи мужа, и она передала мне листок из его блокнота. Этот блокнот она обнаружила во Владивостоке на последней подпольной квартире Сергея Лазо, на Ботанической улице, № 91. Вот эти записи: на одной стороне листка азбука Морзе, на другой конспект предстоящего доклада. Первая строчка: «Что такое партизанская война, слова т-ща Л-на». Конечно, имеется в виду Владимир Ильич. Я подумал, вглядываясь в четкие карандашные записи сорокапятилетней давности: человек до последней минуты жизни был верен и предан тому, кого один-единственный раз видел и слышал. Это произошло в июне 1917 года в Петрограде, на I Всероссийском съезде Советов, где выступал Владимир Ильич Ленин.

З. ХИРЕН

алюминированного кинескопа 43ЛК9Б. В IV квартале 1963 года была закончена разработка и выпущена опытная партия еще двух алюминированных современных кинескопов. В 1964 году Львовский электроламповый завод начнет серийное производство этих кинескопов для унифицированных телевизоров, которые будут здесь делать.

Однако заводы возражают против введения алюминирования старых кинескопов 35ЛК2Б. Это требует изменения технологии и дополнительного оборудования. Государственный комитет по электронной технике считает все же целесообразным алюминировать этот кинескоп.

В октябре 1963 года наш комитет совместно с СНХ СССР разработал и утвердил проект единой прогрессивной технологии производства кинескопов 35ЛК2Б и 43ЛК9Б с непременным их алюминированием. Одновременно поручено научно-исследовательскому институту разработать взамен старого кинескопа 35ЛК2Б современный кинескоп со спрямленными углами, диагональю порядка 40 сантиметров и алюминированным экраном для массовых телевизоров типа «УНТ-35».

А пока проезжает учебный трактор.

ЗАВТРА— СТЕПЬ

Толя Пудовкин станет токарем. Он и сейчас неплохо управляется за станком.

Фото А. ГОСТЕВА

Паренек в заснеженной кабине резко потянул рычаг, и трактор развернулся волчком, поднял белую тучу, помчался по площадке... С пути его отбежали со смехом парни и девушки, наблюдавшие за упражнениями товарища. Пожилой человек, очевидно, преподаватель, неодобрительно покачал головой.

Идут занятия в группе трактористов-машинистов. Самостоятельная езда. Впервые за рычагами «ДТ-54»! Этот день не забудется. И хотя тяжелая машина еще делает неожиданные рывки, слишком круто разворачивается на месте, но она уже почти послушна!

Со всех концов страны — с Рязанщины, из Дагестана, из Казахстана и с верховий Дона — приехали в Хвалынск ребята, чтобы овладеть профессиями механизаторов. В старинном, всегда тихом городке на Волге куются кадры железной гвардии колхозных полей. Сегодня — мастерские и классы сельского профессионально-технического училища, а завтра — степь с ветрами и звоном птиц, с запахом земли и шелестом зрелых колосьев. Они очень стараются, выводят формулы, наживают первые мозоли, учатся дотошно и яростно — все для того, чтобы не посрамить в недалеком будущем славную армию сельских механизаторов. Счастливые, им встречать солнце в поле!..

Н. БЫКОВ

НОВЫЙ ЧЕМПИОН СТРАНЫ

В Свердловске разыграно первенство СССР по конькам. На сей раз успех сопутствовал молодому многоборцу из Минска Эдуарду Матусевичу. Он сразу захватил лидерство, достаточно хорошо пробежав 500 метров и показав второе время на дистанции 5 тысяч метров. После бега на 1 500 метров, где результат Матусевича был лучшим, он, так же как и на чемпионате мира, стал «без пяти минут» чемпионом. Но в Хельсинки Матусевича подвели 10 тысяч метров, а в Свердловске он показал на этой трудной дистанции четвертый результат. Так Эдуард Матусевич впервые завоевал абсолютное первенство страны.

Фото А. Бочинина.

Вымпел «ОГОНЬКА» вручен

137 тысяч москвичей — таков сегодня актив домовой общественности столицы. Велико количество больших и малых дел, свершенных им: свыше тысячи красных уголков, 854 библиотеки, тысячи детских кружков, 640 тысяч рублей, сбереженных на одном лишь ремонте кровель и лестничных клеток, произведенном силами жителей... Вот только некоторые из цифр, оглашенных заместителем председателя исполкома Моссовета А. В. Рябининым на собрании в Колонном зале Дома союзов. Здесь были подведены итоги соревнования домкомов Москвы за 1963 год. Лучшие коллективы удостоены премий и почетных грамот.

На снимке: В. И. Шотт, председатель домкома ЖЭК № 4 Ленинградского района, принял переходящий вымпел журнала «Огонек».

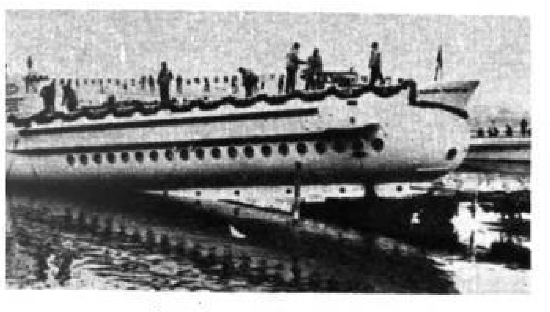
Фото А. Гостева.

ФОТООБОЗРЕНИЕ «ОГОНЬКА»

Фото ТАСС, ЮПИ, газеты «Обсервер», журналов «Фрайе Вельт», «Ньюсуик».

Берлинский государственный оперный театр поставил оперу С. Прокофьева «Повесть о настоящем человеке». Артисты Германской Демократической Республики пригласили на премьеру оперы Героя Советского Союза А. Маресьева.

«Аугуст Пикар» — первая пассажирская подводная лодка, построенная на верфях Швейцарии. Лодку спускают на воды Женевского озера. Водоизмещение лодки — 160 тонн, она рассчитана на 40 пассажиров и команду.

«Как он туда попал?» — спрашивает себя полицейский испанского города Алкала де Гуадайра. Оказалось, очень просто: за стеной здания помещается двухэтажный гараж для грузовых автомашин. Шофер одной из них был немного неосторожен.

▼

▲

В ФРГ появилась новая игрушка, которая называется «педало». Ее изобрела домохозяйка Рут Вайденбах для своей дочери, у которой были слабые мускулы ног.

Так выглядят дети Аппалачей. Аппалачи — район США, где безработица и нищета стали уделом тысяч и тысяч людей. Люди живут здесь не в домах, а в развалинах; дети, как пишет журнал «Ньюсуик», «не знают, что такое карандаш». Здесь очень мало школ и больниц, но очень много больных и неграмотных. Таков «американский образ жизни» в Аппалачах.

◀

◀

Ежедневно на таможне в Лондоне чиновники конфискуют много порнографической литературы, которая поступает из Соединенных Штатов Америки. Иногда ее пытаются спрятать под переплеты библии или книг классиков. Снимок взят из английской газеты «Дейли геральд».

Снимок сделан на Кипре. Солдаты турецкой армии отрабатывают приемы штыкового боя. Кипр — независимая республика. Но по навязанным ему соглашениям на территории острова иностранные государства могут разместить свои войска. От этих позорных «прав» не хотят отказываться и английские империалисты, разместившие своих солдат на острове. Киприоты против навязчивого вмешательства со стороны тех, кто хочет раздуть еще один очаг напряженности в мире.

Демонстрация в Афинах против вмешательства в дела Кипра западных держав.

Американский сенатор Маргэрет Смит решила стать президентом. 66-летняя дама начала с того, что определила свою политическую позицию. «Я,— заявила она,— стою правее Рокфеллера, но левее Голдуотера». Решив, однако, что это очень тонкое отличие от двух других кандидатов-республиканцев не сможет само по себе обеспечить ей успех, она принялась лично обрабатывать избирателей. Первыми жертвами были жители штата Нью-Гемпшир. Прибыв туда, г-жа Смит вставала в шесть часов утра и отправлялась к ним в гости. Рабочий день ее продолжался до одиннадцати. Г-жа Смит не утруждала себя особо изобретательными приемами. Она просто пожимала людям руки и говорила: «Я — Маргэрет Смит. Очень приятно с вами познакомиться».

Один из противников этой столь предприимчивой дамы, миллиардер Нельсон Рокфеллер, тоже не теряет времени даром. Он с такой же энергией пожимает руки своим будущим избирателям. Как видно на снимке, его не останавливает даже то обстоятельство, что избиратели живут на втором этаже. Но удастся ли Рокфеллеру с такой же легкостью взобраться и на президентское кресло? В этом сомневаются даже его сторонники.

Не стихает пламя народной войны против американского империализма и его ставленников в Южном Вьетнаме. На одном из наших снимков — патриот, попавший в лапы наемников США. Что ждет его? Наемники безжалостны. Но сердца борцов закалены, полны решимости довести свое дело до победы. На снимке слева: борцы за свободу учатся владеть оружием. Напрасны потуги американцев, «чрезвычайные» меры, новые военные планы. Их ждет в Южном Вьетнаме неизбежное поражение.

◀

Южная Родезия — осколок разбитой колониальной империи Великобритании — известна как заповедник расизма. В этой африканской колонии Англии, где у власти стоит белое расистское меньшинство, есть должность «министра закона и порядка». А что такое закон и порядок по-южнородезийски? Ответ дает фотография, запечатлевшая расправу полиции с демонстрантом-африканцем.

На первом плане контр-адмирал Джон Данкэн Балклей — командующий американской военно-морской базой в Гуантанамо, на Кубе. В качестве такового он несет ответственность за превращение Гуантанамо в очаг напряженности на кубинской земле. По его приказу были перерезаны трубы водопровода, по которым вода поступала на базу. Американские власти хотят сделать Гуантанамо «самообеспечивающейся» базой. Часть воды для нее они будут доставлять танкерами из Соединенных Штатов. На заднем плане виден танкер, который привез воду американским военным. В интересах мира было бы хорошо, если бы США отказались не от кубинской воды, а от кубинской земли.

Памфлет

Рисунок В. Черникова.

ЗАПАСНОЙ ГОЛДУОТЕР

В. НИКОЛАЕВ

Жил в солнечном американском штате Калифорния бедный футбольный тренер Реферти. Ему вечно не хватало долларов, ибо тренировал он всего-навсего школьную команду, а в свободное от спорта время, чтобы подработать, обучал своих юных воспитанников английскому языку. Ни тренерскими, ни педагогическими способностями Реферти не отличался, но он жаждал богатства и власти, ему очень хотелось повелевать, командовать.

Возможно, Реферти никогда не осуществил бы своих честолюбивых замыслов, если бы не был человеком элементарно грамотным. Последнее обстоятельство позволяло ему читать газеты и журналы. И на их страницах Реферти все чаще и чаще стал встречать истории стремительных взлетов к богатству и славе людей, доселе ничем не примечательных. Миллионеры и даже миллиардеры охотно шли на сделки с ними, причем платили щедро. Доллары из потемневших от времени сейфов перекочевывали в новенькие сейфы счастливчиков. Причем последние, казалось бы, не давали взамен за эти доллары ничего существенного, что котировалось бы на бирже, что можно было бы ощупать, взвесить, сосчитать. На это обстоятельство и обратил внимание Реферти.

И вот в один прекрасный день Реферти привычно взобрался на школьную кафедру и начал совсем непривычную речь. Вместо того, чтобы говорить о технике обращения с кожаным мячом или об основах английской грамматики, он обрушил на своих учеников такие речи, общий смысл которых сводился к весьма своеобразной критике существующей в США системы просвещения.

«Не удивительно,— восклицал он,— почему так много американских юношей хнычут, пасуют и становятся предателями, столкнувшись с жестокой действительностью — с красными вооруженными силами и ловкой психологической войной, проводимой красными!»

Реферти, разумеется, не уточняет в своих выступлениях, что он имеет в виду: Панаму, или Южный Вьетнам, или еще какие-либо страны, где все провалы американской агрессивной политики ее апологеты объясняют «происками красных». Зато Реферти уточняет другое: он требует перестроить американскую школу на милитаристский и фашистский лад. Требует открыто, нагло, как новоявленный фюрер. «Если это считается безобразным,— кликушествует он,— давайте будем безобразны! И пусть сознание этого веселит наши сердца!»

Казалось бы, что призыв к свинству, к мракобесию лишит незадачливого тренера-учителя последнего куска хлеба. Но в современной Америке этого не случилось. Наоборот, Реферти вмиг сделался знаменитостью. Его «школьные лекции» были опубликованы сразу в нескольких местных газетах и журналах. А до сведения всеамериканского и даже мирового читателя мысли Реферти донес известный журнал «Ридерз дайджест», выходящий тиражом в 24 миллиона экземпляров на 13 языках.

Лиха беда — начало. Реферти уже приглашен не только на страницы газет и журналов, но и в святая святых — общество калифорнийских миллионеров. Первая такая трогательная встреча состоялась в Лос-Анжелосе. Реферти окружили, покровительственно похлопывая его по плечу, банкиры, нефтяные магнаты и прочие бизнесмены. Реферти произнес перед ними речь. В ответ вместо аплодисментов красноречиво зашуршали листки чековых книжек.

Так, с бедной школьной кафедры Реферти шагнул прямо в политику — немаловажную отрасль американского бизнеса. Он выложил свой товар — воинствующее мракобесие. Миллионеры выложили за товар свои доллары. И вот уже, словно по мановению волшебной палочки, кандидатура Реферти выдвигается при выборах на пост главного попечителя школ Калифорнии. В избирательный фонд Реферти доллары текут, как речной поток в половодье. Миллионеры могут позволить себе удовольствие создать школьного фюрера. Задумано неплохо: начать оболванивать калифорнийцев с детства, чтобы меньше было с ними хлопот, когда они подрастут.

Во время выборов нашлись и здравомыслящие политики, которые пытались усовестить миллионеров, стоящих за спиной Реферти. Так, председатель палаты представителей штата Калифорния Джесс Анру, выступая против кандидатуры Реферти, сказал: «Я думаю о моей стране, и этот парень страшит меня».

Не одного Анру страшил Реферти, и все же миллионеры, как всегда, добились своего. На выборах было три кандидатуры: «либеральная», «консервативная» и «правая» — Реферти, который и одержал верх над двумя своими соперниками. Итак, он стал главным просветителем подрастающего поколения Калифорнии и продолжает по сей день пребывать на этом посту.

Комментируя итоги выборов, американская пресса отмечала: «Определеннее, чем когда-либо до этого, была продемонстрирована тесная связь между «респектабельными» калифорнийцами и «радикальными» правыми».

Деликатные кавычки у слова «респектабельные» означают миллионеры, а у слова «радикальные» — фашисты. Но и без кавычек ясно, как все больше и больше тяготеют друг к другу бизнес и американский неофашизм. И не случайно Реферти поддерживают те же самые силы, которые взрастили нынешнего лидера «бешеных» сенатора Голдуотера. Реферти уготована не меньшая известность. Уже сейчас поговаривают о выдвижении его кандидатуры в губернаторы штата. Американская печать пишет: «Будет очень трудно остановить его, если он выдвинет свою кандидатуру в губернаторы, а человек, ставший губернатором Калифорнии, может стать кем угодно».

Планы миллионеров — хозяев Реферти — заходят весьма далеко. «В 1964 году,— пишет американский журнал «Нейшн»,— они могут (и они знают это) потерпеть поражение с Голдуотером, но в будущем предстоит тяжелая борьба, чтобы нанести поражение их новейшему и блестящему созданию — Реферти».

Итак, если перейти на знакомую Реферти спортивную терминологию, можно сказать, что бывший футбольный тренер стал запасным игроком. Запасным Голдуотером. В черной своре американских неофашистов появился еще один бешеный пес, на ошейнике которого четко выбито клеймо Уолл-стрита.

1814 **ТАРАС ШЕВЧЕНКО** 1964

Земно кланяюсь

Александр ПРОКОФЬЕВ,
лауреат Ленинской премии

Творчество великого Кобзаря давно стало национальной гордостью и русского народа. Наш народ принял его песни, его поэтические раздумья как свои и пронес их через целое столетие. Жизнь Т. Г. Шевченко, отмеченная дружбой с замечательными деятелями русской культуры, все его творчество слились с жизнью России.

Особенно тесно был связан поэт с нашим городом, Ленинградом. Так называемый петербургский период занимает в биографии Кобзаря важное место. В это время сформировался его талант художника и поэта, укрепились его революционно-демократические взгляды. В Петербурге создал Шевченко свои первые картины, написал первые стихи. Здесь увидела свет его первая книжка — бессмертный «Кобзарь». Мы гордимся, что именно здесь родились такие изумительные произведения, как «Причинна», «Катерина», «Гайдамаки», «Сон», «Вишневый садик возле хаты», «Думы мои, думы мои», и множество других знаменитых лирических миниатюр. Петербург же (не казенный, разумеется, не царский) гостеприимно принял Кобзаря и в конце его жизни.

Но где бы ни находился поэт — в Петербурге ли, в далекой оренбургской степи или на родной украинской земле,— он всегда оставался вместе с подневольным, страдающим от угнетения народом.

Какой человечности, какой боли за обездоленного труженика преисполнены строки Кобзаря:

Когда б вы знали, барчуки,
Где люди плачут от тоски,
То вы б элегий не писали
И бога зря не восхваляли,
К слезам бездушно-жестоки.
За что, не знаю, называют
Там, в роще, хату тихим раем:
Я в хате мучился и рос...

С любовью говоря о простых людях, о народе, Шевченко гневно бичевал панов, господ, богатеев. Царская Россия была для него страшным местом, где «от молдаванина до финна на всех языках все молчат».

Безмерно дорог был для Шевченко край, где он родился и вырос. Украина навсегда осталась для поэта матерью-родиной. «Я не могу назвать, не знаю на свете лучшего, чем Днепр и чем родная Украина»,— говорил Шевченко. В стихотворении, созданном в каземате, с огромной силою звучит голос патриота. «Мне, право, все равно,— писал он,— я буду на Украине жить иль нет. Забудут или не забудут меня в далекой стороне...»

Одно лишь мне не все равно:
Что Украину злые люди,
Лукавым убаюкав сном,
Ограбят и в огне разбудят.
Ох, это мне не все равно!

Высшей страсти, высшего накала эта любовь к родной земле достигает в потрясающем «Завещании».

Набатным колоколом, зовущим к расправе над мучителями народа, звучит это произведение, которое и по революционной силе и по художественным достоинствам можно поставить рядом с «Марсельезой».

Последние песни Некрасова и шевченковское стихотворение — произведения разного плана, разного содержания, разного настроения, но сила у них одна.

Эти стихи потрясают мою душу.

Слова «Заповита» — слова такой мощи и гнева, на которые способен только человек большого сердца и могучего таланта. Так мог сказать только гениальный человек.

«Заповит» переведен более чем на сорок языков мира. Но нет еще перевода, передавшего бы выразительность оригинала. И он всегда будет привлекать поэтов, которые будут пробовать свои силы на переводе этого наполненного грозой стихотворения.

«...А до того — я не знаю бога...» Надо помнить, в какое время было это сказано, чтобы понять всю смелость шевченковского протеста. Бог, каким его изображает поэт,— пособник царя, источник зла и несправедливости:

Ты, может, сам на небеси
Смеешься, господи, над нами
Да совещаешься с панами,
Как править миром?

Поэзия Тараса Шевченко — воистину голос народа. Хорошо сказал об этом Н. А. Добролюбов: «Весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан».

Да ведь и сам Тарас Григорьевич заметил однажды, что история его жизни составляет часть истории его родины.

Сам крепостной, получивший волю только благодаря случаю, человек, чьи родные и близкие до самой его смерти так и остались крепостными, Шевченко видел в искусстве народа выражение его мыслей, его чувств — всю его душу. Он сознательно искал сближения с фольклором, так что порой и не угадаешь, что́ поэт взял у народа и что́ дал он народу.

Величие Шевченко не только в его больших эпических произведениях типа «Катерины» и «Гайдамаков». Он изумительный мастер и лирической миниатюры.

Вишневый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют,
С плугами пахари идут,
Идут домой, поют девчата,
А матери их дома ждут.

Все ужинают возле хаты,
Звезда вечерняя встает,
И дочка ужин подает.
Ворчала б мать, да вот беда-то:
Ей соловейко не дает.

Мать уложила возле хаты
Ребяток маленьких своих,
Сама заснула возле них.
Затихло все... Одни девчата
Да соловейко не затих.

Это стихотворение — поэтический шедевр, оно останется в памяти, как музыка, как аккорд потрясающей лирической силы.

Шевченко, подобно всем великим художникам, умел находить поэзию в самой гуще народной жизни. Искусство — свет, и поэт — сам источник света. Луч может скользнуть на что угодно: он может осветить мрачную аральскую пустыню, упасть в пышную зелень украинского сада; вон он выхватил из мрака небольшое и небогатое украинское село... Вечер... Пахари, возвращающиеся после работы... Приветливые огоньки в домах, где ждут своих кормильцев... Ужин. Обо всем этом рассказал поэт в каких-то пятнадцати строчках! Мы видим и девушек, которые, возвращаясь с поля, поют песни, слышим соловья. Тут же дети, уснувшие возле хаты, и мать, задремавшая вместе с ними... Все затихло, все спит.

Даже если бы Шевченко за всю свою жизнь написал только два эти стихотворения — «За-

Т. Г. ШЕВЧЕНКО

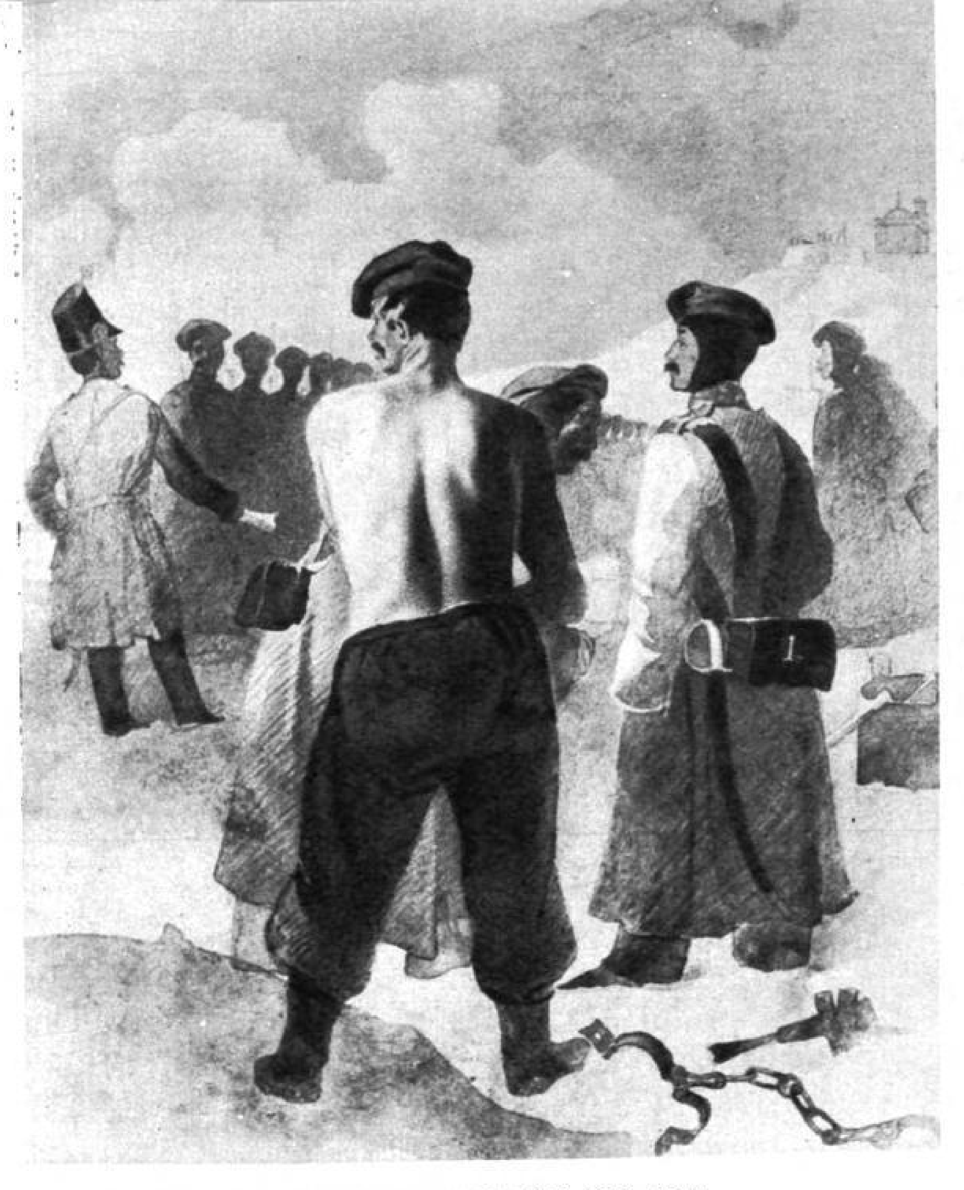
Завещание

Я умру,— похороните
Над степью широкой
Вы меня на Украине
На горе высокой,
Чтобы нивы без границы,
Чтобы Днепр и кручи
Были видны, было слышно —
Как гремит гремучий.
А когда он в сине-море
Унесет с Украйны
Вражескую кровь, тогда я
Поля и курганы —
Все оставлю и направлю
Пути свои к богу —
Помолиться... А дотоле
Знать не знаю бога.
Вы меня похороните,
Цепи разорвите,
Вражескою злою кровью
Волю окропите.
И в семье большой и вольной,
В семье вашей новой
Помянуть не позабудьте
Меня добрым словом.

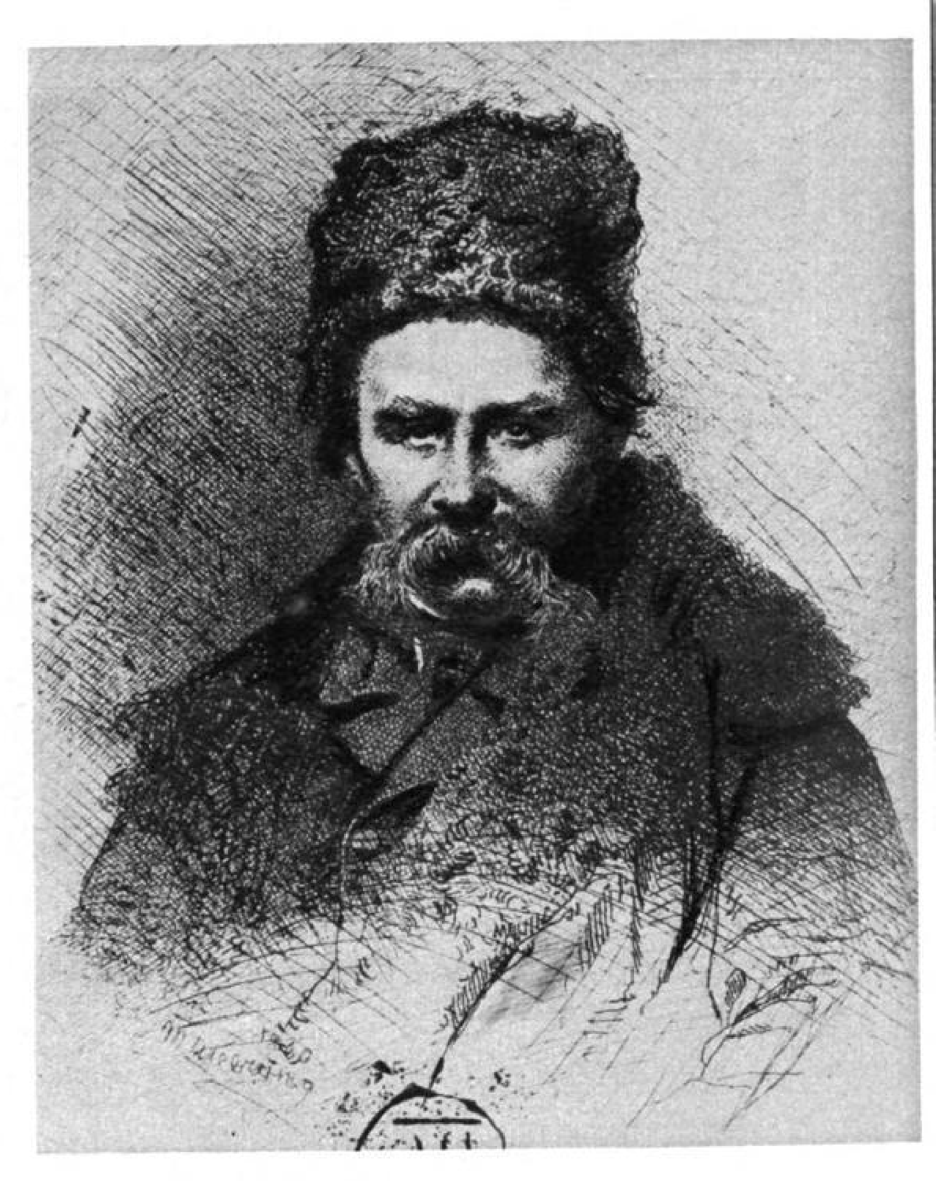
25 декабря 1845 г.
в Переяславе

Перевел Ник. Ушаков.

(Журнал «Радуга», № 3, 1964. Киев).

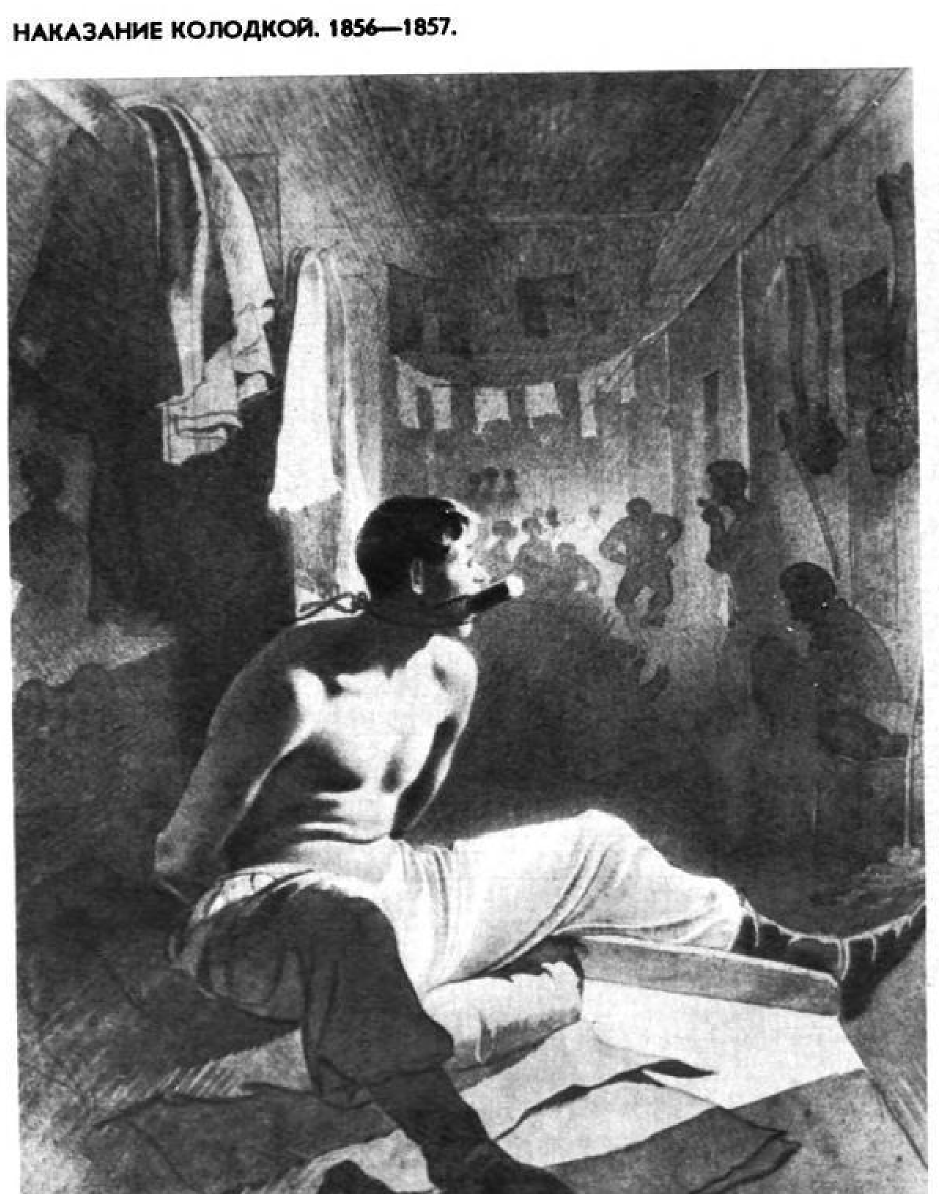

Т. Шевченко. НАКАЗАНИЕ ШПИЦРУТЕНАМИ. 1856—1857.

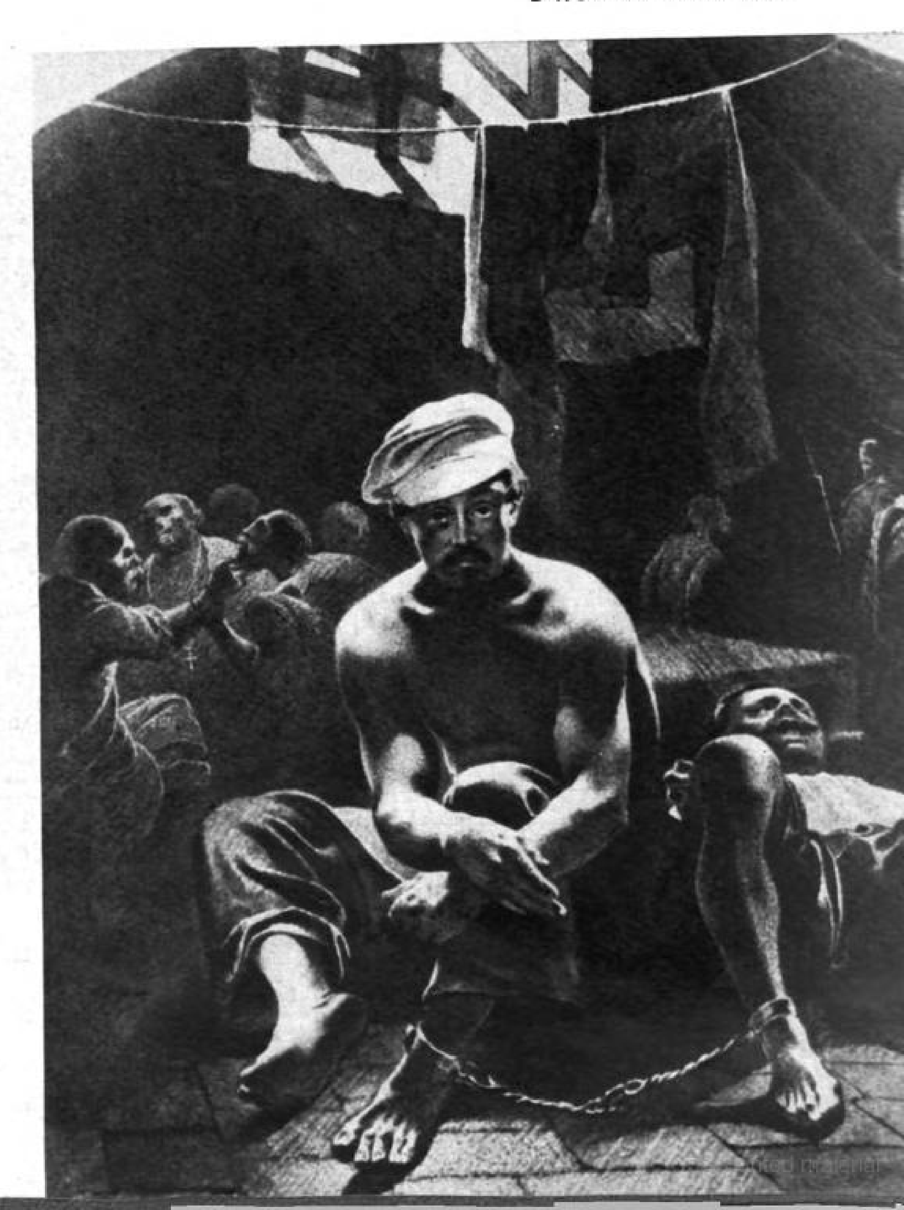

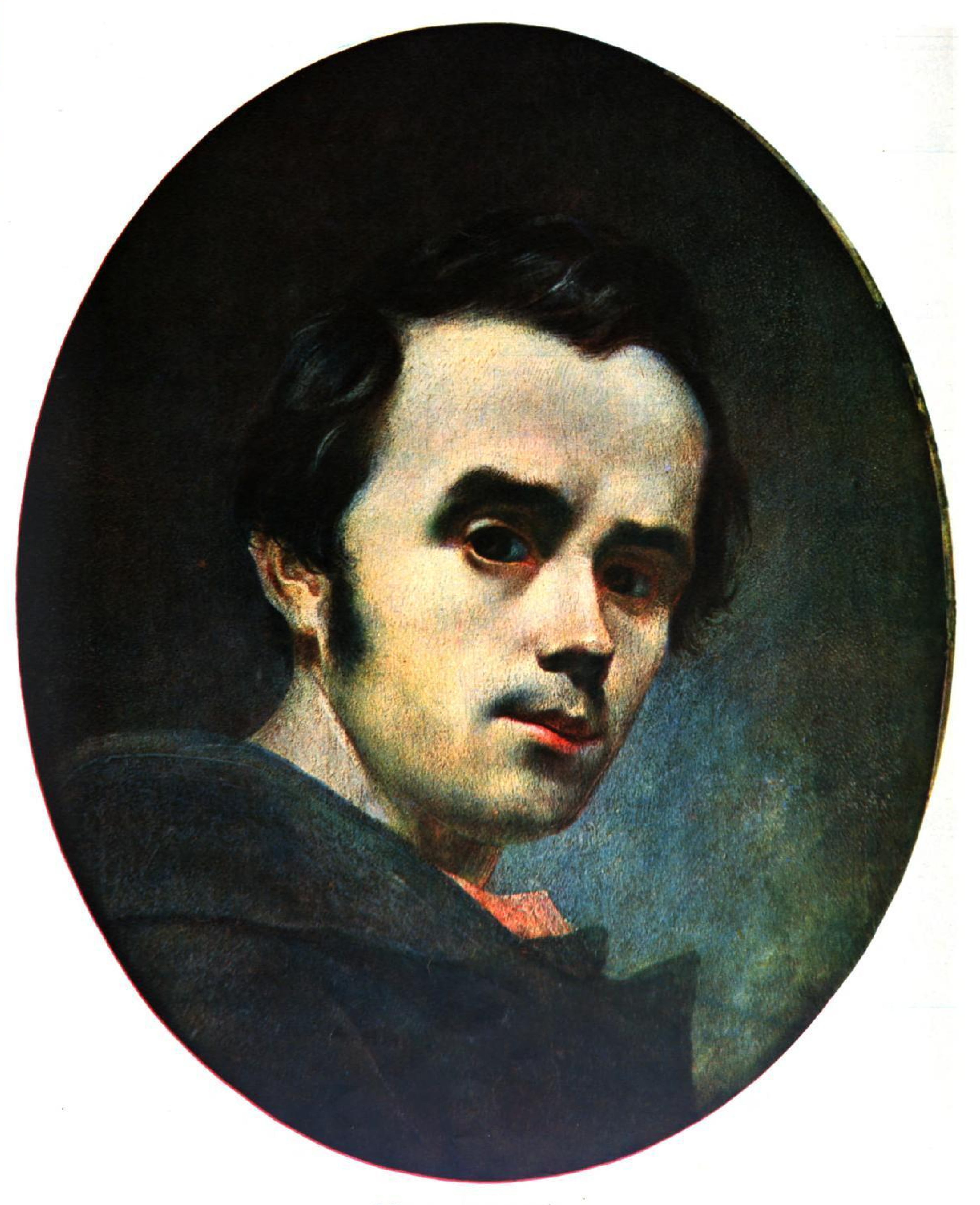
АВТОПОРТРЕТ. Офорт. 1860.

НАКАЗАНИЕ КОЛОДКОЙ. 1856—1857.

В ТЮРЬМЕ. 1856—1857.

Т. Шевченко. АВТОПОРТРЕТ. 1840.

повит» и «Вишневый садик возле хаты»,— он и тогда был бы гениальным писателем. А ведь он автор и «Гайдамаков» — эпопеи жестокой, кровавой борьбы украинского народа со своими врагами, и «Катерины» — потрясающего рассказа о трагической судьбе девушки из народа, и многих других эпических полотен.

Ряд строк Шевченко написаны рукой провидца, они просто пророческие:

Опомнитесь! Будьте люди,
Иль горе вам будет:
Скоро разорвут оковы
Скованные люди.
Суд настанет, грозной речью
Грянут Днепр и горы...

или:

Оживет иная слава,
Слава Украины,
И свет ясный, невечерний
Тихо засияет...

В наши дни поэзия Шевченко живет полной жизнью. Глубина поэтической мысли, искренность, лиризм, задушевность, подлинный гуманизм — все это дорого нам. Мы ценим художественное новаторство поэта, смело порвавшего с обветшалыми литературными канонами и обратившегося к великому сокровищу — фольклору.

Совсем не обязательно подражать Шевченко, использовать найденные им художественные формы и образы. Но невозможно пройти мимо тех замечательных традиций патриотизма и народности, которые связаны с его именем.

Еще до революции слово великого Кобзаря услышали многие поэты. Его ценили Некрасов, Чернышевский, Добролюбов, Герцен, с восторгом говорил о нем классик грузинской литературы Акакий Церетели.

О Кобзаре с любовью и уважением писали народные поэты Белоруссии Янка Купала и Якуб Колас, связывая судьбу великого сына украинского народа с нынешней свободной долей Украинской Советской Республики.

Все, сделанное Тарасом Шевченко, бессмертно. И сегодня, в день стопятидесятилетия со дня его рождения, словами другого бессмертного поэта, Некрасова, выражаем мы свою любовь, свое преклонение перед мученической, героической и славной жизнью украинского поэта-революционера:

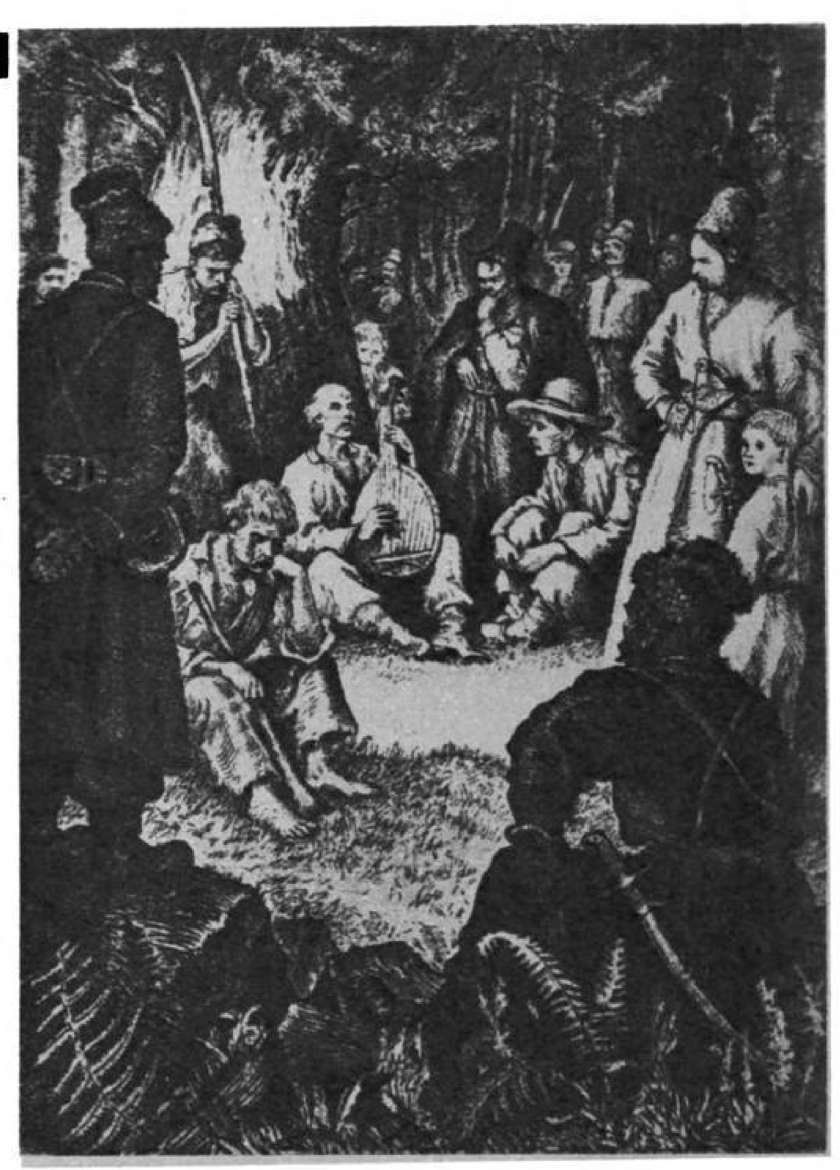
Все он изведал: тюрьму петербургскую,
Справки, доносы, жандармов любезности,
Все — и раздольную степь оренбургскую
И ее крепость... В нужде, в неизвестности,
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом — с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Слава Шевченко вышла далеко за пределы любимой им Украины. Он поэт мирового звучания. Но он не только поэт-художник, он и глашатай революции. Искры, вылетевшие из-под его пера,— это искры бури. Они превратились в молнии и ярко осветили свинцовое небо тогдашней России.

В славные дни шевченковских торжеств я хочу закончить это слово о гениальном сыне украинского народа своим стихотворением, обращенным к нему:

Мы идем предгорьями, загорьями,
Мы идем долинами к нему,
Земно кланяюсь,
Тарас Григорьевич,
Имени и слову твоему.
Мы идем звенящей Украиною
В соловьем залюбленных местах,
Мы идем,
как с песней соловьиною,
С вещими стихами на устах!
Все равно — великою громадою
Или, взявшись за руки, вдвоем,
Светом день наполнив,
сердце радуя,
Век «Реве та стогне» мы поем.
«Катерину» также мы запомнили,
В Чигирине гайдамацкий гром,
Гамалию!
«Заповита» молнии
Где-то блещут в небе грозовом.
За морями или за приморьями,
Где земля в пороховом дыму...
...Земно кланяюсь,
Тарас Григорьевич,
Имени и слову твоему!

ХУДОЖНИКИ — КОБЗАРЮ

Мы публикуем новые офорты украинских художников к юбилейному изданию «Кобзаря» в Киеве.

В. Касиян. «ГАЙДАМАКИ».

Солнечные струны

Йоле СТАНИШИЧ

Плещутся с листьями волны света.
Тучи ушли. Отгремели грозы.
Ветер касается пальцами веток —
солнечных струн многозвучной кобзы.

Строй тополей на бульваре поэта
по ветру конницей мчится гривастой.
Цепи невольничьи рвет планета
и возвещает: «Тарас мой, здравствуй!»

Кровью над миром пылали зори,
сеял Тарас семена свободы.
Зло не всесильно, не вечно горе,
лишь перед правдой бессильны годы.

Ссылки бессильны, бессильны пытки...
Слово художника жжет тирана...
Луг приднепровский цветами выткан,
звезды над степью текут багряно.

Волны вскипали под небом хмурым,
бились с разлету в речные кручи.
Песня твоя нарастала с бурей,
грозно гремела, как Днепр могучий.

Ветер развеивал прах столетий,
и зарастали травой руины.

Песня твоя! Никогда не истлеть ей,
в песне твоей душа Украины.

В песне твоей золотится колос,
в ней и улыбка и капли пота.
Песня возвысила вещий голос,
ложь ей чужда, и чужда позолота.

То нежно звеня, то гремя сурово,
нежнее лазури, грознее стали
над миром растет Тарасово слово
и осеняет земные дали.

Смотрят народы на дуб Тарасов,
на веток упругих крылатый прочерк,
братства огни его крону красят,
будто сиянье расцветших почек.

Небо мерцает дорогой млечной,
дремлют поля под наплывом снега,
и над рекой, устремленной в вечность,
высятся Пушкин, Тарас и Негош.

Авторизованный перевод с сербского
Леонида Вышеславского.

Г. Горобьевская. «НАЙМИЧКА».

ХУДОЖНИКИ — КОБЗАРЮ

МЫС

Юрий СМОЛИЧ

Мне кажется, что далеко не каждый народ имеет поэта столь популярного, столь любимого в самых широких народных слоях, как у нас, украинцев, Шевченко.

Пусть это предположение не будет принято как национальное чванство. Нет! Но чувство национальной гордости подобная мысль, конечно, и рождает, и укрепляет, и должна и рождать и укреплять!

Чем подтвердить высказанное предположение?

Многим. И не только ссылкой на совершенно астрономические цифры изданий и переизданий произведений Шевченко. Не только подсчетом городов, деревень, институтов, театров, заводов или колхозов, носящих имя Кобзаря. Кстати, одних колхозов имени Шевченко только на Украине более шестисот!

В конце концов в нашей действительности — когда Украина давно уже стала страной сплошной грамотности — все эти великолепные факты не так уж поразительны: они совершенно естественны, привычны для социалистического общества.

Но и до Великого Октября, когда украинские книги издавались в основном подпольно, когда и самый украинский язык (язык Шевченко!) был запрещен для употребления в государственных учреждениях и культурных институциях, когда Украина была страной вопиющей, почти сплошной неграмотности,— и тогда вряд ли можно было отыскать на Украине украинца, не знавшего Шевченко, и даже тогда немного нашлось бы людей — неграмотных людей! — которые не знали хотя бы несколько произведений Шевченко на память. А самое имя его произносили торжественно и с душевным трепетом.

Нужно ли более убедительное свидетельство популярности поэта и народной к нему любви?

Я думаю, нет.

Бунтарь

Поэзия Тараса Шевченко и сегодня служит нам образцом правды и честности. Его творчество, пример всей его мученической жизни и ныне являются фактором высокой моральной чистоты. Мы должны учиться у него этим прекрасным качествам, чтобы быть достойными певцами своей Родины — бесстрашными и правдивыми, как он, морально чистыми и непогрешимыми в своих высоких идеях, которые служат народу и только народу.

Самых высоких вершин творчества достигает его слово, рядом с самыми высокими фигурами стоит задумчивая фигура Кобзаря.

Взгляните на мраморного «Моисея» Микеланджело, и вы вспомните шевченковских богоборцев Ивана Гуса и закованного Прометея. Прислушайтесь к рокоту симфоний Бетховена, и вы узнаете их звучание в «Гайдамаках» и «Кавказе», в послании «И мертвым и живым...», а бетховенская ода «К радости», где звучат слова Шиллера: «обнимитесь миллионы»,— поведет вас к шевченковским заветным желаниям:

Обнiмiте ж, брати мої,
Найменшого брата,—
Нехай мати усмiхнется,
Заплакана мати...

А лирические, мечтательные пассажи Шопена поведут вас к сердечному призыву Тараса: «Зоре моя вечiрняя, зiйди над горою». Он похож на Пушкина, как родоначальник новой украинской литературы, как хранитель и чародей живого, цветистого народного слова.

Гейне писал свою «Германию» в Париже, вынося приговор прусскому деспотизму, и в то же время Шевченко написал свой грозный «Сон» в Петербурге, в самом логове царской опричнины.

Шекспировские Офелии и Джульетты со своей нежной и чистой любовью — это родные сестры Тарасовых Катерин и Марьян с их верными чувствами и разбитыми сердцами. А бессмертные материнские образы Шевченко полны нежности и рафаэлевского света, святой доброты и ласки к своим детям.

И в то же время он ни на кого не похож, только раз неповторимо рожденный народом его духовный вождь и летописец, вечный бунтарь творческого духа. Его лицо обращено к нам, и его мощный голос звучит среди нас.

Андрей МАЛЫШКО

* * *

С тобою шли, в пути не потускнев,
Как сполохи, как зарево пожара,
И Чернышевского великий гнев
И «Колокола» гулкие удары.

Синел простор за грудой облаков,
И жажду воли дума непокорно
Вливала в сталь мятежных топоров,
Твоей рукою вынутых из горна.

Берутся легче даль и крутизна,
Когда есть брат, с которым цель одна.
С ним делишь то, что есть, и то, что было,
В нем сердце снова обретает силы.

Когда есть брат, хлеб слаще во сто крат,
И слышит брат, как бьется сердце брата,
И «Колокол» звонит призывно, как набат,
И в звуках кобзы тоже медь набата!

* * *

Он писал «Кавказ» беспросветною ночью,
Он писал «Кавказ», разрывая на части сердце,
И смеялся, и плакал над листками
Убогой книжечки на столе.

Под пером оковы звенели, бил о скалы поток,
Дотлевала сгоревшая сакля,
И над сердцем растерзанным,
Над взмахами рук Прометея
Черный беркут ломал крыло.

ЛЬ И СЛОВО ТАРАСА

Может ли, должно ли подобное явление быть предметом национальной гордости?

Я полагаю, каждый скажет: да!

Это «да» сказали уже многие великие умы — и в нашей современности и в нашем прошлом, близком и далеком. Припоминаю: подобное «да» полстолетия тому назад говорили и мы, тогдашние школьники, гимназисты, когда за чтение стихов Шевченко или же только за разговор на украинском языке исключали из гимназии с волчьим билетом, без права поступления в другое учебное заведение. Мы добывали «Кобзаря» тайно, преимущественно в заграничном издании, тайно собирались — в этом было пробуждение первого нашего общественного сознания — и тайно читали поэта, заучивали наизусть. Так рождался наш первый социальный протест. Известно, что бытует, бытовало, во всяком случае, полушуточное, но и полусерьезное утверждение: не было бы Шевченко, не были бы и украинцы украинцами.

Это, разумеется, неверно. И без Шевченко существовали издревле чудесные украинские народные песни, богатейший фольклор, выразительная этнография, сам язык. Не было бы всего этого, не было бы и Шевченко. Есть быт, есть самобытность обрядов и навыков, экономика, территория, весь исторический процесс — все то, что определяет национальный характер. Но Шевченко действительно слишком крупное явление, чтобы не признать его исключительной роли в формировании национального самосознания. Шевченко не только пробуждал сознание, но и воспитывал чувства, формировал мышление — помогал осознать себя в обществе и в социальных взаимоотношениях, он пробуждал классовое чувство и классовое сознание, призывал к классовой борьбе — борьбе угнетенных и обездоленных против угнетателей. Поэт утверждал необходимость этой борьбы и показывал ее победные перспективы.

Да, Шевченко готовил нас, украинцев, к восприятию идей освободительной борьбы и в какой-то мере тем самым подготовлял и к восприятию идей социалистических. Под знамя Ленина, к познанию революционной борьбы наш трудовой народ, как и все народы, шел не простым — сложным путем, по цепи сложных явлений, и первым — начальным — звеном в этой цепи было, наверно, именно слово Шевченко.

Поэт, которого признает не только свой народ, но и народы другие, который содействует сближению народов, их дружбе,— такой поэт становится великим.

Но не просто силой своего таланта, поэтичностью слова или мастерством снискал всеобщее признание и стал действительно великим наш Тарас.

Бессмертным, всечеловеческим стал Шевченко потому, что идеи его произведений, их чувства и мысли, как и вся его деятельность, были направлены только на благо народа и человека. Человека угнетенного и обездоленного, народа порабощенного и униженного.

Так он стал великим.

Поэт столь ярко выраженного национального колорита понятен и близок всем людям, какой бы нации или расы они ни были; поэтому Шевченко признан и уважаем как великий интернационалист.

Мы, украинцы, на своей земле уже выполнили «Заповит» Шевченко. На нашей земле, как и на землях всех социалистических наций, осуществились мечты демократа-революционера.

Но не следует думать, что тем самым роль и значение Шевченко — борца и революционера — исчерпана, отошла в прошлое, а сам он стал достоянием истории и музеев.

Нет! Как призывал нас когда-то Шевченко к социальному протесту, а затем к восприятию идей революционной борьбы; как воевал вместе с бойцами Интернационального батальона в республиканской Испании; как согревал и закалял сердца в черные дни гитлеровской неволи,— так и сейчас он на аванпостах освободительной борьбы.

Для иллюстрации мне хочется рассказать об одном курьезе.

К стопятидесятилетию прихода в мир Шевченко украинцы в США собрали деньги для сооружения на американской земле памятника Кобзарю. Националисты, известное дело, постарались захватить руководство в комитете по сооружению памятника.

И вот тут произошел курьез, о котором речь.

Казначеем в комитете избрали не члена какой-либо националистической партии, но особу, настроенную отнюдь не демократически. Побывав этим летом на Украине как турист, казначей комитета решил взять с могилы Тараса Григорьевича в Каневе землю, чтобы на украинской, родной земле был воздвигнут в Вашингтоне памятник великому поэту. Естественно, никаких возражений против подобного трогательного акта ни у кого быть не могло. Казначею земля была дана, собственно, он взял ее своими руками, что и было документально запечатлено на фотопленке. И украинская земля с могилы Тараса отправилась за океан.

И что бы вы думали?

Националистические верховоды из американского комитета... отказались принять землю, отказались воздвигать памятник на украинской земле, потому, дескать, что земля эта... большевистская, коммунистическая... А самого казначея лишили полномочий и вообще из комитета выгнали.

И вот теперь — с именем Шевченко на устах! — бывший казначей ведет в прессе кампанию против украинских буржуазных националистов, вовлекая все более широкие круги общественности.

Так не только гневное слово, но и прах Шевченко воюет сегодня на баррикадах классовой борьбы, против реакции и национализма!

И воевать неугомонному Тарасу еще долго — пока от национализма, расизма, эксплуатации человека человеком, от нищеты и социальной несправедливости не останется на земле и следа.

Киев.

Он писал «Кавказ», и не знал,
и не видел ночами,
Как слезами вспоенная,
в свитке залатанной Слава
Стоит под окном;
Как она поднимает руку
И титлами молний пишет вполнеба
Его слова;

И детям дает его имя,
И дарит его песни травам,
И огонь его синего взора
вливает в звон топоров.

И когда он поднялся, усталый,
Прометей земли подъяремной,
Люди в сердце заветы его понесли,
Забывая слова молитв.

* * *

Иссушенные жаром уста и реквием скорби,
Волны Днепра поседевшие,
И поля поседевшие,
И руки дубов почерневшие,
Воздетые к небу, распятые, как на Голгофе:
— Приди!

Глаза, огнем опаленные, и рассветы Железняка,
Ножи освященные, как молнии в ночи,
Колыбель младенца и соха в борозде,
Крепостная ладонь в мозолях —
Все просило, стонало, молило:
— Приди!

И он появился оттуда,
Где горела трава от проклятий,
Где погасли свечи, зажженные богу,
За его слепоту жестокую,
Где хижина крепостного
От нужды и терзаний
Весомостью боли вгрузала в землю.

И он появился оттуда, где сеют, и жнут,
И ничего не имеют,
Где плачут, кусая губы,
Где солнечный лучик прячут в глазах,
Чтоб его за подушное не отобрали.

Сказал: буду с вами. Я сын ваш!
И сотворил слово,
Чтобы позже оно зазвенело в оковах,
В казематах сгорало,
Слепло в песках пустыни
И кованым жаром жгло уста Украины,
Сметая троны,
Сметая голгофы!

Перевел с украинского
Дмитрий Седых.

В. Панфилов. «ЕРЕТИК».

Улица Халтурина (б. Миллионная), 17.

Петербургское подполье

Петр ЖУР

Биографы Шевченко немало потрудились над изучением его деятельности в годы первой революционной ситуации в России. Известны тесные связи Шевченко с Н. Чернышевским, В. и Н. Курочкиными, с польскими революционерами З. Сераковским, Б. Залесским, Я. Станевичем, Э. Желиговским, П. Круневичем и другими. Однако до сих пор, по существу, мы не знали документов, прямо говорящих об участии Шевченко в деятельности революционных кружков той поры. Сейчас этот пробел восполняется.

Перед нами листки бумаги, исписанной четким бисерным почерком. Это записки о революционных кружках Петербурга 1858—1863 годов. Они сохранились в фонде военного писателя, историка польского восстания 1863 года В. Ф. Ратча и находятся в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Двадцать девять листов убористого текста значатся как «Очерки по истории польского восстания 1863—1864 гг. неустановленного автора».

Нам удалось установить, что автором записок является Владислав Коссовский — член Петербургской польской революционной организации офицеров, активный участник подготовки восстания 1863 года. В августе 1864 года он был арестован и дал подробные показания о революционном подполье Петербурга. Часть неопубликованных записей этих показаний сохранилась в бумагах Ратча.

Рассказав о деятельности военного революционного кружка польских офицеров, возглавляемого Ярославом Домбровским, Коссовский затем сообщает о существовании другого, «штатского» кружка, в котором активную роль играл офицер Зигмунт Падлевский, известный революционер-демократ, впоследствии один из руководителей польского восстания, расстрелянный карателями в Плоцке.

«Кружок, к которому принадлежал Падлевский до выезда его за границу (то есть с 1858 по 1861 год.— П. Ж.), — показывает Коссовский,— состоял из: Огрызки, Спасовича, Костомарова, Сераковского, Рымовича, Шевченки, Станевича (старшего), Рыхневского, Нажымского (его, впрочем, я едва ли когда-нибудь встречал, остальных же я встречал у Борщова, служившего тогда в Синоде и жившего вместе с Падлевским на Миллионной в доме Радзивилл)».

Далее Коссовский говорит о связях кружка через Падлевского с кружком русских революционеров-демократов, будущих «землевольцев» Утина, Пантелеева и Слепцова, с кружком Лаврова, Энгельгардта и Шишкова, об их отношениях с Герценом и т. д. Члены этих кружков, отмечает Коссовский, «были тесно сплочены между собой узами товарищества и единомыслия, воспоминаниями и надеждами».

Показания Коссовского о политических идеалах Шевченко во многом тенденциозны, при их оценке следует учитывать, что дух автора записок был сломлен следствием, и все же в них отражены важные фактические данные, подтвержденные другими арестованными участниками восстания. Характеризуя украинского поэта, Коссовский, например, пишет: «Шевченко был по преимуществу народным певцом, то есть ненавидел польских панов и русских помещиков». Коссовский подчеркивает: «Дружба Шевченки с Падлевским и Сераковским позволяла догадываться о симпатии Шевченки к либеральной (читай: революционно настроенной.— П. Ж.) польской молодежи».

Разумеется, не все члены «штатского» кружка были революционно настроены. Такие его участники, как профессора петербургского университета В. Спасович и Н. Костомаров, составляли правое крыло. Такие же члены кружка, как друзья и соратники Шевченко — З. Сераковский, З. Падлевский, Я. Станевич, как Ю. Огрызко, были последовательными революционерами-демократами. В кружок наряду с поляками входили русские и украинцы.

Впервые упоминаемый в связи с Шевченко чиновник Синода титулярный советник Е. А. Борщов, позже служивший в министерстве финансов, несомненно, был близок поэту-революционеру. Как свидетельствуют дошедшие до нас записи его друга М. Лазаревского, Борщов в 1861 году участвовал в мероприятиях по увековечению памяти украинского поэта. Показания Коссовского о Борщове перекрываются агентурными донесениями в III отделение, опубликованными недавно в сборнике «Восстание 1863 года». Так, в одном из них, упоминая о польских кружках Петербурга, агент пишет: «В этих кружках говорят об Огрызке, что он был душой здешнего польского революционного комитета, членами коего были еще доктор Рымович и какой-то Борщов». В другом донесении говорится: «В польских же кружках называют еще как принадлежавших к тайной польской организации в С. Петербурге служащего под начальством Наржимского (Нажымского, по рукописи Коссовского.— П. Ж.) Борщова и профессора Спасовича, а равно и доктора Рымовича».

Борщов с юношеских лет был знаком с З. Сераковским. Близкий друг Тараса, его оренбургский соизгнанник Ян Станевич, словно подтверждая показания Коссовского, вспоминал: «...Мы очень подружились с Борщовым, он вошел в наш кружок и принадлежал к польскому обществу в Петербурге».

Другой участник «штатского» кружка, Ю. Рехневский (Рыхневский, по показаниям Коссовского.— П. Ж.), являлся редактором «Журнала Министерства народного просвещения», членом редакции польской газеты «Слово», издававшейся в 1859 году в Петербурге и вскоре закрытой за революционные тенденции. Журнал сочувственно относился к творчеству Шевченко, выступая в защиту украинской литературы, говорил об украинском языке, называя его столь же своеобразным явлением, как и «остальные наречия славянские», писал о сближении русского, украинского и польского языков. В журнале печатались многочисленные материалы о воскресных школах, которые использовались революционными демократами как легальная возможность для их деятельности. Воскресные школы высоко ценил Тарас Шевченко. Он создал для них свой «Букварь Южнорусский», получивший положительный отзыв в журнале. Рехневский же вместе с Борщовым был в числе друзей Тараса, принявших участие в мероприятиях по увековечению его памяти в 1861 году.

«Штатский» кружок, как показывает Коссовский, собирался в доме Радзивилл на Миллионной улице. Это — сохранившееся в перестроенном виде до наших дней здание. Его нынешний адрес: улица Халтурина, 17.

Таким образом, устанавливается еще один важный шевченковский адрес в Петербурге, свидетельствующий о тесных организационных связях русского, украинского и польского освободительного движения в период первой революционной ситуации в России.

Ленинград.

Подполковник Андрей Красовский (1822—1868).

Сорокалетнему подполковнику Андрею Афанасьевичу Красовскому, известному украинскому революционному демократу 1860-х годов, судьба улыбнулась в последний раз. Во время конфирмации смертный приговор ему заменили двенадцатью годами каторжных работ.

12 октября 1862 года перед частями Киевского гарнизона состоялась гражданская казнь А. Красовского. Под барабанный бой палач сломал над его головой шпагу, и, лишенный чинов, дворянского достоинства, наград и всех прав, бывший офицер царской армии был отправлен на Нерчинские рудники. Почти год и три месяца, с остановками из-за болезни, длилось это путешествие.

Всю дорогу и потом несколько лет на каторге Андрей Красовский не расставался с серой бараньей шапкой.

— Это дорогая моему сердцу память о батьке Тарасе,— объяснял он товарищам по ссылке.

Шевченко не дарил Красовскому шапку. Она была куплена офицером, почитателем таланта Кобзаря, во время первого аукциона по про-

Легенда

Володимир ПАНЧЕНКО

Живет в народе сказ изустный
Над Бугом, Доном, на Суле
О том, как путник седоусый
Идет по утренней земле.
С его плащом широкополым
Играет ветер полевой,
А он идет бескрайним полем —
Легко, с открытой головой.
И над хлебами, над дорогой
Звучат могучие слова:
«Реве та стогне Дніпр широкий,
Сердитий вітер завива...»
К его ногам пшеница гнется,
Все жарче солнышко печет,
И песня жаворонка льется
К нему с заоблачных высот.
А он идет; и на просторах,
По деревням, среди дорог
Находит в шутках, разговорах
Слова для новых звучных строк...
Восход сменяется восходом,
Но песню время не берет —
Одной судьбой живет с народом
Певец — бессмертный, как народ.

Авторизованный перевод с украинского Глеба ПАГИРЕВА.

Ужгород.

Так разгоралось пламя

даже личных вещей поэта после его смерти. Вместе с шапкой Красовский тогда купил еще три вышитых сорочки, двое полотняных шаровар, платок, летнее пальто и китайские туфли. В списках аукциона его фамилия обозначена первой.

Личные вещи покупались, конечно, не для практических надобностей. Дело в том, что Андрей Красовский был горячим и активным последователем идей поэта-революционера, видным деятелем «Земли и воли», председателем тайного «Центрального комитета» на Украине.

Летом 1861 года, уже после смерти Т. Шевченко, Красовский возвращается из Петербурга на родную Украину. Находясь в Киеве, он часто посещает шевченковские места — Кирилловку, Моринцы, Корсунь, Канев. Сближается с родными Т. Шевченко, бывает на могиле поэта, заботится о ней. В одном из писем к жене он сообщает: «Могила нашего Кобзаря находится в очаровательном месте, я посадил там «калину и тополю» в воспоминание двух его думок...»

Красовский заботится об издании произведений Шевченко, всячески распространяет их. Свои обязанности перед народом он усматривает в том, чтобы по примеру русских революционных демократов вскрывать ложный характер только что осуществленной царским правительством «реформы». Красовский разъясняет крестьянам, что лишь путем революционной борьбы можно завоевать действительное освобождение.

Переодевшись в крестьянскую одежду, Красовский идет по селам, беседует с людьми, читает им произведения революционных писателей, в первую очередь Тараса Шевченко.

В начале 1862 года по доносу полиции Красовского вызывают из Канева в Киев. Здесь он получает от начальства строгий выговор; за ним устанавливается тайный надзор.

В связи с недовольством «реформой» в Киевской губернии начались крестьянские волнения, на их подавление были двинуты воинские части. Получил приказ об отправке в Каневский уезд и 4-й резервный батальон Житомирского пехотного полка, как раз в те места, где только что побывал Красовский.

17 июня, накануне выступления из Киева, в расположении батальона появился человек в крестьянской свитке и подбросил между палатками несколько конвертов с рукописными прокламациями. Они призывали солдат не поднимать оружия против крестьян, не клеймить позором свою честь, всем подразделением не выполнять «окаянного приказа», хотя бы он исходил от самого царя.

Подпоручик Карагодов узнал в человеке, одетом в свитку, подполковника Андрея Красовского — участника Крымской войны.

На следующий день Красовского заключили в крепость и предали военно-полевому суду. Во время обыска у подполковника изъяли портрет Гарибальди, портрет Шевченко, много запрещенных цензурой произведений Некрасова, Герцена, Пушкина, Беранже, Рылеева, запретные стихи Шевченко, переписанные рукой Красовского.

Его прокламации нашли живой отклик в сердцах солдат. Из десяти экземпляров было возвращено только шесть, а четыре спрятаны и выучены солдатами наизусть. В камеру Красовскому солдаты забросили трогательный ответ, в котором благодарили «благородного страдальца» за братскую любовь к простому народу.

1 мая 1863 года эта прокламация, ответ солдат и приговор полностью появились в «Колоколе». Герцен назвал Красовского мужественным революционером.

В сентябре 1866 года на Александровском заводе Красовский встретился с другом Тараса Шевченко — Николаем Гавриловичем Чернышевским. Великого русского демократа и здесь считали общепризнанным вождем революционного движения в России. Он часто и много беседовал с политкаторжанами, излагал им свои взгляды на будущее, читал написанные произведения. Красовский — постоянный участник этих бесед.

Жизнь Красовского оборвалась трагически: в 1868 году во время неудачного побега он застрелился.

Недавно в фондах ленинградского Русского музея нам удалось обнаружить лист бумаги, в центре

Рисунок А. Красовского. ГРМ. Ленинград.

которого рукой А. Красовского нарисован портрет Шевченко, а вокруг него сделано несколько набросков иллюстраций к «Гайдамакам» и «Кавказу». Под каждым из рисунков написаны рукою Красовского строки из произведений поэта.

Эта находка красноречиво подтверждает, с какой любовью относился Красовский к Шевченко, к его творчеству и всему тому, что связано с памятью о нем.

Вся же история жизни украинского революционера-демократа Андрея Красовского свидетельствует о том, что он в своей деятельности шел дорогой, указанной ему великими современниками — Чернышевским, Шевченко, Герценом.

Н. МАЦАПУРА

Киев.

М. Дерегус. «ПЕРЕБЕНДЯ».

ХУДОЖНИКИ — КОБЗАРЮ

ШЕВЧЕНКО СТАВИТ ПЬЕСУ ОСТРОВСКОГО

Полуостров Мангышлак, Новопетровское укрепление. Сюда высылали людей, забритых в солдаты. В этот кромешный ад брошен и Шевченко. Здесь он продолжает борьбу, «на краю света» пишет стихи, поет любимые украинские песни. И, наконец, задумывает создать театр.

Собираясь возле афишки, солдаты читали по складам: «Сегодня 1852 года декабря дня 26 поставлена будет комедия А. Островского «Свои люди — сочтемся».

Приступая к постановке спектакля, Шевченко писал А. Головачову: «Если увидите Островского, то и ему нижайший поклон за его «Свои люди...».

Постановкой, запрещенной пьесы Островского в любительском солдатском театре Шевченко бросал новый вызов самодержавию.

Трудно было с исполнителями: женщины, живущие в крепости, считали унизительным взбираться на подмостки сцены; женские роли играли мужчины. Как же много хлопот доставляла Шевченко работа с этими «актрисами»: их нужно было заставить не только наизусть выучить роли, но и пройти с ними школу сценического перевоплощения.

Роли исполняли: купец Большов — поручик З(убильский), Аграфена Кондратьевна — прапорщик В(ажанов), Липочка — прапорщик Угла, Устинья Наумовна — поручик Г., Подхалюзин — поручик Косарев, Рисположенский — рядовой Шевченко. Тишка — поручик В...

Вечером «зал» заполнился. С волнением ждал поэт приговора зрителей своему новому детищу.

Успех спектакля был огромный. Если бы в афишке не значилось, что в роли Липочки выступит прапорщик Углы, то все стремились бы к знакомству с грациозной и бойкой «девицей»...

Постановкой пьесы Островского «Свои люди — сочтемся» начал свое существование солдатский театр в киргизской степи.

Комедия Островского шла в Новопетровском укреплении с неизменным успехом несколько раз.

К. ШЕВЯКОВА

Киев.

Георгий ЛЕОНИДЗЕ,
народный поэт Грузии

Подвиг

Есть в истории мировой литературы фигуры, величие и слава которых определяются не только их литературным наследием, а всей совокупностью их творческого, гражданского, человеческого облика, прорывающего грани эпох и обретающего бессмертие. Сила воздействия таких писателей, ставших не только творцами, но и героями истории мировой литературы, такова, что влиянию ее бывают подвержены даже люди, не очень-то хорошо знакомые с их творчеством, но для которых существует их пример — пример их жизнедеятельности. Такими властителями дум и вершителями судеб целых поколений были Байрон и Гюго, Пушкин и Мицкевич, Петефи и Чавчавадзе. Вот на каком Олимпе, а вовсе не на одном лишь Парнасе отведено историей место и Тарасу Шевченко, гениальному поэту, человеку потрясающей судьбы.

Разве не подвиг — во тьме-тьмущей национального гнета поднять сердце факелом, осветив народу путь к свободе?

Разве не подвиг — ломая предрассудки и поправ косность якобы «ближних», дать по рукам всевозможным Кулишам, чтобы протянуть руку братства Чернышевскому и Церетели?

Разве не подвиг — в исторический час, когда само существование украинской нации и украинского языка ставилось под сомнение (и не только мракобесами), неопровержимым чудом своего гениального творчества раз и навсегда «снять» этот «спор», обеспечив тем самым родному народу и родной культуре будущее, даровав им бессмертие?

Разве не подвиг — пройдя все девять кругов ада крепостной кабалы в детстве и юности, ссылки и солдатчины в зрелые годы, сохранить такую ясность, чистоту, лучезарную светоносность духа, такую заражающую человечность, такое всеобъемлющее чувство добра, масштабы которого можно было бы сравнить лишь с его же мудрым отрицанием зла во всех его проявлениях?

Разве, наконец, не подвиг, то есть великое действие, совершенное в едином вдохновенном порыве,— сама поэзия Тараса, его стихи и поэмы, чарующая музыка его украинской речи, не только неувядаемая, но от года к году с новой силой расцветающая прелесть его стиха?..

Я говорю о его светлой одержимости Добром, о его мудрой ненависти к Злу (мудрой потому, что она не разменивалась никогда на суетливое злопыхательство).

Шестидесятые годы, 1905 год, 1917-й — вот главнейшие вехи исторической жизни народов бывшей Российской империи на протяжении почти целого столетия, когда так тесно переплетались судьбы различных народов, порабощенных империей. Чернышевский, Добролюбов, Некрасов, Шевченко, Налбандян, Чавчавадзе, Церетели, Николадзе — уже один перечень этих имен раскрывает смысл и характер эпохи.

В 1860 году на квартире профессора русской истории Костомарова (там Шевченко познакомился и с Чернышевским) произошла встреча Кобзаря с молодым тогда грузинским поэтом Церетели. Хрестоматийными стали слова из воспоминаний Акакия Церетели об этом знаменательном, поистине символическом свидании: «Эта первая встреча осталась у меня светлым воспоминанием на всю мою жизнь. Признаюсь, я первый раз понял с его слов, как надо любить родину и свой народ...».

Тбилиси.

ДУМЫ КОБЗАРЯ

Петрусь БРОВКА,
народный поэт Белоруссии

Каждый из белорусских поэтов мог бы вспомнить о том, как он впервые почувствовал на себе чарующее влияние поэтического слова Шевченко. Вспоминаю об этом и я. Мне не было тогда и семи лет, хорошо помню, что еще не ходил в школу. Но я присматривался уже к учителю, молодому парню, жившему «на квартире» у одного крестьянина, нашего соседа. У этого крестьянина был хлопчик, с которым я играл. Однажды, решив проведать его, я застал его в той половине хаты, где жил учитель. За столом с учителем сидели сивобородый хозяин, мой дружок, а мать его рядом — при прялке, остановив веретено. Пристроился и я, стремясь понять, о чем учитель читает. Меня удивляло, что читает он немного не так, как у нас говорят, но в то же время все понятно. Дошло до меня и грустное настроение прочитанного; я видел, как хозяйка время от времени тяжело вздыхала, а когда послышалось мне, как помнится:

> Якби ви знали, паничі,
> Де люди плачуть живучи.—

она вытерла глаза уголком платка.

Долго в тот вечер читал учитель из небольшой книжечки, на обложке которой был нарисован добрый дядька с ласковыми глазами и большими усами. А нам, малышам, когда кончил читать, учитель сказал, показывая на портрет:

— Научитесь читать — читайте Тараса Шевченко, дети, будете понимать, что такое жизнь.

Так с малых лет я имел счастье познакомиться с некоторыми стихами украинского Кобзаря, многие из которых на всю жизнь запали мне в душу. В школе учитель часто читал Тараса Шевченко. Вернулись в деревню и несколько солдат, служивших под Киевом. Они принесли чудесные украинские песни, и среди них мы услышали песни и на те слова, что читал нам учитель из небольшой книжечки. Это были слова Шевченко. Помню, что мы скоро заучили песни и пели их, собравшись в ночном у костра. Волнующие мелодии их летели над тихой рекою и синим бором.

Старательно мальчишескими голосами выводили мы шевченковский «Заповит», и казалось нам, что небольшая речушка Ушачка расширялась при этом, а налетевший откуда-то свежий ветер будто и впрямь подымал грозные волны. Пели и чувствовали, что сила этих слов дает нам силу, и хотелось в то время совершить что-то великое.

Тарас Шевченко стал любимым поэтом. Я помню, как мы завидовали одному хлопчику, которому удалось приобрести портрет Кобзаря.

Еще до революции мне посчастливилось познакомиться с произведениями Янки Купалы и Якуба Коласа. И все благодаря нашему молодому учителю. Он выписывал и добывал все, что тогда выходило на белорусском языке: «Наша нива», «Соха» и отдельные книжонки. Писали Купала и Колас так, как будто в нашей деревне жили. А еще мне пришла думка, что стихи Купалы и Коласа весьма близки к тем шевченковским, что читал нам учитель.

Минск.

ПЕСНЯ ЛЕТИТ ЗА МОРЕ

В. ГРИГОРОВИЧ

Степь да степь кругом, степь без начала, конца и края. И небо над пшеницей высокое и огромное. И белые домики. Зайдите в такой домик, вас угостят украинскими варениками или добрым, наваристым борщом. Если заговорите с хозяевами, услышите чарующую, напевную мову.

Трудно представить себе, что от этих мест до Днепра или Полтавщины десятки тысяч километров суши и океана. Степь эта — прерии, а домики зовутся фермой.

Не поразительным ли сходством степной Канады и золотой Украины объясняется тот примечательный факт, что именно на этих землях осела большая часть украинцев, которые в тяжелые дореволюционные годы в поисках работы и лучшей доли оторвались от родины?

Много времени минуло с той поры. Огромные перемены произошли за полвека в судьбах стран и народов, а тем более в жизни отдельных людей. Многие из тех, кто, гонимый нуждой, покинул когда-то родные края, вернулись домой. Но еще больше тех, кто успел пустить корни в новой земле слишком глубоко: одни обзавелись в Канаде семьями, хозяйством, другие похоронили на канадской земле своих близких, а третьи родились здесь. Удивительно не то, что украинцы стали канадскими гражданами, а скорее то, что они не перестали быть украинцами. Возникло еще одно национальное меньшинство в этой многоязыкой стране — со своими национальными обычаями, традициями, привычками, со своими школами и газетами, костюмами и кушаньями. В Канаде их называют украинскими канадцами, но почему-то очень хочется называть их канадскими украинцами. Может быть, потому, что так сильна и глубока в них сыновья любовь к Украине, к ее языку, истории, культуре.

Есть в Канаде такой городок Палермо, расположенный не в степных провинциях страны, а на юге Онтарио. В Палермо имеется Украинская площадь, на которой расположен большой амфитеатр, рассчитанный на несколько тысяч человек и используемый для больших концертов и праздников украинских канадцев. Здесь же, в городе, раскинулся чудесный парк имени Шевченко, в котором растут вербы, привезенные сюда с Украины. Невдалеке музей Шевченко, где хранятся многочисленные экспонаты, связанные с жизнью и деятельностью великого сына украинского народа, репродукции его картин, его книги. Место неофициально так и называется — «Украинское село». В нем находится самая большая достопримечательность Палермо — первый на канадской земле памятник великому Кобзарю, сооруженный в парке Шевченко. Сколько любви и труда было вложено во все сооружения «Украинского села», созданные руками украинцев на средства прогрессивных украинских организаций и их друзей!

По призыву Всемирного Совета Мира и ЮНЕСКО в этом году во всех странах отмечается 150-летие со дня рождения великого сына украинского народа Т. Г. Шевченко. Поэтому праздник украинских канадцев станет праздником всей передовой канадской общественности.

В Виннипеге, столице Манитобы, многочисленные профессиональные и самодеятельные коллективы готовят большую программу из произведений Шевченко, которая будет показана во многих частях страны. Среди этих коллективов мужской музыкально-хоровой ансамбль «Бандурист» и женский хор «Барвинок», молодежный хор «Динамо», школа народных танцев, украинская детская школа и другие.

Ансамбль «Бандурист» недавно отметил свое 15-летие. Самодеятельные артисты принимают участие в ансамбле не ради денег, а с единственной целью популяризации украинской культуры в Канаде. Это один из лучших творческих коллективов страны. Он известен не только в Канаде, но и за ее пределами.

Дмитрий КОВАЛЕВ

* * *

Терпение твое
на волоске.
Шинель твоя солдатская
подбита стужей.
Твоя пустыня —
как вулкан нестухший,
как буря,
задремавшая в песке.

Твоя солдатчина,
что круто начата,
характер твой не умеряет.
Печаль твоя
ушедшим не чета:
она такая,
что не умирает.

Открыто смотрят скорбь твоя
и гнев.
А нежность откровенности
стыдится.
Любовь —
как задыхается в огне,
ей в лютой замяти не остудиться.

И ничего нет родины родней.
И это быть всемирным не мешает.
И чем трудней,
тем чище перед ней.
И даже смерть
любви к ней не лишает.

Видать, в любой стране,
не только мне
понятны сердцу вербы у криницы,
что журятся от нас не в стороне...
Видать, мы все
немного украинцы.

Москва.

Москва — Тарасу

Памятник Шевченко в Москве. 1918 год.

Проект нового памятника. 1964 год.

Фото Н. Беляева.

Это было в канун первой годовщины Великого Октября. По инициативе В. И. Ленина в Москве началось сооружение памятников выдающимся деятелям революции и культуры. Среди них был и памятник Тарасу Шевченко, установленный на Трубной площади.

Как и другие воздвигнутые тогда памятники, он был весьма скромным: гипсовая статуя возвышалась на дощатом постаменте, украшенном кумачовыми полотнищами.

В полдень 3 ноября 1918 года на Трубной площади собралось множество народу.

В речах представителей Совнаркома РСФСР, Украинского отдела Наркомата по делам национальностей, землячества поляков-коммунистов, в речи русского рабочего Галькова и других звучала горячая любовь к поэту.

Представитель Украинского отдела Наркомата по делам национальностей сказал:

«...Спасибо РСФСР за то, что она первая так почтила память великого украинского поэта, который болел душою за крестьян и рабочих — безразлично какой национальности.

В своем «Завещании», которое поют здесь хоры, он просил, чтобы его в семье новой, вольной помянули «незлым, тихим словом». И русский пролетариат вспомнил о нем и чтит его память этим величественным памятником... На его родине, Украине, ни Центральная Рада, ни Скоропадский не вспомнили о нем, потому что чувствовали, что он не их, что они представляют собой тех, против кого он боролся всю жизнь. И если бы Тарас Григорьевич был жив, он был бы с нами, а не с так называемой «самостийной» Украиной...»

Автором первого памятника Тарасу Шевченко в Москве был известный русский скульптор Сергей Михайлович Волнухин.

Как и большинство монументов, сооруженных в первые годы Советской власти, памятник Шевченко в Москве не сохранился.

И вот теперь, спустя сорок шесть лет, по решению правительства СССР в Москве, на набережной Тараса Шевченко, сооружается новый памятник Кобзарю.

— Нам хочется,— говорят авторы проекта, молодые украинские скульпторы Михаил Грицюк, Юлий Синькевич, Анатолий Фуженко, архитекторы Анатолий Сницарев и Юрий Чеканюк,— чтобы в динамике статуи, в фигуре поэта, в его твердой поступи чувствовались непреодолимая сила борца, его устремленность в будущее.

Пройдет немного времени, и осуществится мысль Владимира Ильича Ленина: памятник великому украинскому поэту поднимется над Москвой.

Л. ВЛАСЕНКО

«Для нас,— заявил известный в Канаде деятель организации прогрессивных украинских канадцев Иван Стефаницкий,— людей, которых злая доля изгнала с родных земель на чужбину, Тарас Шевченко всегда был живым связующим звеном с нашим родным украинским народом. Мы никогда не расставались с Шевченко. Мы привезли его в Канаду в своих мыслях и сердцах. Он был с нами, когда мы тяжелым трудом превращали канадские прерии и леса в урожайные поля, когда мы строили железные дороги, фабрики и мосты. Творчество Шевченко было для нас утешением и советом, когда нас унижали, обижали, эксплуатировали. В трудные моменты мы брали в руки «Кобзаря», и огненное слово поэта вселяло в нас веру, что «будет правда на земле». Призыв Шевченко к своим современникам «Боритесь, победите!» стал призывом для нас. И мы боролись и продолжаем бороться за свое достоинство, за достоинство человека, за демократические права и прогресс всего канадского народа. Шевченко стал путеводной звездой в нашей жизни. Вот почему мы так горячо любим и ценим великого Кобзаря Украины».

В грандиозном концерте, посвященном Шевченко, который состоится в Плей-Хауз, примут участие несколько творческих коллективов. В программу включены произведения Шевченко и специально созданные к празднику «Дума про Кобзаря» и песня:

> То не гай шепочеться,
> Не Дніпрова хвиля котиться,
> Кобзарева пісня летить за моря.

Торонто.

По телефону.

С берегов Даугавы

Ян СУДРАБКАЛН,
народный поэт Латвии

О великом украинском поэте и художнике, борце за счастье тружеников давно, еще при его жизни, с сыновним почитанием и любовью, с лаской в голосе и сердце заговорили многие народы как о дорогом друге, величая его по-простому, родному — Тарасом, Кобзарем, Отцом. Число их сказочно возросло, когда рухнул трон последнего царя. В жизни и творчестве Тараса Шевченко соединились, воплотились достоинства и особенности, мучения и мечты украинского народа. Кто впервые побывал на Украине, тот с нетерпением раскрывает тома произведений Шевченко, чтобы глубоко почувствовать душу народа, а если кто и не увидел еще страны, но прочел и полюбил строки ее певца, то уже и знает и любит Украину.

К Тарасу всегда тянулись бедняки, горемыки, сироты среди народов, прозябавших в сумерках, и его приняли теперь в свой круг народы свободные и сильные, разорвавшие и сбросившие цепи капитализма, и он вместе с другими великанами оказался как бы на возвышении, в центре человечества, стремящегося к свободе, миру и единству. Откровенность и правдивость Кобзаря, его лирический гений, его знание жизни народа, верность народным заветам и помыслам, его лирический гений, соловьиная нежность и властность орла, его необычайная искренность и доступность, грозные сны и предвидения пленяют сердца. Лживые гуманисты Запада бормочут о всепрощении, о терпении обездоленных и милости к кровным врагам и притеснителям народных масс. Шевченко же с яростным гневом обрушивался на царей, деспотов, церковников, и в этом страшном и суровом гневе уже тогда чувствовался истинный гуманизм.

Тарас Шевченко понял и неизменно пестовал нерушимую дружбу с русским народом, осознав историческое значение этой дружбы, и русский трудовой народ, революционная Россия, лучшие ее люди страдали и радовались вместе с Тарасом, творили, созидали и боролись ради счастья и свободы своих народов.

И думается мне, латышу, снова и снова, сколь чудесна жизнь народов, больших и совсем малых, в общем нашем советском Отечестве, и рождается в сердце на берегах Даугавы братский, радостный привет украинскому народу, потомкам Кобзаря.

Рига.

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ

В этом году в Киеве завершается издание полного академического собрания сочинений Тараса Шевченко, предпринятое по решению правительства Украинской ССР. Четыре заключительных тома содержат художественное наследие Кобзаря. Интерес к ним настолько велик, что они выходят также отдельным изданием.

Сейчас все живописное и графическое наследие Шевченко, вплоть до мельчайших набросков в рабочих альбомах и на полях рукописей, становится достоянием читателей.

Еще обучаясь в академии, Шевченко принимал участие в иллюстрировании лучших русских изданий. Вместе с В. Тиммом и Е. Ковригиным он в 1841 году иллюстрировал сборник «Наши, списанные с натуры русскими», выход которого знаменовал организационное оформление гоголевского направления в русской литературе — «натуральной школы». Имя Шевченко — среди иллюстраторов издания «Сто русских литераторов» (1841 год) наряду с именами таких выдающихся мастеров, как Карл и Александр Брюлловы, Ф. Толстой.

Среди художников, взраставших эти первые зерна нового, реалистического искусства, наряду с П. Федотовым, А. Агиным, Е. Ковригиным, В. Тиммом, Г. Гагариным, Р. Жуковским был и Шевченко.

Тогда же он написал картину «Катерина» на сюжет одноименной своей поэмы. Эта картина знаменует поворот к обличительной теме, поворот, вскоре приведший к созданию первого в украинском изобразительном искусстве произведения критического реализма.

Таким произведением явилась «Живописная Украина».

Шевченко задумал ее как художественное периодическое издание. Уже само по себе это было новым для своего времени. О цели и содержании издания Шевченко писал: «История Южной России изумляет каждого своими происшествиями и полусказочными героями, народ удивительно оригинален, земля прекрасная, и все это до сих пор никем не представлено перед очи образованного мира, тогда как Малороссия давно имела своих и композиторов, и живописцев, и поэтов. Чем они увлеклись, забыв свое родное, не знаю. Мне кажется, будь родина моя самая бедная, ничтожная на земле — и тогда бы она мне казалась краше Швейцарии и всей Италии. Те, которые видели однажды нашу Крайну, говорят, что желали бы жить и умереть на ее прекраснейших полях. Что же нам сказать, ее детям? Должно любить и гордиться своей прекраснейшей матерью. Я как член ее великого семейства служу ей ежели не на существенную пользу, то по крайней мере на славу имени Украины. Обладая в мале искусством в живописи, предпринял я издание, названное мною «Живописная Украина».

Шевченко хотел в разных жанрах изобразительного искусства — исторической и бытовой картине, пейзаже — рассказать о прошлом своего народа, о его героической освободительной борьбе, о современной жизни, фольклоре, о красе родной земли. Этот замысел поражает не только своей широтой, но прежде всего идейной глубиной и зрелостью взглядов молодого Шевченко.

Каждый эстамп «Живописной Украины» — открытие. «Дары в Чигирине» — первая в украинском искусстве реалистическая историческая композиция, которая к тому же посвящена важному событию, в истории Украины — ее воссоединению с Россией. «Старосты» и «Судная рада» — произведения бытового жанра. В офорте «Судная рада» справедливый, гласный народный суд противопоставляется продажному суду царскому, помещичьему. Гравюра «Сказка», в основе которой лежит сюжет народной сказки «Солдат и Смерть», представляет собой острую сатиру на николаевскую солдатчину. Что же касается офортов «В Киеве» и «Выдубецкий монастырь в Киеве», то они являются первыми в украинском искусстве реалистическими пейзажами.

Шевченко не удалось полностью осуществить свой замысел. С выходом в конце 1844 года шести офортов «Живописной Украины» издание прекратилось.

Во время экспедиции на Аральское море, в горах Кара-Тау, в Новопетровском укреплении, Шевченко выполнил много рисунков из жизни казахов.

Есть среди шевченковских сепий, выполненных в ссылке, одна, в которой социальный протест выражен с особой силой. Оригинал рисунка не сохранился, он дошел до нас в фотографии. На ней надпись: «Государственный кулак». Даже если это не авторское название рисунка, оно предельно точно передает его содержание.

На рисунке двое казахских детей-нищих. Один из них примостился около дома и сидит, протянув руки к прохожим. Другой доверчиво смотрит на окно, ожидая подаяния. Но в ответ из окна показался тяжеленный кулак. Что это — жанровая картинка с натуры? Да. Сохранился набросок, на котором Шевченко с натуры изобразил мальчиков в такой же позе, как и на рисунке. Но рисунок является вместе с тем обобщенным образом угнетенного казахского народа.

До Шевченко никто не изображал так правдиво жизнь казахского народа. И казахи, которые до Великого Октября не имели своего профессионального изобразительного искусства, справедливо считают Шевченко своим первым национальным художником.

Новаторское значение творчества Шевченко прекрасно понимали его современники. Художник Лев Жемчужников, один из молодых друзей и последователей Кобзаря, писал вскоре после его смерти: «Как художник (в прямом смысле) он заслужил себе имя доброе и честное. И на этой дороге он был один из первых, обратившихся к родному... Он был сила, сплавляющая нас с народом. Он пробудил нас к новой жизни».

Леонид ВЛАДИЧ

НАХОДКА В ПОЛЬШЕ

Т. Шевченко. «Трио». Сепия.

В ссылке Шевченко создал более 200 рисунков. Часть из них он привез с собой в Петербург, часть продали друзья, пытаясь таким образом облегчить его трудное существование.

Об истории двух рисунков Шевченко нам хотелось бы рассказать.

Осенью 1853 года Бронислав Залесский, друг Шевченко по ссылке, написал в Одессу Аркадию Венгржиновскому, сотруднику Оренбургской пограничной комиссии, что у него имеются для продажи рисунки Шевченко. Залесский сообщал, что на рисунках изображены пристань Новопетровская, скала Монах и жанровая сцена в казахской кибитке. Залесский несколько задержал у себя рисунки, желая скопировать их.

Долгие годы один из рисунков, «Скала Монах», был известен лишь в копии Залесского. С вершины скалы жители укрепления пытались разглядеть на горизонте пароход с почтой из России.

Второй рисунок, сепия «Трио», исполнен в 1851 году, когда Шевченко сопровождал экспедицию А. Антипова в горах Кара-Тау. В 1853 году Шевченко выполнил гипсовый барельеф под тем же названием. После возвращения из ссылки, в 1859 году, он пытался разыскать рисунок.

Прошло более ста лет. Никто из исследователей не знал, что подразумевалось под этим названием. И лишь письма Б. Залесского, хранящиеся в Ягеллонской библиотеке в Польше, помогли определить, какой рисунок имел в виду Шевченко. Им оказалась жанровая сцена в казахской кибитке.

В собрании Государственного музея Т. Г. Шевченко такой рисунок есть, он считался подлинником. Но оказалось, что Залесский в ответ на письмо Шевченко летом 1859 года прислал ему свою копию, так как не знал, у кого находится оригинал. «Трио» твое, друже мой дорогой,— писал Залесский,— не знаю совершенно, где ныне находится. Может быть, ты с ним встретишься на родине. Знакомые несколько лет тому назад люди разбрелись, и многих из них не знаешь, где искать, как же знать о судьбе картины! Но у меня есть копия, помнишь, та, которую я делал в Кара-Тау, я ее сохранил в память тебя, друже мой дорогой; она, натурально, не заменит оригинала, но ты ее исправишь, и во всяком случае она может пригодиться тебе. По миновении в ней надобности ты мне ее возврати так, как воспоминание, с которым мне тяжело было бы расстаться».

Недавно удалось установить, что в Варшавском национальном музее хранятся два оригинала Шевченко: акварель «Ночь над Каспийским морем» и сепия «В киргизской юрте».

Благодаря польскому писателю Ежи Енджеевичу мы получили из Варшавы фотографии этих рисунков. Ими оказались композиции «Скала Монах» и «Трио».

До 1869 года оба рисунка принадлежали польскому писателю, историку, археологу и художнику Юзефу Игнацию Крашевскому, а потом перешли в собрание Владислава Браницкого и Юлиуша Тарновского.

Во время фашистского нашествия ценной коллекции Тарновских угрожало полное уничтожение. Владельцы эвакуировали ее в Междуречье Подлясское, но и там она была частично разграблена. Узнав об этом, сотрудники Варшавского национального музея приняли меры к спасению оставшихся ценностей. В 1943 году сохранившиеся художественные сокровища из бывшей коллекции Крашевского были перевезены в Варшаву. Однако эсэсовец Ангардт вывез все музейные ценности из Варшавы, и только в 1946 году их разыскали и вернули в Польшу. Среди них оказались два рисунка Шевченко, с которыми мы знакомим читателей.

Г. ПАЛАМАРЧУК

Киев.

Т. Шевченко. «Скала Монах». Сепия.

Г. Мелихов. МОЛОДОЙ ТАРАС ШЕВЧЕНКО У ХУДОЖНИКА К. П. БРЮЛЛОВА.

Тарас ШЕВЧЕНКО

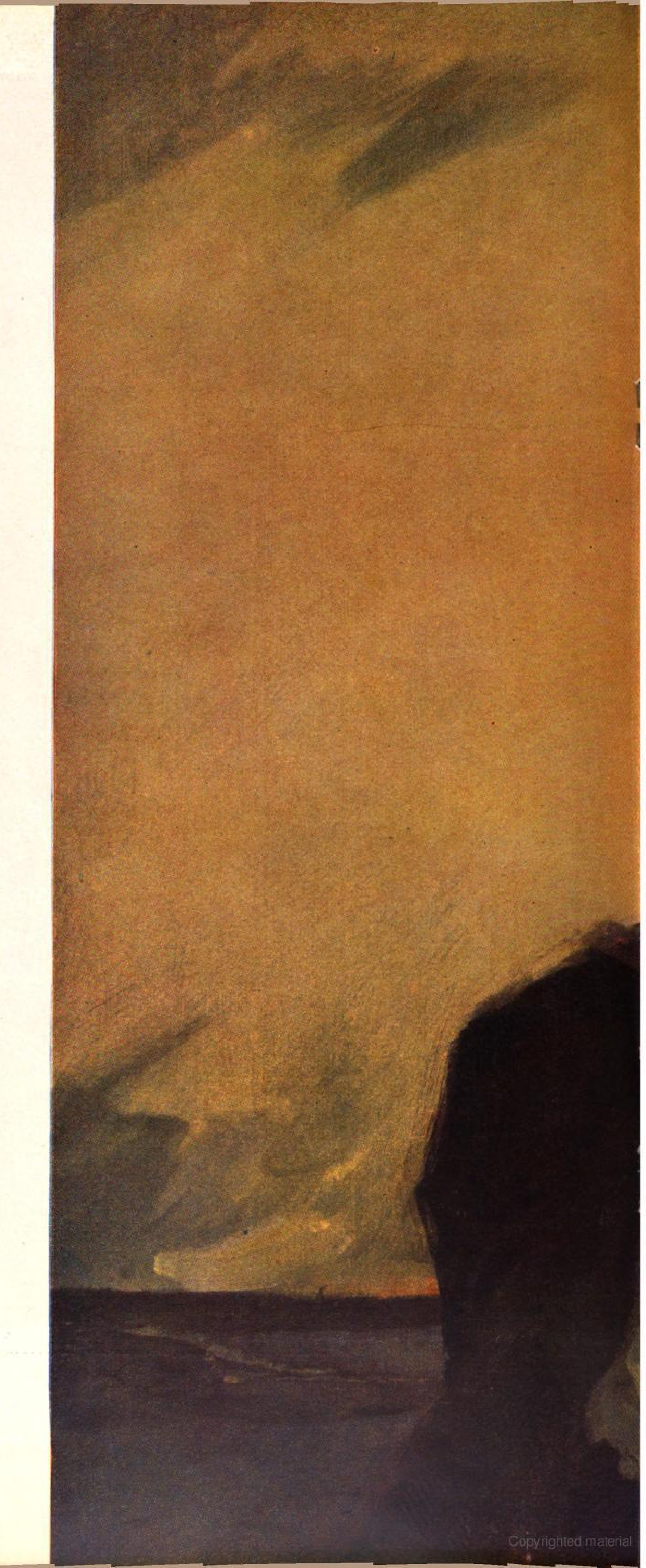
* * *

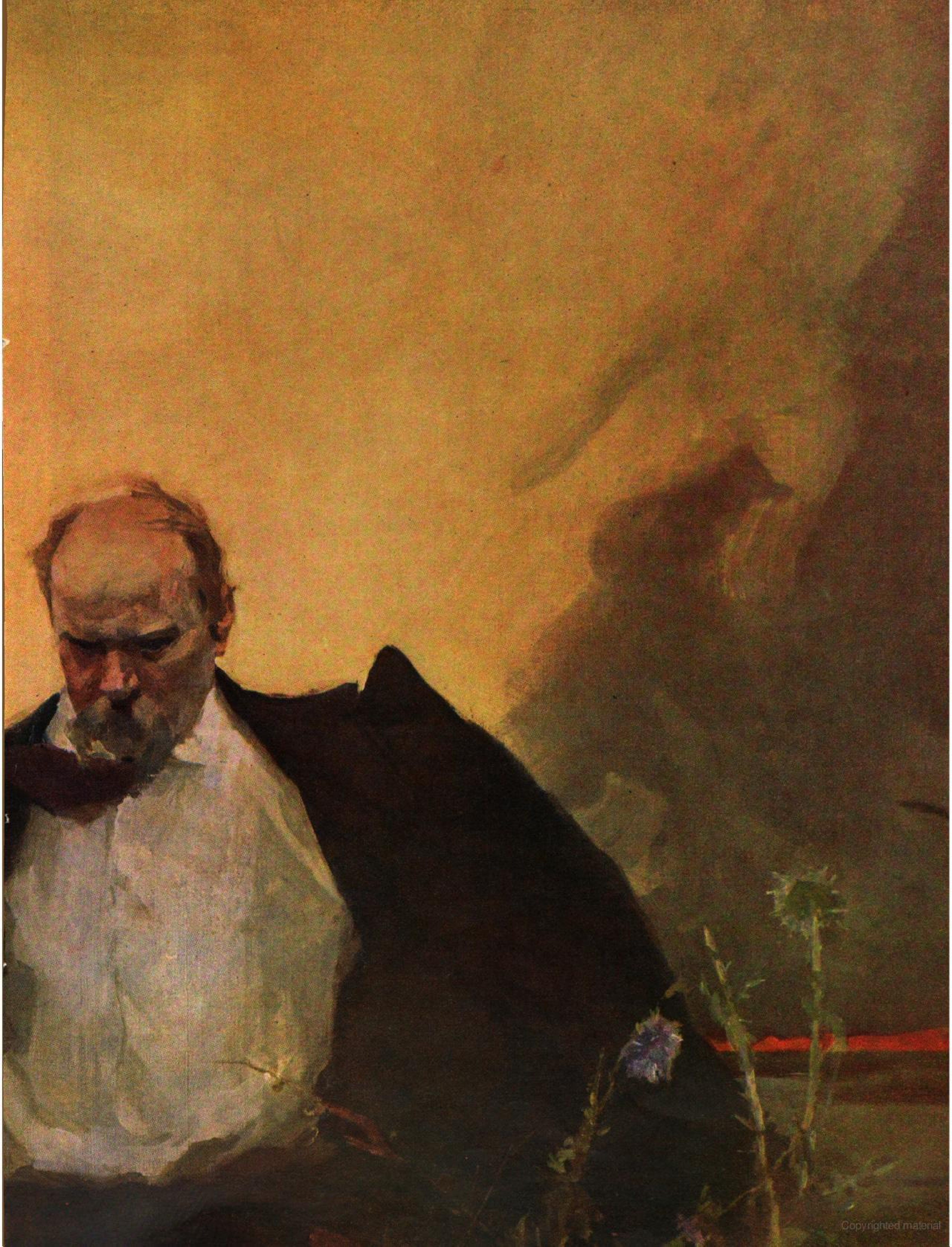
Думи мої, думи мої,
Лихо мені з вами!
Нащо стали на папері
Сумними рядами?..
Чом вас вітер не розвіяв
В степу, як пилину?
Чом вас лихо не приспало,
Як свою дитину?..

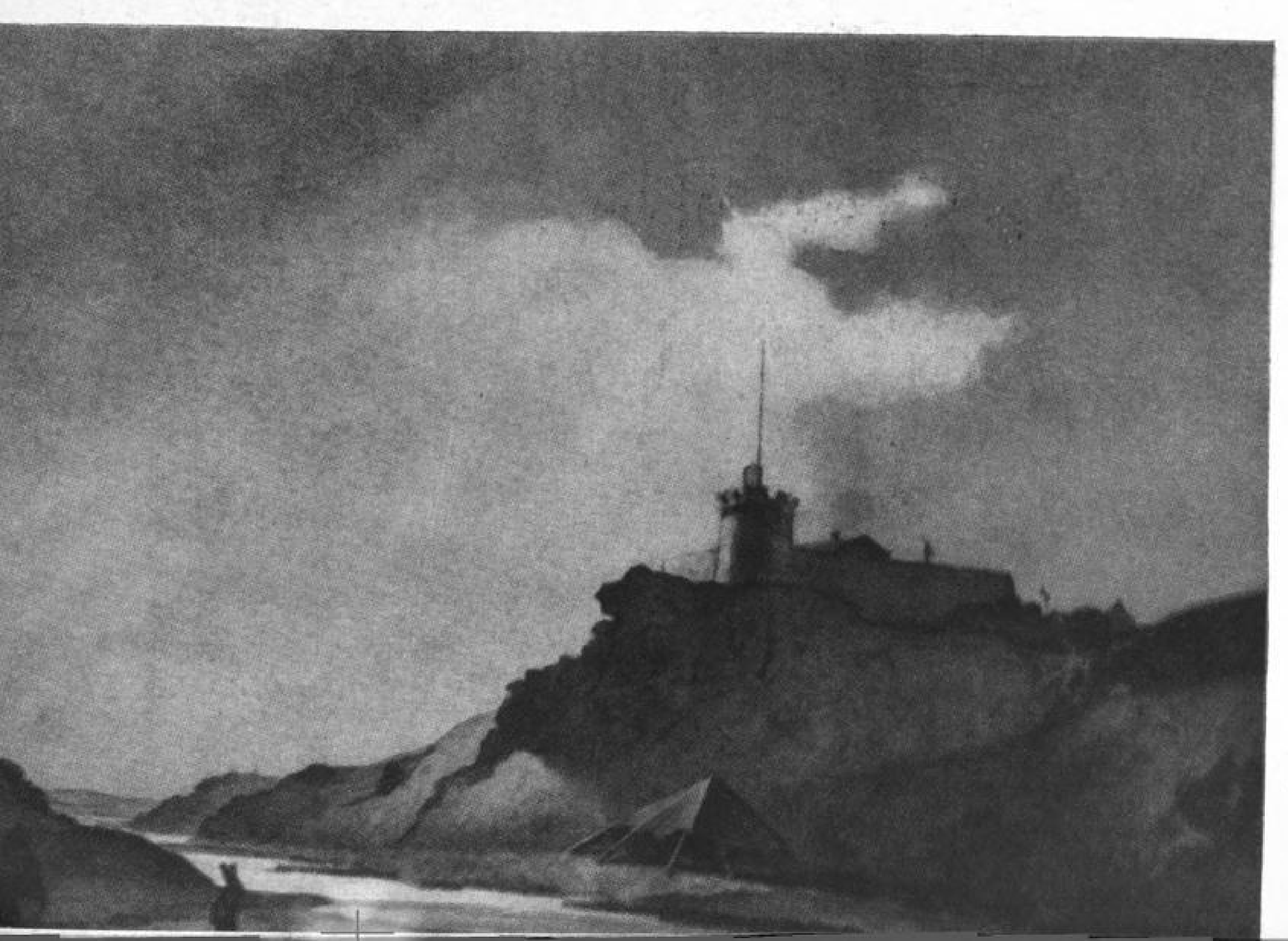
Думи мої, думи мої,
Квіти мої, діти!
Виростав вас, доглядав вас —
Де ж мені вас діти?..
В Україну ідіть, діти!
В нашу Україну,
Попідтинню, сиротами,
А я — тут загину.
Там найдете щире серце
І слово ласкаве,
Там найдете щиру правду,
А ще, може, й славу...

М. Божий. ДУМЫ МОИ, ДУМЫ...

Т. Шевченко. КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ. 1843.

ФОРТ КАРА-БУТАК. 1848.

«Пусть всегда будет солнце»

Г. КУЗНЕЦОВА

В Любеке. Член делегации советских женщин Л. Э. Пастернак-Фреймане и представители руководства западногерманской секции ВОМАН г-жа Хинц-Кениг и г-жа Лангер.

Заканчивались вторые сутки нашего пути Москва — Ганновер. Тишину предрассветного часа нарушило вторжение в купе полицейского чиновника. Он попросил предъявить документы. Помимо членов нашей делегации — профессора В. В. Любимовой, заслуженной артистки республики и депутата Верховного Совета Латвийской ССР Л. Э. Пастернак-Фреймане, директора Дома детской книги А. И. Фотеевой, в купе находились немецкие граждане.

Увидев дипломатический советский паспорт, с тисненым золотым гербом, чиновник растерянно обратился за помощью к своему начальнику.

— Кто вы, куда едете? — спрашивает тот Лидию Пастернак.

— Актриса. Еду в Ганновер.

— Почему у вас дипломатический паспорт?

— Потому что я депутат Верховного Совета Латвийской ССР.

— Странно. Кто же вы все-таки — актриса или депутат?

— Актриса, избрана в депутаты Верховного Совета республики.

У дверей купе собралось довольно много немцев. Слышатся слова явного неодобрения в адрес чиновника.

Таким оказалось первое впечатление от нашего пребывания на земле Федеративной Республики Германии. Потом было много других. На протяжении почти месячного путешествия по восьми немецким городам мы постоянно чувствовали необыкновенный интерес к нашей делегации со стороны самых различных людей. Западным немцам надоела политика «холодной войны», простые люди устали от пропаганды ненависти к странам социализма.

Мы были гостями западногерманской секции ВОМАН — Всемирной организации матерей всех наций, и встречались преимущественно с женщинами и матерями. Нас спрашивали, много ли в Советском Союзе женщин — депутатов парламента, закидывали вопросами о положении женщин в СССР, об охране материнства и детства, о том, как живет молодежь, какие у нее идеалы.

В свою очередь, мы увидели и узнали много интересного, весьма непохожего на нашу жизнь, познакомились с настроениями женщин Западной Германии.

Запомнилась встреча в редакции одной из крупнейших газет, «Франкфуртер альгемейне цейтунг». Она называет себя независимой, не связанной с какой-либо определенной политической партией.

Для знакомства и беседы с нами, четырьмя советскими женщинами, пришли все, даже директор газеты Вернер Гоффман. Первый вопрос звучал примерно так: убедились ли мы в том, что только в стране свободного предпринимательства, какой является ФРГ, жизнь человека может быть поистине прекрасна?

Мы откровенно рассказали о наших впечатлениях. К этому времени у нас уже за плечами лежал путь в полторы тысячи километров: Ганновер — Гамбург — Любек — Бонн — Кельн — Кассель.

Обращаемся к госпоже Раме, ведущей женскую страницу газеты.

— Как обстоит дело с равноправием?

Госпожа Раме считает, что женщина в ФРГ равноправна.

— Об этом и в конституции ФРГ записано,— говорит она.— Наша газета не собирается навязывать женщине свои убеждения. Каждый должен следовать своему идеалу. Это соответствует нашему понятию о свободе личности.

— Но одно дело — провозгласить принципы равноправия, а другое дело — претворить их в жизнь,— возражаем мы.— Женщина в ФРГ формально пользуется равными с мужчиной избирательными правами, однако в бундестаге только 8,3 процента женщин, в ландтаге земли Гессен (Франкфурт находится именно в этой земле) и того меньше — из 44 депутатских мандатов женщинам отдано только три.

И разница в заработной плате тоже весьма внушительная — свыше 30 процентов. Среди рабочих, занятых в промышленности, 37,2 процента составляют женщины. Легко себе представить, какие огромные прибыли получают предприниматели от дискриминации женщин!

...Есть во Франкфурте собор, вошедший в современную историю ФРГ. Это собор святого Павла — Паульскирхе. Здесь, на площади перед собором, сторонники мира стояли на вахте в защиту мира. Здесь начался поход противников атомного вооружения. Встречая в ФРГ людей со значком противника атомного вооружения, я всегда вспоминала эту площадь во Франкфурте-на-Майне.

Рядом с Паульскирхе на площади Ратуши находится пышный фонтан, увенчанный статуей богини правосудия с традиционными весами. За что прогневалась Фемида на сторонников мира? Где ее справедливость? Почему сегодня в ФРГ бросают на скамью подсудимых людей, выступающих за мир, гуманизм, прогресс? Недавно мир облетела весть о судебной расправе над замечательными женщинами Гертрудой Шрётер и Эльфридой Каутц, вся «вина» которых заключалась в том, что они позаботились о летнем отдыхе для детей, родители которых не в состоянии были этого сделать. А в январе прогрессивную общественность всех стран встревожил новый процесс — на этот раз судили Иоганна и Клару Фладунг и Грету Хофман — патриотов, антифашистов, борцов против милитаризма.

Наше путешествие закончилось в Гамбурге, городе, который как-то особенно пришелся нам по душе. Именно здесь мы встретили многих своих знакомых, которые приезжали и раньше в Москву с поездами дружбы, в составе туристских групп или делегаций. Особенно много встреч было с участницами Всемирного конгресса женщин. Все они очень тепло вспоминали о днях, проведенных в Москве, Ленинграде, Волгограде и Минске, восхищались гостеприимством советских женщин.

Делегаты конгресса провели по возвращении домой большую работу. Это было нелегко. Мой друг Вальтрауд рассказала мне, что Гамбургское отделение Западногерманского движения женщин за мир готовило большое собрание женщин. Наняли пять автобусов, оповестили около 200 женщин, и в воскресный день в одном из загородных ресторанов решили показать фильм о конгрессе, снятый в Москве, и заслушать несколько сообщений делегатов конгресса.

«Интерес аудитории был необыкновенный, слушали больше часа одинаково внимательно и женщины и их мужья,— рассказывает Вальтрауд.— Потом я стала показывать фильм и по ходу давала комментарии. И вдруг погас свет. Мы думали, что это случайность, но появился хозяин ресторана и объявил, что он не допустит здесь политического собрания.

Правда, мы не очень огорчались, потому что главное было сделано: о конгрессе, о его задачах и решениях, о единстве женщин было рассказано.

И вдруг кто-то запел песню, ставшую гимном конгресса,— «Пусть всегда будет солнце». Так с этой песней все и разъехались с собрания в хорошем, приподнятом настроении...»

Мы покидали наших друзей в ФРГ и увозили с собой их просьбу: передать советским женщинам и матерям, что немецкие женщины хотят жить в мире и растить детей для мирного будущего.

СКУЛЬПТУРЫ ХАРЬКОВЧАНКИ

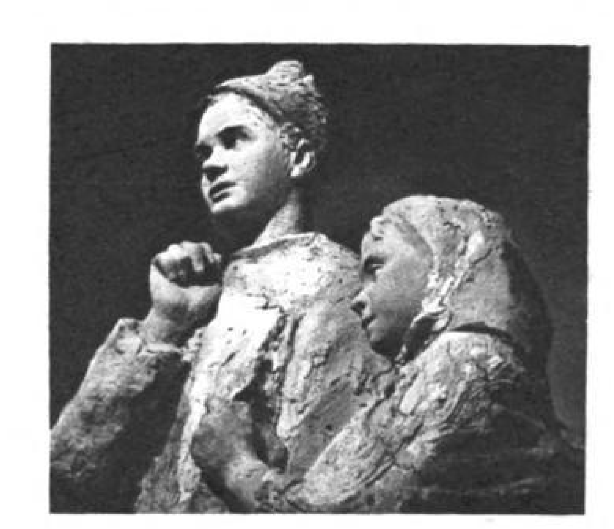
Юбилею Шевченко харьковская художница Ольга Николаевна Кудрявцева посвящает свои произведения.

«Тарас и Яриночка» (справа) — скульптурный портрет юного Шевченко и его младшей любимой сестры.

«Наймичку» О. Н. Кудрявцева изображает не в молодости, а перед смертью, в трагический момент прощания измученной батрачки со взрослым уже сыном.

Фото Дм. Улезко.

Харьков.

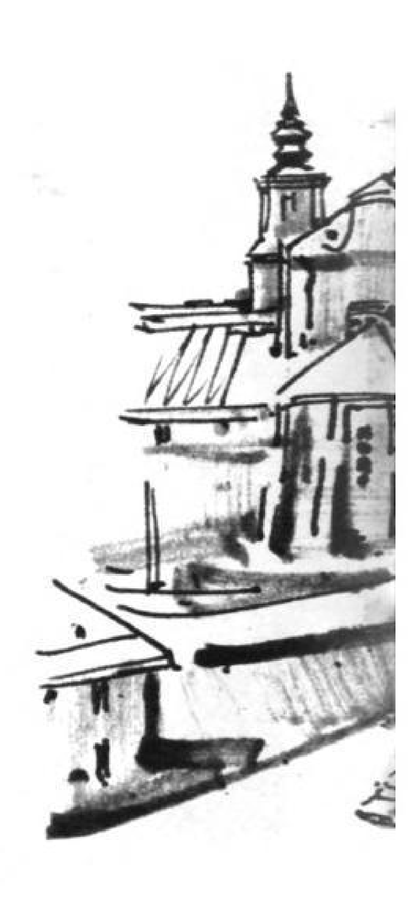

Александр БОРИН

Рассказ

Рисунки В. БОГАТКИНА.

Груши на ивовом дереве

1

Рогов лето собирался провести на Пицунде: хороший пляж и черноморская сосна. Но случилась поездка в Польшу, не с концертами, а по туристической путевке — две недели в городах и напоследок десять дней в кемпинге у Балтийского моря.

Он, наверное, не поехал бы, если б не дочь Кешка. Они отправились вдвоем, Рогов и Кешка. В Бресте пересели на небольшой чистенький польский поезд. Кешка качалась на плюшевых диванах и мыла руки жидким мылом из переворачивающейся фляжки над краном с надписью «Не для питья».

«Орбис», польское издание «Интуриста», поселил их в «Бристоле», старинном, с родословной, варшавском отеле с роскошной лепкой на потолках и мраморными лестницами.

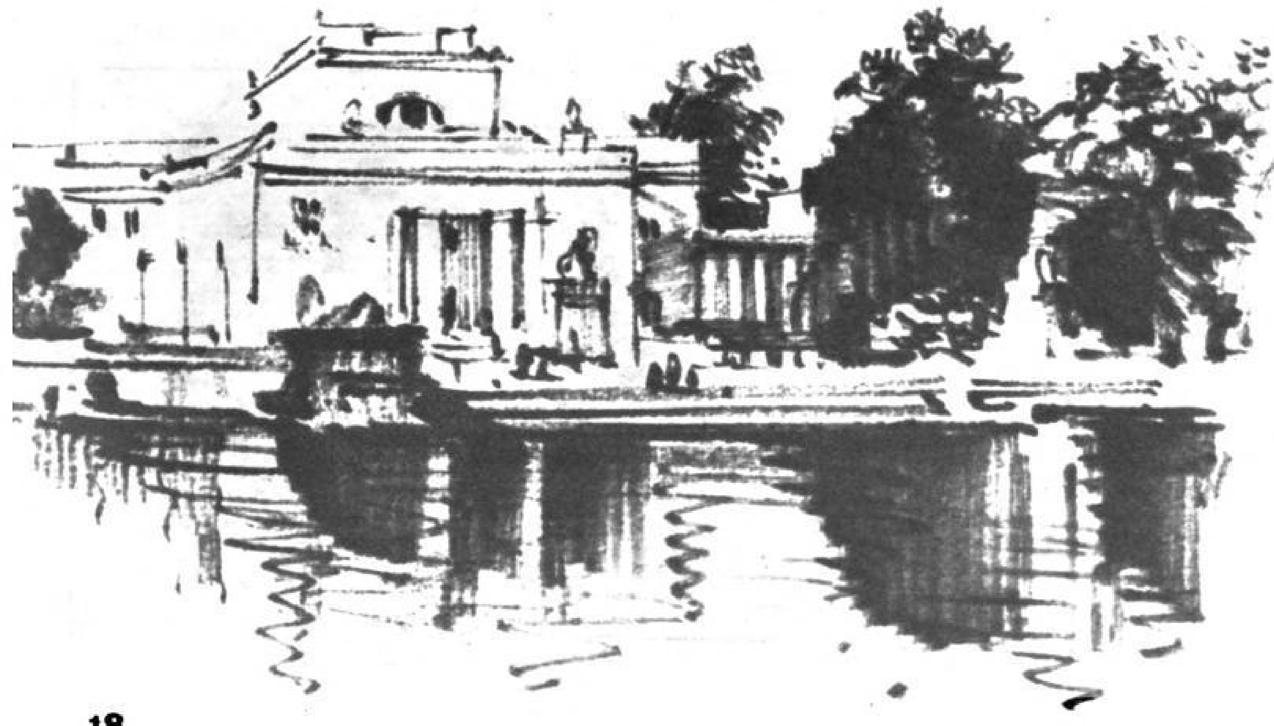
Рогову было неуютно в чужом городе, где нет у него никаких дел. Он с удовольствием прикорнул бы с утра в скверике над Вислой, закрывшись от солнца газетой. Но Кешка потащила его в Лазенки. Они ехали в красном троллейбусе со стеклянной дверью. В гастролях он никогда не ездил в троллейбусе, только в лимузинах или больших французских автобусах «Пежо», обслуживающих, кажется, все туристические маршруты мира.

В Лазенках у ворот парка они встретили группу туристов с ошалелыми и сонными лицами. Гид при галстуке, несмотря на жару, по-английски говорил им о великом князе Константине, построившем в Лазенках Бельведер, о деревянном театре знаменитого Энрико Домини и Белом доме в Лазенках, где жила последняя жена короля Станислава.

Рогов посмотрел, куда показывал гид, там каменный лев стоял на цоколе с золотыми буквами: «Рекс Станислав Понятовский»,— и из пасти льва бил фонтан.

Гид сказал о каких-то деяниях короля Станислава. К фонтану подъехала подвода с сеном; возчик снял с задка ведро и повесил его на шею каменному льву, под самую его пасть.

Рогов засмеялся, лег на траву, непримятую, аккуратно подстриженную. Наверное, на нее нельзя было ложиться, но Рогов лег и стал глядеть в пустое жаркое небо.

Подошел возчик с подводы и что-то сказал по-польски. Рогов не поднялся, только спросил с сожалением:

— Тут нельзя лежать?

— Так, так, не можно,— подтвердил возчик и тоже лег рядом с Роговым.— Горонцо,— пожаловался он Рогову и закурил.

— Жарко?

— Так, так, жарко.

— Да, жарко,— согласился Рогов.

Возчик осмотрелся, деликатно стряхнул пепел подальше от Рогова и показал папиросой на ротонду с традиционным коронованным орлом на гербе и теленком, которого Рогов не видал на других польских гербах.

— Бичка,— сказал возчик и засмеялся.— Бичка Станйслав Понятовский. Толсти бидло.

Где-то рядом прошли туристы, гид опять говорил о знаменитом Энрико Домини, и Рогов лениво подумал, что это, наверное, ему, прославленному итальянскому архитектору, приказал гордый польский король пририсовать к коронованному орлу ласкового теленка. И, наверное, кому-нибудь это показалось смешным, но смеяться над волей короля было запрещено, и верноподданническая шляхта низко склоняла головы перед молодым бычком, а знаменитый Энрико Домини, наверное, написал домой по-итальянски, что великий польский король — малость чудак, заставил нарисовать на своем гербе домашнее животное, и он, Энрико, честно нарисовал такого самого бычка, какие пасутся на землях дяди Энрикиной жены под Флоренцией,— глупого, милого, бодливого, с толстой, аппетитной ляжкой.

— Заколем? — спросил Рогова возчик.— И сжарим пану на снедание?

— Заколем,— сказал Рогов.

— Добже, добже! — счастливо согласился возчик.

Он, кряхтя, поднялся, оставил возле Рогова свой картуз и пошел наливать лошади второе ведро из-под каменного льва на цоколе с золотыми буквами: «Рекс Станислав Понятовский».

Рогов подумал, что этот рекс Станислав был, наверное, настоящим королем и принимал все всерьез, и в тот день, когда каменотесы поставили перед его дворцом грозного каменного льва, он, должно быть, мечтал, что потомки, молодая шляхта, будут говорить о нем здесь, у фонтана, любезные и благодарные речи. Разве бы ставил рекс Станислав каменного

льва, чтоб водой из фонтана поил свою лошадь возчик городского управления варшавских лесопарков?

Возчик возвратился, поспешно растянулся возле Рогова и засмеялся.

Рогов тоже засмеялся, неизвестно отчего, просто так; пахло клевером, и давным-давно уже никому не было дела до короля Станислава.

Возчик ткнул рукой в сторону дома рядом с ротондой:

— Лазенки!

— Я знаю, Лазенки,— сказал Рогов.

— Прóшу пана,— не согласился возчик.— Добже Лазенки.— Он прищелкнул языком, опрокинул на себя невидимый таз и запел от блаженства:— Буль, буль, буль... Разумеет пан?

— Баня? — неуверенно сказал Рогов.— Лазенки — это баня?

— Так, так так,— опять счастливо засмеялся возчик.— Круля Станислава баня.

— Да, хорошее дело в такую жару,— согласился Рогов.— Из холодного бы ушата...

Из всех королевских благодатей они с возчиком, кажется, жалели сейчас только о бане, где в такую, как сегодня, жару король Станислав снимал с себя штаны и рубаху и плескался в остывшей воде, окатывал шею и пропотевшие под бархатным камзолом плечи.

Возчик бросил окурок, взял картуз и встал. Рогов с сожалением протянул ему руку.

— Ну, будьте счастливы,— сказал он.— Баня у нас с вами тоже есть, значит, живем по-королевски.

— Бардзо добже,— засмеялся возчик,— бардзо добже.

Он ушел; опять появились туристы с ошалелыми и сонными лицами. Гид говорил им об архитектуре Бельведера, и Рогов вспомнил, как он сам ходил по Колизею в Риме и по Лувру в Париже, и слушал гидов, и привозил в Москву килограммы плотных, ярких, негнущихся проспектов.

Прибежала Кешка; она осмотрела уже весь парк.

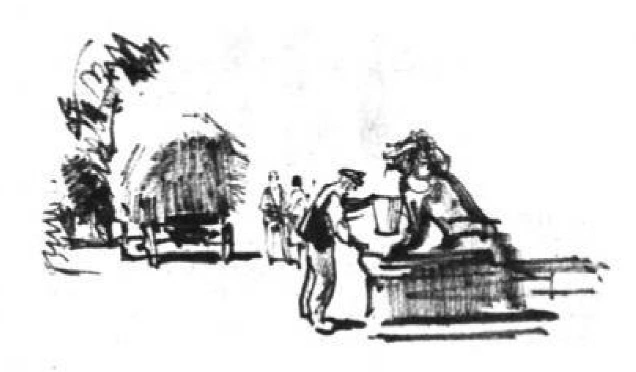
— Скучаешь? — спросила она Рогова.

— Нет,— сказал он.— Гляди, лев на старую собаку похож.

2

В красном троллейбусе с прозрачной дверью они поехали к Краковскому предместью, на Старо Място. На рыжей кирпичной стене у Барбакана висели абстрактные картины, и художник, нарисовавший эти картины, сбивал в стакане гоголь-моголь и ел вяленую колбасу.

Рогов с Кешкой ходили по Старому Мясту. Тесно лепились друг к другу вытянутые разноцветные дома, по три-четыре окна в каждом, с зелеными, синими, желтыми стенами, с фресками, изображающими лошадей и старинных дам, иногда с круглой улыбающейся негритянской головой над подъездом, с толстыми и высокими черепичными крышами. Дома расступались узкой, горбатой, мощеной улицей, и только в центре пустовала просторная, квад-

ратная, тоже вымощенная камнем площадь — Старый Рынок.

— Пятнадцатый век,— предположил Рогов.

Но старый поляк, разглядывавший витрину «Цепелии», магазина искусств и ремесел, извинился:

— Пан ошибается. Старо Място построили десять лет назад.

— Реставрировали? — возразил Рогов.

— Прах не можно реставрировать,— сказал поляк.

Рогов оглядел площадь: истертые камни мостовой, и выцветшие наивные стены, и причудливые, не наших столетий, узоры на домах, и временем обшарпанные фрески, изображающие плоских дам и толстоногих коней, и «Дом Фортуны», островерхий, с ребячливой лепной красотой, поношенный и ссохшийся под ветрами и солнцем.

— Из праха восстало Старо Място,— сказал старик.

Он был тщательно выбрит, худые щеки лоснились на солнце, над губой рыжели жидкие холеные усы, шею старика стягивал толстый зимний галстук в синюю горошину, с плеч свисал габардиновый жакет от нарядной когда-то тройки, а брюки в старомодную полоску сшиты были по последнему правилу: узкие, книзу клеш, без манжет и до щиколотки.

— Старо Място,— повторил старик. Он показал на фреску.— У этой лошади на стене нарисовали сперва четыре зуба. А потом пришел пан архитектор с довоенным альбомом и доказал, что у лошади пятнадцатого века было пять зубов. И художники смыли со стены лошадь с четырьмя зубами и нарисовали лошадь с пятью зубами. Вы думаете, это дорого и это блажь? — Старик шагнул к Рогову, волоча по камню ногу в стоптанном высоком башмаке.

Он наклонился к Кешке, обнял ее за плечо и сказал:

— Гитлер, девочка, дал телеграмму генерал-губернатору Франку сравнять Варшаву с землей. А оказывается, он не смог даже оставить без зуба старинную польскую лошадь на стене старинного польского дома.

И старик засмеялся.

Он вошел в костел. Кешка тоже вошла со стариком в костел. Он окунул правую руку в чашу с водой у колонны, коснулся лба и попытался преклонить негнущееся колено.

Рогов постоял у входа. Цветной плакат — парочка в лодке на пруду — висел на дверях под распятьем и предупреждал прихожан: «Бог видит все».

Из костела вышла кармелитка в белоснежном, твердом, еле колышущемся крылатом чепце на голове и с тугим портфелем; она не посмотрела на Рогова.

К костелу подлетел мотороллер, бело-синий, нарядный. Парень в джинсах и ядовитой ковбойке вошел в костел, окунул пальцы в святой воде, помолился и газанул наверх, к Висле. Он тоже не взглянул на Рогова.

Фотограф в черной паре с лампой-блиц на груди, корреспондент католической «Слово Повшехне» или, может, практикующий на частных заказах, деловито преклонил колено и стал снимать молящуюся у стены женщину. Она не подняла головы.

— Я вам скажу,— шепнул старик Рогову.—

Здесь, в костеле, в сорок четвертом немцы сожгли раненых участников Варшавского восстания. Своих раненых восставшие свезли в костел, верили, что святой храм остановит немцев, а они заколотили двери, облили костел бензином и подожгли. После войны костел отстроили, и три художника, кажется, атеисты, изобразили на стене Голгофу в честь божьих рабов, которым не дано было счастья воскреснуть, как воскрес когда-то Иисус Христос.

Рогов оглянулся и в полутьме различил на стене Голгофу, нарисованную тремя художниками-атеистами. Тощий человек в рубище неловко несет в гору длинный деревянный крест, а потом висит на нем, прибитый аршинными гвоздями.

Старик приблизил свое лицо к лицу Рогова.

— Я не знаю, добрый пан, к кому моя молитва. К воскресшему на Голгофе Христу или к несчастным, сожженным в его храме.

Он опять окунул руку в чашу со святой водой и долго крестился.

На улице палило солнце, тень не спасала от жары. Можно взять такси, если пан хочет показать им с дочкой Варшаву. Но старик отказался; он сказал, что ходить по Варшаве ему не вредно — ее камни лечат его старые ноги.

Они дошли до каменной полудевушки, полурыбы, крепкогрудой русалки со щучьим хвостом, с мечом над головой и щитом воина.

— Девушка была красавица,— сказал старик.— Студентка Варшавского университета. Профессор скульптуры хотела лепить с нее сирену, а девушка стыдилась. Но стать варшавской сиреной очень лестно для каждой девушки, и перед войной студентка начала позировать профессору. А в восстание она погибла.

Кешка подошла к сирене и осторожно погладила медный, жгучий на солнце, распущенный рыбий хвост.

3

В Познани, в ресторане, Кешка познакомилась с паном Станиславом, тезкой рекса Станислава из Лазенок.

Тезка короля был молодым красавчиком, он сидел за соседним столиком и ел рубленое сырое мясо с яичным желтком и перцем.

Кешка спросила, почему он ест сырое мясо, не даст повару пожарить. Он сказал, что это бардзо смачно. Вольно паненке спытать? Она испугалась:

— Нет, что вы, спасибо, я не ем сырого мяса!

Он засмеялся:

— Паненка любит зупку и лёду?

Она спросила, что такое лёда. Он объяснил:

— Эскимоз на дрючке.

Она обрадовалась:

— Мороженое! Вы бывали в Москве?

Он закивал:

— Так, так, знаешь? Третьяковска галерея.— И пересел к ним за столик со своей тарелкой сырого мяса в желтке и перце.

Да, он бывал в Москве, и в Риме, и в Зюден-Германии, он играет на валторне.

— Рам, там, тара-там, знаешь? Труба. Працуе, знаешь? Працуе? Ну практикуе в оперетте. Москва — пенькна. Я жил в отеле «Колос», в склепе менской обуви купил туфли.— Пан Станислав, задрав брючину, показал Роговым туфли, купленные в московском магазине.

Он заказал пять бутылок оранжада.

— Зачем так много? — спросила Кешка.

— Ха, много! — сказал пан Станислав.— У меня много пеньонз, знаешь? Пеньонзы? — Он хлопнул себя по карману. Взял Кешкину руку и поцеловал.

— Что вы! — засмеялась Кешка.— Я еще маленькая.

— Так, так,— закивал пан Станислав.— Малéнька паненка. Я покажу паньству Познань. Знаешь? Познань? Собор Катедру, международную ярмарку, козлов на ратуше.— Он быстро говорил, радовался за Кешку, которой покажет Познань, и что-то торопливо и весело рисовал у нее на плече.

Вечером горничная в отеле передала российскому паньству пакет от пана Станислава — свежие московские газеты для Рогова и шоколад с визитной карточкой: «Станислав Маковски, музик». На карточке была приписка карандашом: «Добжей ноцы, пани Кешка».

Утром они встретились в вестибюле и заторопились к городской ратуше.

Они стояли на тротуаре против ратуши; здесь собралось много людей, все глядели на чугунные ворота в башне. Без минуты двенадцать ворота распахнулись, и два железных козла на колесиках лениво выкатились вперед. Они повернулись друг к другу лбами, разъехались, вежливо боднули друг друга и опять разъехались. Они вежливо бодали друг друга двенадцать раз. Потом на галерею вышел солдат, вскинул трубу и заиграл.

Пан Станислав взял такси и повез Роговых в Катедру, в Ботанический сад и замок Курник. В Курнике когда-то жил граф Замойский. Пока замком владели враги, Замойский скитался на чужбине. Он дал обет: когда врагов выгонят, ложем его будет жесткий стол без одеяла и подушки. Врагов выгнали, и Замойский сдержал свое слово. Книга, лежавшая у него в изголовье, и сейчас лежит на столе. Рогов прочел на обложке: «Вебстер», словарь.

— Бардзо худы, верно, были сны на книге,— засмеялся пан Станислав.

— Вы бы взяли себе подушку! — сердито сказала Кешка.

Они пошли к машине, но пан Станислав захотел показать им одно дерево: ива, а на ней груши. Если кто хочет невозможного, луну в портсигар, в Польше говорят: хочет груш с ивового дерева.

— Але, прóше пане, вот ива, а на ней груши. Садовники в Курнике сробили иву с грушами, поженили черенцы. Паненка волит спытать?

— Нет,— сказала Кешка,— груши зеленые.

— Так, так,— согласился пан Станислав.— Бардзо зеленые.

Назавтра они с раннего утра бегали по Познани. У пана Станислава были, наверное, свои дела, но он звонил в театр из автомата, прикрыв рукой трубку, что-то говорил о российском паньстве, и они бежали дальше.

Они прятались от жары в костелах, глядели акварельные новинки в книжных лавках, прилипали к витринам «Цепелий», и пан Станислав покупал тут Рогову и Кешке какие-то ремешки для часов и кошельки с изображением познаньской ратуши. Рогов тоже хотел что-нибудь купить на память пану Станиславу, но пан Станислав отказался:

— Кóнец свята! Разве паньство дома? Паньству не можно тратить пеньонзы, паньство у меня в гостях.

Мимо ратуши они проходили как раз в двенадцать. На башне вежливо дрались козлы. Рогов спросил, действовали ли часы с козлами при немцах. Пан Станислав сказал, что сначала действовали, отец пана Станислава был часовщиком и ходил за козлами. Он устроил у козлов склад оружия, немцы отца расстреляли, но пан Станислав часть оружия успел унести. Патроны он спрятал здесь же, в ратуше, в сундуке под войлочными шлепанцами, в которые обували до войны туристов, а десять карабинов закопал в Курнике под ивой с грушами. Когда отца расстреляли, козлы еще дрались три дня. А потом кончился завод, и они стали. Снова пустили козлов только после войны.

Вечером Роговы уезжали из Познани. На вокзале их провожал пан Станислав. Он принес Кешке цветов и шоколаду. Они говорили, что он приедет к ним в гости, Кешка ему приготовит мясо с желтком и перцем, они купят лёду, эскимоз на дрючке, и в склепе менских товаров много разных красивых вещей.

В купе с Роговыми ехал еще один пассажир. Он вышел в коридор покурить, и Кешка заплакала.

— Ну что ты? — сказал Рогов.— Что ты хочешь?

— Груш,— сказала Кешка.— С ивового дерева.

4

Из Познани они поехали в Гданьск. Рогов хотел послушать орган в Оливе, самый большой в Европе орган. Портье в гостинице сказал, что ровно в час органист дает для туристов пятнадцатиминутный концерт, пану обязательно надо услышать орган, это, поверьте, пенькно зрелище.

Костел в Оливе был большой и холодный. Орган возвышался не над алтарем, а с противоположной стороны, над самым входом, и поэтому смотреть на него надо было, повернувшись спиной к алтарю.

Верующих в костеле собралось мало, пяток старух за деревянными партами, а туристов нашла целая толпа. Они стояли в широком проходе спиной к алтарю и, задрав головы, ждали концерта.

Под потолком зажглись лампы в простых железных отражателях, и начался Бах. Сперва Рогов старался понять, резонируют ли стены или работают сразу три органа, управляемые от одного пульта. Но потом он перестал думать об органе. Бах звучал так, как никогда еще не звучал Рогову. Рогов держал Кешку за плечо и заранее страшился той тишины и того шарканья ногами по полу, которые будут после этой музыки. После Баха орган заиграл «Аве Мария», и сквозь толпу стал осторожно пробираться монах с кружкой для подаяния. В кружку падали монеты, они стучали о дно, и Рогов уже не мог слушать «Аве Мария». Когда монах приблизился к нему, Рогов сердито бросил в кружку десять злотых.

Потом зажглись два прожектора, пошарив, они осветили ангелов с трубами. Ангелы стали смешно подымать и опускать трубы, забили какие-то колокольцы, орган запел на разные птичьи голоса, публика зашевелилась, кажется, ей понравились и двигающиеся ангелы и птичьи голоса, а Рогову захотелось уйти из костела.

Концерт окончился, люди выходили из прохладного костела на жару. Рогов ждал, пока в проходе станет свободнее. Но в этот момент человек, стоявший недалеко от Рогова, плотный, в розовой бумазейной рубахе с открытой грудью, громко сказал в потолок невидимому органисту:

— Маэстро! Проше еще раз Баха.

На него оглянулись, кое-кто остановился.

К человеку в бумазейке подошел монах, который собирал деньги в кружку, что-то тихо сказал ему, наверное, про то, что божий храм не театр.

Но человек, требовавший Баха, только дружески похлопал монаха по плечу и опять громко, хозяйским тоном сказал в потолок:

— Дзенькуе, маэстро. Проше еще раз Баха.

Рогов думал, что органист не откликнется, но на потолке опять зажглись лампы в простых железных отражателях, и с трех сторон загремел Бах.

Монах с кружкой потянулся было снова к слушателям, но человек, требовавший Баха, остановил его за локоть, и монах скорбно и вежливо тоже стал слушать Баха.

— Дзенькуе бардзо, маэстро,— довольный, сказал в потолок человек в бумазейке и пошел из костела.

— Я его знаю,— сказала Кешка.— Это пан директор лицея имени Костюшки из Варшавы.

Она познакомилась с ними вчера, когда Рогов был в парикмахерской. Кешка смотрела фотографии причесок в окне парикмахерской, две девушки тоже стали смотреть фотографии; им понравился бублик на макушке, а Кешка сказала, что лучше короткая стрижка. Девушки приехали в Гданьск из Варшавы, они учатся в лицее имени Костюшки и в автобусе вместе с преподавателями проводят каникулы. Одна из девушек была в брючках и подтяжках, ее звали Ганкой, а другую, беленькую,— Терезой.

Им оказалось по пути. Лицейский автобус тоже шел из Гданьска в Лэбу. Пан директор, которому органист второй раз сыграл Баха, пригласил с собой Рогова и Кешку.

— Я думал, органист не откликнется,— сказал ему Рогов.

— Все в нашей власти,— засмеялся пан директор.

Дорога пряталась в зеленом туннеле. Вязы стояли по обочинам часто, как изгородь, и тень от автобуса, казалось, стучит по вязам, как мальчишки стучат палкой по забору.

Автобус был стар, он дребезжал и позвяки-

вал. На боку красной краской тянулась надпись: «Лицей имени Костюшки, Варшава». Пан директор сказал, что каждое лето они отправляются на нем в рейс, в позапрошлом году ездили в СССР, в Крым, а в прошлом году — в Болгарию, на Золотые Пески. Когда свои колеса, край земли за твоей околицей, не так ли?

Они ехали до Лэбы долго, могли бы доехать скорее, но муж пани Марии, учительницы русского языка, заспорил с шофером паном Богданом, какой ехать дорогой. Рогов надеялся, что пан директор вмешается. Но он не вмешался. Он только смеялся, слушая, как спорят муж пани Марии и шофер пан Богдан, и объяснил Рогову, что муж пани Марии — учитель географии и руководитель лицейского туристического кружка, это его прерогатива — выбирать дорогу.

На заднем сиденье запела Ганка, беленькая Тереза подтянула ей. Пан директор перевел Рогову:

Мы пойдем на бой, как на бал,
В самом лучшем, нарядном костюме...

— Слушайте, это песня пионеров Варшавского подполья.

Рогов слушал, потом сказал:

— Я тоже пел песни отцов. «Наш паровоз, вперед лети, в коммуне остановка».

— А мы исполняли «Интернационал»,— сказал пан директор.— Вполголоса. И громко: «Вшистко ми едно».

До войны они вполголоса исполняли «Интернационал», и барышни их упивались «Вшистко ми едно». до упаду танцевали медленные танго, ночами читали «Капитал», с Эренбургом иронизировали над королями корпораций и трестов, зачитывались Шолоховым, посещали молодежные коммунистические кружки, их ждала интеллигентная бедность, не сводящая концов с концами, а счастливчикам грозило нагулять к тридцати живот с золотым брелком высокой 86-й пробы. Но началась война, и барышни, бредившие год назад «Вшистко ми едно», стреляли с крыш Маршалковской в немецких патрулей.

У могил этих барышень раз в год Тереза и Ганка стоят в почетном карауле. Лицей шефствует над стеной дома № 42 по улице Новый Свят. Немцы расстреляли у дома № 42 тридцать поляков, двадцать одного мужчину и девять женщин, их убили днем, еще торговали на улице лавки, тела лежали весь вечер и всю ночь, и только утром мусорщики увезли убитых.

Старшеклассники лицея дважды в неделю, по вторникам и субботам, меняют цветы в железном вазоне с водой на стене дома, а зимой, когда цветов нет, в вазон ставят ветки хвои.

— Такие могилы сберегают чистоту наших сердец,— сказал пан директор.

Рогов медленно кивнул.

Кешкина мать умерла в пятьдесят шестом, и, когда Рогов бессмысленно спрашивал врача в больнице: «Отчего? Вы скажите мне, отчего?» — тот невпопад объяснял что-то про блокадную ленинградскую дистрофию, которая на многих рано или поздно трагически сказывается.

— Я вам желаю...— сказал пан директор.

Рогов подумал, что он пожелает ему с Кешкой, себе самому и своим лицеистам никогда больше не знать времен, когда людей расстреливают возле торгующих лавок, и тела их наутро увозят мусорщики, а пережившие войну гибнут через пятнадцать лет после блокадной дистрофии. Но пан директор сейчас об этом не вспомнил.

— Очень желаю,— сказал он,— чтобы у нас дети узнавали про жизнь. У нас с вами.

— Да,— сказал Рогов.— Да, да. Вы правы.

На Краковском предместье, в десяти минутах ходьбы от дома № 42 по улице Новый Свят, есть студенческий клуб «Дзеканька». Старшеклассницы однажды привели пана директора в «Дзеканьку». Биологичка в простом платье басом пела в микрофон про варшавские мосты, очень красиво пела; геологичка в передничке подносила каву и оранжад; здесь пьянил даже оранжад, семнадцатилетних пьянит хоть колодезная вода. Клуб — в подвале, не шире скворечника, штукатурка ободрана так, чтобы кирпич проглядывал узором.

— Лицеисты восхищены. «Нравится, пан директор?» «Нравится,— говорю.— Никаких капиталовложений. Старание плюс грош денег». Разочарованы: «И только-то?»

— А свои у вас есть? — спросил Рогов.

— Не успел,— сказал пан директор.— Впрочем, у меня много своих. Многодетная профессия.

Нынешней зимой в лицее появились африканские танцы. На переменах ходили по коридорам в пляске святого Витта. Пан директор пригласил балетмейстера из Варшавской оперы. Как говорят в России, дело мастера боится, перестали трястись.

На экзамене по математике он разрешил пользоваться учебником. Если не соображаешь, учебник, как мертвому припарка. А инспектор из министерства просвещения испугался: «Нельзя так либеральничать».

Рогов засмеялся, а пани Мария поспешила сообщить, что выпускники их лицея взяли высший балл на экзаменах в университет.

— Все в нашей власти,— сказал пан директор.

Вечером в Лэбе они пошли гулять к морю. Рогов, Кешка, пан директор, шофер пан Богдан, Тереза, Ганка, муж пани Марии в брючках с подтяжками, как у Ганки, и пани Мария в платье с бабушкиным жабо.

Песок у воды был укатан и скрипел под подошвами.

— Были бы у меня и свои,— сказал пан директор,— да судьба такая...

В тридцать девятом он приехал в СССР, учился в Свердловске на педагогическом. Был прилежным и влюбился в аспирантку с кафедры политэкономии. Началась война; он две недели прослужил в польском войске Андерса, но в пустыню с Андерсом не ушел, молодежные коммунистические кружки тридцатых годов немножко научили уму-разуму. В польском авиаполку «Варшава» он летал на советском пикировщике, аспирантка с кафедры политэкономии из Свердловска тоже добилась зачисления в полк «Варшава», части требовался медперсонал. А в декабре сорок четвертого она погибла, здесь, у него дома, в Варшаве, в правобережном предместье города, в Праге.

После войны он пожелал вернуться в Свердловск, жить с ее родными, но в комиссариате сказать об этом не смог, объяснил: «Мне понравился социалистический строй». Ему ответили: «Очень хорошо, что понравился. Стройте его себе в Польше».

— А мы шли южнее вас,— сказал Рогов.— Со Вторым Украинским. Через Братиславу.

— Каждый год они приезжают ко мне,— сказал пан директор.— Ее родные.

С моря дул ветер, пахло сосной и рыбой. Пляжные корзины сторож свалил плашмя, чтобы их не унесло в воду.

Ганка и беленькая Тереза учили Кешку песне:

Мы пойдем на бой, как на бал,
В самом лучшем, нарядном костюме...

Они и пани Мария с мужем и паном Богданом отстали, а Рогов и пан директор ушли вперед.

Сперва они шли морем, потом свернули в лес и неожиданно оказались на узкой дороге, выложенной из бетонных плит.

Она тянулась метров двести и обрывалась возле темной, квадратной, тоже облицованной бетоном ямы. Пан директор сказал, что это остатки бывшего немецкого полигона и стартовой площадки. Отсюда, из Лэбы, немцы пускали на Лондон снаряды «Фау-1» и «Фау-2».

— Отсюда, из Лэбы? — удивился Рогов.— Я не знал.— Он заглянул в глубь ямы. Она была похожа на незарытую могилу. Наверное, днем она вовсе и не похожа на могилу, простая цементная яма, и на дне окурки и консервные банки из-под ветчины в селитре. Но сейчас, ночью, эта дыра была очень похожа на аккуратную, ровную незарытую могилу.

Рогов наклонился, чтобы еще раз заглянуть в самую ее глубину, и на площадке, у края ямы, различил какие-то полосы и буквы мелом.

Он спросил, что это. Пан директор тоже наклонился, зажег спичку, стал смотреть и вдруг засмеялся: классы, клетки, детская игра.

— Знаете, прыгают на одной ноге, кто дольше? Тут рядом лесная школа.

— А, знаю,— сказал Рогов.— Прыгают и считают: «Мак, мак, дурак». В Москве тоже так прыгают.

Они повернули назад, к морю. Ветер дул оттуда, и Рогов услышал, что поет Кешка:

Мы пойдем на бой, как на бал,
В самом лучшем, нарядном костюме...

Римма ЛИХАЧ

ДЕВЧАТА

Это Данголе Чепелите, Леокадия Туревичуте и Броня Андрюшкевичуте.

Есть такой городок в Литве — Электренай. Молодой городок, год рождения — 1960-й. Тогда здесь начали строить большую ГРЭС. Состоит городок пока из двух улиц. Одна — Драугистес, улица Дружбы. Очень точно ее назвали. Чтобы убедиться в этом, стоит заглянуть в дом номер шесть и познакомиться с его обитательницами. Пройдешься по комнатам, щеголевато-опрятным, наслушаешься заливистого смеха и песен, попробуешь традиционных блинов из картофеля, приготовленных быстрыми руками,— и не захочешь уходить отсюда.

Впрочем, прописаться здесь на постоянное жительство не проблема. Для этого необходимы лишь две вещи: жить без семьи и работать на ГРЭС. Потому что в доме шесть по улице Дружбы девичье общежитие.

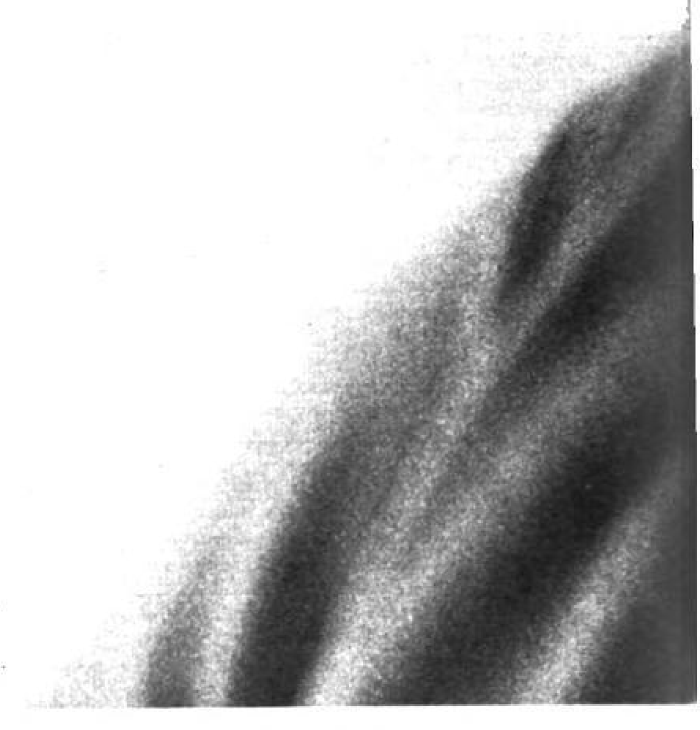
Общежитие... Это — начало твоей самостоятельности. Это работа, первая для тебя, когда все так интересно, необычно и каждый день приносит навыки, может, и небольшие, но такие важные для всего предстоящего. Это полуночные, до третьих петухов, бдения над книгой. Это субботние споры: зачем живет человек? Пусть за окнами брезжит рассвет, пусть все охрипли, но кончить спор просто невозможно: вот сейчас, еще минута, и ты наконец убедишь друзей в своей правоте. Это чай с колбасой в «постные» дни и Лукулловы пиры в день получки, когда все сразу сказочно богатеют. И, наконец, это — первое свидание с человеком, который, ну, ничем не выделялся среди прочих и вдруг после танцев в клубе стал таким умным, красивым... И тогда, в вечер первого свидания, лучшее платье комнаты отдается тебе.

Твоя радость — общая радость, и твоя беда — тоже.

И любой день в любом общежитии страны начинается, наверное, так же, как начинается он в тридцать седьмой квартире электренайского девичьего общежития, в комнате, где живут Данголе Чепелите, Броня Андрюшкевичуте и Леокадия Туревичуте.

Первым в комнате просыпается будильник. От властного трезвона сон сразу разлетается на тысячу осколков. До чего не хочется вставать! Броня закрывает уши одеялом, но чьи-то руки стаскивают его. Ну, конечно, это Данголе!

Постели убраны, пол подметен, тарелки перемыты, бигуди раскручены — все это за пят-

Данголе.

Готовится завтрак — по первому разряду.

Броня редко бывает так серьезна.

Пришел Томас.

Семейная идиллия.

надцать минут. И подруг как вихрем сдуло: побежали на работу.

Комната опустела до вечера. Вот теперь можно рассказать об ее хозяйках. В Электренае они старожилы: перебрались сюда три года тому назад. Первой — Броня. Девчонка из села Геяуйчай, окончив Вильнюсский техникум бухгалтерского учета, сначала сидела за счетами в родной деревне. На стройку ГРЭС ее сманила приятельница: приехала в отпуск, рассказала Броне, как там интересно, весело, много народу. А Броне того и надо. Характер у нее легкий, компанейский. Собралась быстренько да так, за компанию, и отбыла в чужой город. Устроилась на стройку бухгалтером. Немного поскучала: никого не знает, жизнь в городе непривычная. Чуть погодя познакомилась Броня с Данголе и Ледей, и стали они жить вместе, так, что водой не разольешь. Броня— хохотушка, озорница. Насидится целый день за гроссбухами, и дома ей надо порезвиться. Как говорят подруги, шкоду сделать. И если Ледя иной раз обидится на ее шутку, Данголе быстро восстанавливает мир, она это здорово умеет.

Бывает ведь: встретишь человека, и сразу ты на его стороне, с первого взгляда он становится близок. Вот Данголе такая. Приветливая, застенчивая улыбка, мягкие, спокойные движения, добрые, ясные глаза. Все это очень подходит к ее профессии: Данголе — руководительница в детском саду. На ее попечении тридцать ребятишек. У каждого свой характер. У кого, может, и трудный, но Данголе считает, что доброта и настойчивость все превозмогут. Осенью она будет держать экзамены в педагогический институт. Данголе — воспитательница по призванию, и это очень чувствуется. Хоть Данголе и не старше своих товарок — ей всего девятнадцать, но в их семействе она будто мать. Только Данголе может заставить Броню чистить кастрюли, когда той так хочется повертеться перед зеркалом, и только Данголе умеет отвлечь Ледю от хозяйственных забот:

— Ледя, позволь рукам хоть немного отдохнуть.

Руки Леди не знают отдыха. Только что они лепили котлеты, теперь гладят «семейное» белье. А ведь Леде за учебники не худо бы сесть. Она занимается в девятом классе вечерней школы и мечтает окончить техникум связи. Ледя — телефонистка. Ей очень нравится ее работа.

— Целый день аллёкаешь, с городами наговоришься: Москва, Ростов, Конаково — все в моем ключе. За одно дежурство дела всей страны узнаешь!

Дела всей страны... А самим девчатам дальше Вильнюса побывать пока не пришлось. Недавно на стройку приезжали инженеры из Ленинграда. Сколько они порассказали! Сколько повидали за свои тридцать лет!

Подруг зависть взяла: «А мы даже в Москву не ездили. И про Черное море — какое оно? — знаем только из книг».

Дело, конечно, не в том, что девушкам не нравится Электренай. Как же не нравится? Ведь это их город. При них вырос из временного поселка, красивый, современный. При них построили новый клуб. При них на трех маленьких озерах возвели плотину и сделалось одно большое озеро. Летом там на лодках можно кататься. Жить здесь весело, часто артисты приезжают, и на Новый год в клубе такой бал устроили — столичному под стать. Народ хороший, девчата, наверное, всех в городке знают. Словом, все в порядке. Но в двадцать лет людей непременно манят незнакомые края.

...Дверь скрипнула, отворилась. Зажегся свет. Подруги вернулись с работы. Сейчас поужинают, уберут со стола, и Данголе зароется в книгах. Ледя тихонько вытащит из тумбочки спицы и слукавит под укоризненным взглядом «нашей матери».

— Ну можно же человеку десять минут пожить для себя? Закончу Бронину рукавицу — и за учебники.

Броня сядет рядом с подругами, возьмет газету. Странно она читает: слишком часто поглядывает на дверь. Ее не спрашивают; девчатам известно: Броня ждет Томаса. Скоро она выйдет замуж и покинет своих подруг.

И тогда однажды вечером в дверь осиротевшей комнаты негромко постучат, незнакомый девичий голос скажет:

— Здравствуйте. Можно? Теперь я буду у вас жить.

Опять их станет трое. Трое девчат, похожих на всех девчат из общежитий страны.

Спокойной ночи!

ДРУЖБА ВЕЛИКИХ

В. МАСЛИХ

Шевченко встретился со Щепкиным в середине 40-х годов (точная дата до сего времени не установлена); но с творчеством Кобзаря Щепкин познакомился уже в 1840 году.

В 1847 году Шевченко был арестован и выслан в Оренбургский край, а затем в Закаспийскую область. За эти десять лет опальный поэт не забыл своих друзей, и прежде всего Щепкина; в дневнике, который он вел во время ссылки, 4 июля 1857 года записано: «...видел во сне... Михайла Семеновича Щепкина таким же свежим и бодрым, как видел я его в последний раз в 1845 году... С недавнего времени мне начали представляться во сне давно виденные мною милые сердцу предметы и лица. Это, вероятно, оттого, что я об них теперь постоянно думаю».

21 июля 1857 года поэт получил официальное известие об освобождении и стал хлопотать о пропуске в Петербург. 5 августа он прибыл в Астрахань, а 20 сентября на пароходе «Князь Пожарский» приплыл в Нижний Новгород. И здесь 23 октября Шевченко узнает, что въезд в обе столицы ему запрещен и что он находится под секретным надзором полиции. «Хороша свобода! Собака на привязи» — записывает он в дневник, а 12 ноября отправляет Щепкину письмо, где спрашивает: «...не найдется ли под Москвой какого-нибудь села, дачи или хутора с хорошим человеком?»

Щепкин не заставил долго ждать ответа. Он сообщил, что «...у сына под Москвой есть дача, в 40 верстах, Никольское, не доезжая Москвы за две станции...», но тут же со своей стороны предложил: «...ежели все это будет очень затруднительно, то не приехать ли мне в Нижний?»

А 17 декабря Щепкин известил Шевченко коротеньким письмом: «Писать много некогда, и потому скажу несколько слов. Я еду 21 числа в Нижний Новгород...»

24 декабря Шевченко записывает: «Праздникам праздник и торжество есть из торжеств! В три часа ночи приехал Михайло Семенович Щепкин».

Щепкин жил в Нижнем Новгороде у старого друга; он сыграл в спектаклях свои любимые роли, и в ночь на 30 декабря уехал в Москву. Шевченко провожал его до первой станции и, вернувшись в три часа ночи в Нижний Новгород поведал своему дневнику переполнявшее его чувство благодарности: «Шесть дней, шесть дней полной, радостно торжественной жизни! И чем я заплачу тебе, мой старый, мой единый друже?»

На следующий день, все еще не успокоившись, Шевченко снова обращается к дневнику: «Я все еще не могу прийти в нормальное состояние от волшебного и очаровательного видения. У меня все еще стоит перед глазами Городничий, Матрос, Михайло Чупрун и Любим Торцов. Но ярче и лучезарнее великого артиста стоит великий человек, кротко улыбающийся друг мой, единый, мой искренний, мой незабвенный Михайло Семенович Щепкин».

Восторженное чувство не покидает опального поэта, и 4 января 1858 года он пишет Щепкину: «Друг мой единственный! Я еще до сих пор не успокоился после того большого праздника, который ты мне устроил в моем одиночестве... Думаю на масленицу приехать к тебе в Никольское, а к тому времени, может, даст бог, выйдет мне разрешение, тогда и в Москву».

О разрешении жить в столице Шевченко узнал в последних числах февраля из письма одного из своих друзей, М. М. Лазаревского, чиновника министерства внутренних дел, много сделавшего для освобождения поэта.

8 марта в три часа пополудни Шевченко покинул Нижний Новгород и поздно вечером 10 марта прибыл в Москву; утром рано он пустился отыскивать М. С. Щепкина; «нашел его у старого Пимена в доме Щепотьевой и у него поселился».

Простудившись в дороге, Шевченко захворал. Щепкин ухаживал за ним, «как за капризным больным ребенком». Врачи предписали больному комнатный режим, и в дни вынужденного затворничества Шевченко нарисовал широко известный теперь портрет Щепкина.

Как только Шевченко оправился, Щепкин ввел его в круг московских литераторов, артистов, художников; среди них были люди, связанные с движением декабристов. «Я встретился и познакомился с ними,— записывает Шевченко,— как с давно знакомыми, родными людьми. И за всю эту полную радость обязан я моему знаменитому другу М. С. Щепкину».

В Москве Шевченко бывает у своих давних и новых друзей; все эти встречи оставляют след в его впечатлительной душе. 22 марта Шевченко записывает в дневнике: «Радостнейший из радостных дней. Сегодня я видел человека, которого не надеялся увидеть в теперешнее мое пребывание в Москве. Человек этот — Сергей Тимофеевич Аксаков. Какая прекрасная, благородная старческая наружность! Он нездоров и никого не принимает. Поехали мы с М(ихаилом) С(еменовичем) сегодня поклониться его семейству. Он узнал о нашем присутствии в своем доме и, вопреки заповеди доктора, просил нас к себе».

Шевченко в этот приезд побывал еще раз в гостеприимном доме Аксакова.

Шестнадцать дней прожил Шевченко в Москве; 26 марта друзья расстались. Щепкин уехал в Ярославль, Шевченко — в Петербург.

Сердечно встреченный друзьями, Шевченко и в Петербурге возобновляет свои старые и заводит новые знакомства. Происходит множество радостных встреч, а 14 мая, придя к А. И. Толстой, Шевченко испытывает радостное изумление, встретившись с М. С. Щепкиным, приехавшим в Петербург по случаю юбилея директора театров С. А. Гедеонова.

18 мая друзья снова встретились в доме Толстых. Здесь по просьбе А. И. Толстой Щепкин прочел монолог старого барона из маленькой трагедии Пушкина «Скупой рыцарь». «И прочитал так,— отмечает Шевченко в дневнике,— что слушатели видели перед собою юношу пламенного, а не 70-летнего старика Щепкина». Шевченко же прочел свою поэму «Неофиты», посвященную Щепкину. Утром следующего дня Шевченко проводил друга в Москву.

Через два года — в марте 1860 года — Щепкин снова посетил Петербург; он и в этот свой приезд опять свиделся с Шевченко в доме Толстых. Об этой встрече старых друзей можно узнать из дневника дочери Ф. П. и А. И. Толстых — Е. Ф. Юнге (запись 16 марта): «Вчера у нас обедали Щепкин, Шевченко, Костомаров, Александр Павлович Брюллов, Мещерский и Тихменев... После обеда мы все уселись в гостиной, и Щепкин читал нам. Он был в ударе и читал превосходно».

Среди произведений, исполненных Щепкиным, несколько стихотворений принадлежали Шевченко.

Это была последняя встреча друзей, через год Шевченко умер, а через два года после него умер Щепкин.

НОВЫЕ СТРОКИ «КАТЕРИНЫ»

Украинский литературовед В. С. Бородин обнаружил в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР рукописный сборник произведений Шевченко, датированный 1861 годом (недавно этот список передан в Центральный государственный исторический архив УССР). Список называется: «Кобзарь Т. Шевченко. Книжка первая; тут же обозначена фамилия человека, которому принадлежала рукопись,— «И. П. Левченко».

Друг поэта Иван Левченко, один из тех, кто помогал Шевченко в первом издании «Кобзаря», кто знал произведения поэта в рукописи.

Особенный интерес в списке И. Левченко представляет полный текст поэмы «Катерина», поэмы, которая, как известно, помещена в «Кобзаре» 1840 года с немалыми сокращениями. Многие из них оставались до сих пор неизвестными, и только недавно найденный список Ивана Левченко дает возможность восстановить полный первоначальный текст поэмы.

В начале четвертого раздела в списке Левченко идет следующее:

Край неба синього палає,
Насилу місяць маячить,
Мороз лютує, сніг рипить,
Не вмившись, вітер позіхає
Та іней з дерева збива,
Сова з бенкету поспішає
Та в пір'я пазурі хова;
Ще люди сплять, біліє поле,
Ярами мріють чагарі,
А на узліссі, на горі,
Діди неначе, суходолі
Дуби з гетьманщини стоять;
В яру гребелька, верби вряд...

И 28 неизвестных строк находим в списке Левченко в конце поэмы. После финала поэмы, известного по первой публикации, в списке Левченко идут такие лирические раздумья поэта:

Отак доля людей ділить —
Доброго минає,
Ледачого же, поганого
За сина кохає...
Нащо доля — якби мати!
Та де її взяти!
Покинула маленького,—
Ні в кого спитати:
Чорні гори не говорять,
А люди сміються...
Плач, Івасю, попідтинню,
Поки сльози ллються,
Тихесенько, сердце моє,
Щоб не чули люди,
Не питай їх, мій голубе!
Скажуть — гірше буде...
Отаке-то! — Той гуляє,
Тому світ немилий!
Лихо матір утопило,
Щука-риба з'їла;
Батько ходить у жупані,
Їздить у берлині,—
А син росте з лобурями
В латаній свитині,—
Отак доля людей ділить:
Панує ледащо,
А сирота світом нудить
И не знає — защо!

В Центральный государственный архив литературы и искусства СССР в Москве список Левченко поступил в послевоенное время. Перед Великой Отечественной войной рукопись хранилась в Государственном литературном музее в Москве, который приобрел рукопись в букинистическом магазине.

Неизвестные строки «Катерины» входят в новое академическое издание сочинений Шевченко в шести томах, осуществляемое Институтом литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР.

Т. МИХАЙЛОВА

«НАЗАР СТОДОЛЯ» В МАЛОМ ТЕАТРЕ

В 1877 году имя Шевченко впервые появилось на афише Малого театра.

Г. Н. Федотова — любимая и талантливейшая ученица Щепкина — включила в программу своего бенефисного спектакля, назначенного на 22 февраля, пьесу Т. Г. Шевченко «Назар Стодоля», переведенную с украинского и шедшую в Малом театре под названием «В ночь на Рождество». Кроме пьесы Шевченко, в тот вечер шли «Каменный гость» А. С. Пушкина, одноактная комедия И. С. Тургенева «Провинциалка» и шуточная оперетта «Парики».

Через день — 24 февраля 1877 года — «Театральная газета» сообщала, что спектакль «сопровождался такими шумными овациями всей публики, каких нам никогда еще не приходилось видеть в Малом театре... Бенефициантка в роли казачки Гали была прелестна. Замечательно хороша была и г-жа Никулина, игравшая роль живой, плутоватой ключницы Стехи».

Более подробная рецензия была помещена в «Театральной газете» в номере от 27 февраля. Тот же рецензент, изложив со всеми подробностями содержание пьесы, восторженно писал о Федотовой и Никулиной: «Первая создала из Гали такую поэтическую, светлую, правдивую фигуру, что казалось, будто не сцена перед вами, а сама жизнь, жизнь не хитрая, простая, но эта-то простота, от которой мы отвыкли, глядя на театральные подмостки, и пленительна. Если уж необходимо назвать лучшие сцены в игре артистки, то как на таковые можно, пожалуй, указать на все сцены Гали с отцом, особенно в первом акте.

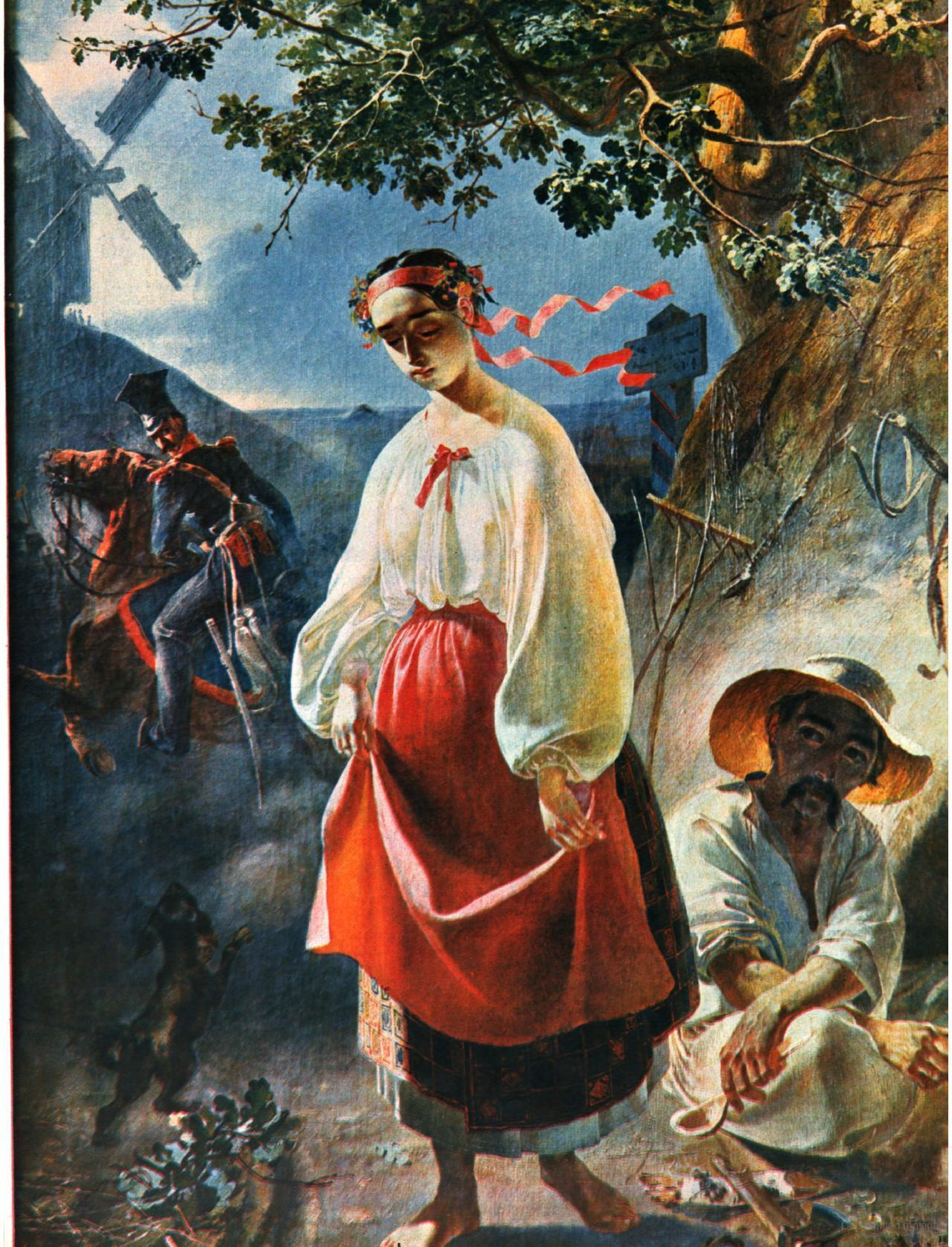
Никак не ниже Федотовой была и г-жа Никулина, изобразившая перед нами такую прелестную, кокетливую, задорную плутовку-казачку, что мы удивлялись, как это старый Фома хотел, пообещав жениться на ней, надуть ее, такую славную, такую красавицу».

В пятницу 25 февраля пьеса Шевченко была повторена с тем же составом исполнителей в бенефис суфлера Н. А. Ермолова — отца будущей знаменитой русской актрисы.

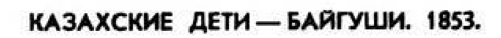
2 марта «Назар Стодоля» прошел в третий раз с теми же исполнителями. С тех пор на сцене Малого театра этот спектакль больше никогда не появлялся.

В. ТОПОЛЕВ

Т. Шевченко. КАТЕРИНА. 1842.

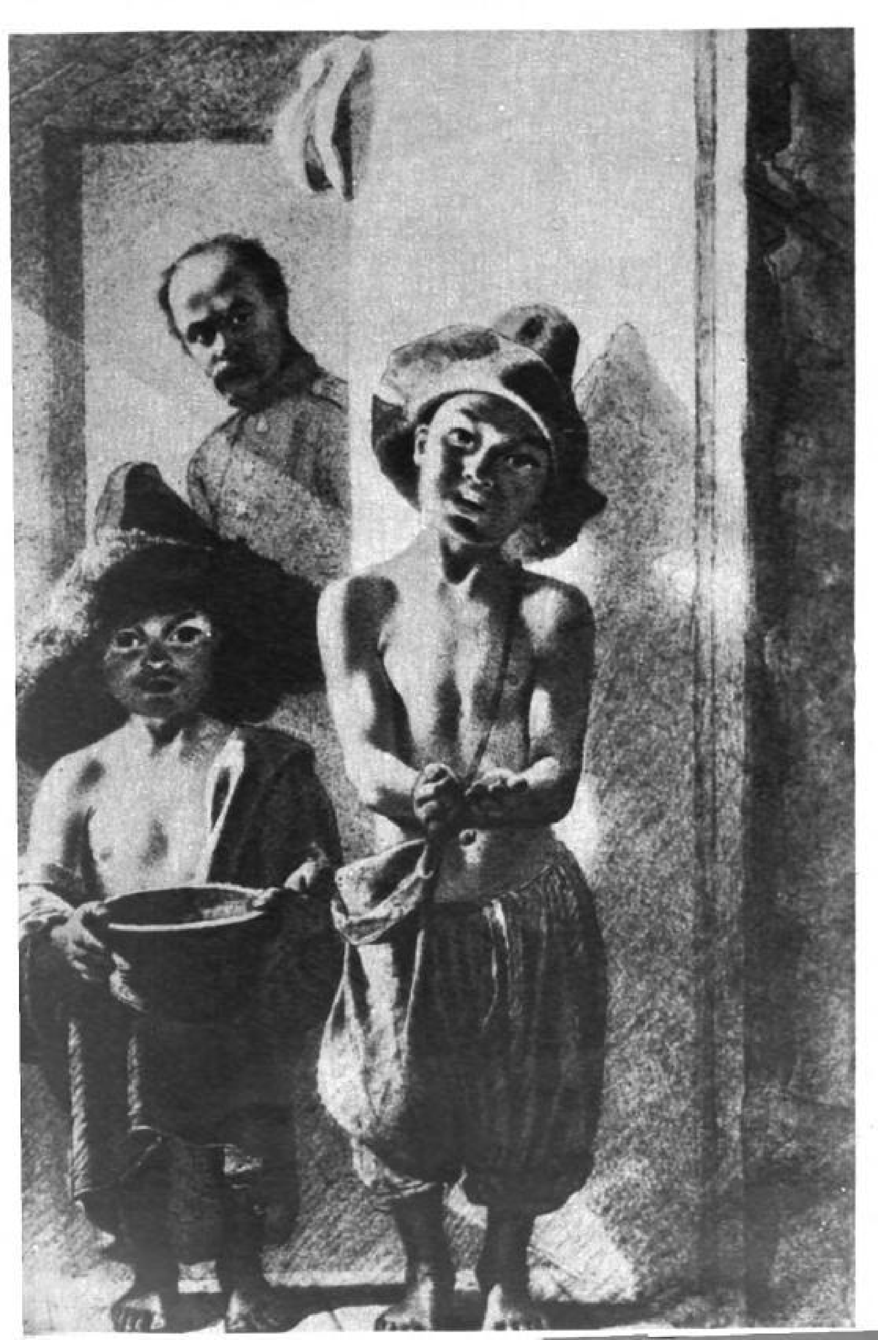

Т. Шевченко. ПОРТРЕТ М. С. ЩЕПКИНА. 1858.

КИРГИЗКА КАТЯ. 1854—1857.

КАЗАХСКИЕ ДЕТИ — БАЙГУШИ. 1853.

ПОРТРЕТ АЙРА ОЛДРИДЖА. 1858.

Н. КИСЕЛЕВ

Ее день рождения

Поведал мне об этом челябинский коллега Женя Ткаченко. Прошлой весной, после победного возвращения с мирового чемпионата из Японии, комнату Лиды Скобликовой украсил первый лавровый венок. Он приятно разнообразил богатую коллекцию призов и медалей прославленной скороходки. Каково же было удивление журналиста, когда он, заглянув в канун Нового года к Лиде Скобликовой, старшему преподавателю Челябинского пединститута, увидел на стене... два венка. Лида, немного смутившись, пояснила:

— Второй — подарок спортсменов Грузии. Своего рода символ. В общем-то хочется, чтобы он не был лишь декорацией...

Не прошло и двух месяцев, как желание Лиды сбылось. Вскоре после Белой олимпиады в Инсбруке, в шведском городе Кристинехамне, Скобликова защитила свой титул чемпионки мира.

Какими только восторженными эпитетами не награждала во время Белой олимпиады зарубежная пресса уральскую спортсменку: «Золотая девушка России», «Царица медалей», «Олимпийская сверхзвезда», «Фантастическая королева коньков». Немного крикливо, но в общем-то верно. А одна американская газета окрестила ее даже «демоном на льду», что уже совсем ни к чему. Никакой она не демон, наша Лида.

У нее стройная фигура, белокурые волосы, обаятельная улыбка и ямочки на щеках. А кроме того, у нее превосходные секунды на ледяной дорожке.

А еще у нее щедрое сердце. Финишировала Скобликова на пятисотметровке. Счетчик времени на электротабло показал лучший результат дня. Подъехала к Егоровой: «Прости, Ира, что так получилось. В спринте по праву тебе должна была достаться золотая медаль». (Полмесяца спустя в Кристинехамне Скобликова и Егорова поделили первенство на самой короткой дистанции и обе получили высшие награды.)

Как горячо желала Скобликова победы Белоусовой и Протопопову! (Позднее, выступая перед москвичами во Дворце спорта, эта самая что ни на есть безбожница призналась, как в первый олимпийский вечер, сидя у телевизора, молила: «О боже, хоть ты помоги им!..»)

Часто можно было встретить Лиду на трибуне среди зрителей, даже тогда, когда ей не полагалось бы покидать олимпийскую деревню. Громче всех подбадривала она наших хоккеистов, а уезжая из Инсбрука (конькобежки торопились на свой мировой чемпионат), наказывала: «Держитесь, мальчики!»

Неудачу Евгения Гришина в спринте Лида переживала не меньше, чем сам мировой рекордсмен. Зато, когда Антс Антсон выиграл первенство на 1 500 метров, она наградила победителя «поцелуем королевы».

Сразу после того, как Скобликова на покрытой лужами дорожке Айс-стадиона завоевала свою четвертую в Инсбруке золотую олимпийскую медаль, она попала под перекрестный огонь представителей западной прессы. Лиду спрашивали о качестве льда («Как в бассейне»), кто ее идеал из спортсменов («Гришин»), почему нет детей. «У трехкратной олимпийской чемпионки Сони Хени уже двое»,— добавила французская корреспондентка («Когда мне стукнет столько, сколько сейчас бывшей норвежской фигуристке, а ныне голливудской кинозвезде, у меня будут внуки»). Интересовались профессией олимпийской героини («Преподаватель анатомии и физиологии») и чем она увлекается, кроме спорта («Люблю музыку, книги, театр»).

Минут пятьдесят продолжалась эта импровизированная пресс-конференция. Лида отвечала непринужденно, остроумно. Вот что передало затем агентство Ассошиэйтед Пресс: «Королева скоростного бега на коньках показала себя чемпионкой в парировании задаваемых ей вопросов... Голубоглазая блондинка излучала при этом женское очарование, согревшее присутствующих журналистов».

Ни о ком так много не говорили и не писали в эту зиму, как о Скобликовой. Добавить что-либо новое о подвигах Лиды трудно. Но, может, стоит перелистать и другие менее известные или полузабытые страницы ее спортивной жизни, без которых не было бы самых ярких — олимпийских?

На той пресс-конференции, что состоялась в одной из комнат ледяного стадиона, журналисты удивились, как грациозная молодая женщина может одинаково хорошо выступать на коротких и длинных дистанциях. В чем секрет такой многосторонности: природная одаренность или необыкновенное трудолюбие? Лида задумалась, пожала плечами.

— Не знаю.— И вдруг ее серьезный, нахмуренный лоб разгладился и лицо озарила широкая улыбка.— Не хочу, чтоб бегали быстрее меня...

...Дом, где жила она в Златоусте, стоит под горой Косотур. В детстве Лида, очень подвижная и шустрая девчонка, любила прыгать, играть в волейбол и баскетбол. На вершину Косотура к спортивной площадке взбегала без передышки. Мать только головой качала: испортит девчонка сердце. В семье никто не увлекается спортом. А эта?.. И в кого только пошла!

Все тот же Косотур заставил полюбить лыжи. Как хорошо мчаться вниз — только ветер в ушах свистит!

Подруга по детской спортивной школе Лида Пепелева уговаривала тезку перейти на коньки, но тренер возражал:

— Такие задатки лыжницы — и вдруг коньки! На льду придется все сначала начинать, а ты уже почти чемпионка.

В ту зиму Скобликова действительно стала чемпионкой города по лыжным гонкам. Но лихой, помальчишески неугомонной девушке лыжи вскоре наскучили: очень уж малы скорости!

Вот они, две Лиды, катаются рядом по замерзшему пруду. Одна из них та, что с золотистыми кудряшками, быстро-быстро перебирает ногами. Ей кажется, что чем чаще отталкиваться, тем быстрее бежится.

— Зачем семенишь? Смотри, как надо...— Пепелева была тогда чемпионкой области и консультировала подругу.

На первых же для себя городских состязаниях Лида заняла четвертое место: помогла мальчишеская выносливость, и позже не раз выручавшая девушку.

Прошло два года. Лида поступила в Челябинский педагогический институт. В спорте ученица быстро обошла свою учительницу. «Молодая, способная скороходка»,— стали писать о Скобликовой газеты. И потому ей совсем не понравился вывод нового тренера Бориса Кочкина: силы много, а техники никакой.

Избалованная легкими победами, Скобликова стала пропускать тренировки.

— Если хочешь бегать быстрее всех, занятий не пропускать! Иначе можешь обратно на лыжи переходить, твое дело,— в сердцах сказал тренер.

Но опытный глаз наставника увидел, что не бросит упрямая девчонка «самый быстрый» вид спорта.

Семь лет назад приехала в Горький оспаривать первенство республики. Тренер предупреждал: «Только о руках не забывай!» И Лида помнила об этом до... выстрела стартового пистолета. Круг за кругом бежит, размахивая руками.

— Руки убери,— кричат ей.— Сил не хватит до финиша, сгоришь, девчонка!

Но она не убрала. Назло всем... Лида задорно посмотрела на репортеров, окруживших ее, новую чемпионку: «Что, не сгорела?»

Никому не хочет уступать. Ни одной дистанции. Это приводило к ссорам.

— Да не гоняйся на пятисотке очертя голову за Таней Мохиной! Она же спринтер, а ты многоборец,— убеждал строптивую ученицу тренер.

— Ну и что ж! — упрямо встряхивала кудряшками Лида.— Не хочу, чтобы быстрее меня бегали...

Лида вышла на всесоюзную арену. Поединки с опытными асами научили понимать, как важно постигнуть тайны конькобежного искусства. Теперь она тренировалась упорно, серьезно. И вот побиты рекорды страны для девушек. Завоевана первая медаль. Пусть бронзовая. На 1 500 метров. Я помню этот бег на зимней Спартакиаде народов РСФСР 1958 года. И первое знакомство с «молодой, способной...» Лида тогда опаздывала на вокзал. С трудом нашли машину и доставили к поезду за минуту до отхода. Между прочим, было это в канун Женского дня. Девушка очень спешила домой к 8 Марта.

Новая зима. Имя челябинской студентки звучит на многих стадионах. Получив почетное право оспаривать личное первенство страны, Скобликова в родном городе занимает общее третье место. После Рыловой и двукратной чемпионки мира Артамоновой. Это уже признание! Лиду включают в сборную СССР. Дебют на мировом чемпионате вполне успешный. Лида ощущает тонкое благоухание лавра. Венок совсем рядом: только те же две ступеньки пьедестала почета отделяют Скобликову от победительницы (ею снова стала Тамара Рылова). Но не думала, не ведала тогда Лида, что эти два шага растянутся на долгих четыре года.

Да, в 1959 году будущему педагогу конькобежный горизонт казался безоблачным. Прямо из Свердловска, с международного турнира, спортсменки направились в Вологду. Так случилось, что лишь здесь, на Спартакиаде профсоюзов, впервые за сезон на одной

дорожке встретились все семнадцать кандидатов в олимпийцы. Не было только Инги Артамоновой. Она динамовка.

Старинный русский город Вологда — родина новой чемпионки мира. Встречу Тамаре Рыловой устроили пышную. Как же обидно было проигрывать на глазах у земляков! И тут не сошлешься на капризы фортуны: ведь жребий трижды сводил Рылову и Скобликову в одну пару. И в этом беспощадном поединке на весеннем, покрытом «блинами» вологодском льду челябинская студентка взяла верх над чемпионкой мира и СССР. А сообщение о золотой медали Лиды Скобликовой, первой в ее жизни, как раз попало в номера газет за 8 марта.

Потом наступил год олимпийский. Снова международный старт. На этот раз на уютном катке шведского городка Эстерсунд. Теперь Лида не новичок, а фаворит. Она уверенно лидирует после первого дня борьбы. И вдруг падение на дистанции. Потерянные десять секунд обернулись невосполнимыми пятью очками.

Высокогорная дорожка в Скво Вэлли оказалась счастливее эстерсундской. В Долине Индианок, пережившей когда-то золотую лихорадку, уральская конькобежка и открыла свой золотой олимпийский счет. Она стала победительницей VIII зимних игр, да еще дважды — на дистанциях 1 500 и 3 000 метров.

Олимпийские награды особо весомые: их удается получить лишь раз в четыре года. В общем, вполне достаточная компенсация за уплывший, как говорится, из-под самого носа, лавровый венок. Она может годик и подождать... Однако проходит зима, другая, а лавры венчают то вновь Валентину Стенину, то в третий раз Ингу, ставшую к тому времени Ворониной.

А Лида? Ей теперь посвящают меньше строк в газетах. Что-то не так, как ожидали, идут ее дела на дорожке, не видно присущего олимпийской чемпионке блеска.

— Бежать совсем не хочется. Надоело,— признается Лида.

Мы сидим в большой шумной комнате отдыха свердловского центрального стадиона. Третий день идут соревнования зимней Спартакиады народов СССР. Третий раз на высшую ступеньку пьедестала поднимается Инга Воронина. А может, ее и невозможно победить? Может, потому Скобликова, обычно боевая, жизнерадостная, веселая и колючая, выглядит немного апатичной?

...Два года спустя я напомню Лиде о разговоре в Свердловске, спрошу: не явились ли рекордные достижения Ворониной тем психологическим барьером, который сковывал олимпийскую чемпионку? Лида задумается и возразит: «Психологический барьер? Нет. Не в робости дело. Просто хуже готовилась, чем Инга, она была сильнее».

Но эта беседа состоится позднее, в Инсбруке, а пока вернемся из столицы Тироля в столицу Урала... Последний день соревнований. Инга уже прошла 3 000 метров и, сидя в зале, слушала сообщения радиоинформатора. Там, на дорожке, Скобликова. Сегодня Лида прежняя. Она быстрее Ворониной прошла дистанцию, но не смогла лишить москвичку титула абсолютной чемпионки СССР. И все же Скобликова была рада: есть еще порох в пороховницах.

А произошло это вечером, накануне Женского дня 1962 года. И опять Лида спешит с катка на поезд. Надо быть 8 марта дома.

Страничка предпоследняя. Скобликова давно окончила институт. В срок. Без поблажек, на которые щедры к спортивным знаменитостям в наших вузах. У Лиды новый тренер — Евгений Красильников, известный в прошлом скороход.

Японский курорт Каруидзава. Вечер. В комнате № 18 отеля «Сейзан» чествуют новую чемпионку мира — Лиду Скобликову. Наполняют бокалы шампанским. Девушки вопросительно смотрят на руководителя команды. «Что же, случай особо торжественный — можно!»

...Прошел еще год. И триумф Каруидзавы повторен в Тироле, а затем в Швеции.

И вот последнее интервью в Инсбруке. Только что закончилась церемония награждения. Ледяной стадион неистовствовал. Зрители заставили вновь подняться Лиду на пьедестал почета. Девушка с Урала расцеловала по очереди все четыре медали, отвесила по-русски низкий поклон трибунам и, растроганная, растопившая своей улыбкой сердца австрийцев, покинула лед.

— Какая же из четырех медалей наиболее для вас ценная?

— Не скрою, выиграть пятисотметровку было приятно. Хотелось доказать, что успех в Каруидзаве не был случаен. И все же не эта. Ведь если не я, так подруги получили бы золото. Медаль за 1 500 метров? Пожалуй, тоже нет. Знала: случись что —и бежавшая в последней паре Стенина займет первое место (кто мог предполагать, что Валю постигнет неудача?). В победе на километровой дистанции почему-то не сомневалась. Так хотите знать, какая же? Сегодняшняя, на 3 000 метров! Почему? Накануне товарищи мне сказали: «Лида, надо завтра первой быть. Обязательно! Ведь четыре золотых на одних играх — это неповторимый рекорд. И он должен быть наш, советский».

Да, не могла я проигрывать сегодня. Не имела права. Несмотря на все каверзы дорожки.

...«Не хочу, чтоб быстрее меня бегали» — эту фразу упрямой девчонки Лида вспоминает теперь с улыбкой. Так в чем же секрет многогранности шестикратной олимпийской победительницы и двукратной чемпионки мира? В исключительном трудолюбии? В отточенной технике? Да. И в природной одаренности тоже. И еще в неиссякаемой воле к победе.

И вот воспитаннице Ленинского комсомола Лиде Скобликовой оказана высокая честь: ЦК КПСС удовлетворил заветное желание Лидии Павловны Скобликовой — принял олимпийскую героиню в члены партии коммунистов. Н. С. Хрущев поздравил ее с этим знаменательным событием и пожелал всегда быть достойной времени, в котором мы живем,— великого времени строительства коммунизма.

И никакой она не «демон на льду», простая русская женщина. Как и у всех женщин, у Лиды сегодня праздник. Но день этот счастливый для нее вдвойне: ведь Скобликова родилась 8 марта. 25 лет назад.

Четыре золотые олимпийские медали!..

Фото Л. БОРОДУЛИНА.

НА СТУДИЯХ СТРАНЫ

ФИЛЬМ О ЖИЗНИ ТАРАСА

Исполнение роли Кобзаря в новом цветном широкоформатном фильме «Сон» выпало на долю киевского школьника Юры Леонтьева и студента Ивана Николайчука.

Юра — один из многих ребят, среди которых кинооператоры разыскивали в пионерлагерях будущего Тараса-мальчика. Но Юра отнюдь не собирается стать артистом.

— Я,— говорит он,— решил посвятить свою жизнь радиоэлектронике!

Зато Иван Николайчук — будущий артист. Он учится на третьем курсе Киевского института театрального искусства имени Карпенко-Карого.

— Очень волнуюсь, — сообщает он,— ведь Шевченко играли Амвросий Бучма и Сергей Бондарчук!..

Фильм «Сон», посвященный жизни и творчеству великого поэта, снимается на киностудии имени А. Довженко по сценарию Дмитрия Павлычко и Владимира Денисенко.

— В фильме,— рассказывает постановщик картины Вл. Денисенко,— основанном на подлинной биографии Шевченко, снимаются москвич Михаил Державин (он играет художника Брюллова) и ленинградец Ефим Капелян (в роли управляющего Претеля). Киевлянин Владимир Гончаров

Оператор М. Черный снимает И. Николайчука в роли Шевченко.

играет пана Энгельгардта, Наталья Наум исполняет роль подруги Тараса, молодой швеи Дзюны.

Картину снимает оператор Михаил Черный.

Инна АНДРИЯЧЕНКО

Киев.

«КТО ОСЕДЛАЕТ КОНЯ»

«Кто оседлает коня» — фильм о призвании. О великой радости обыденного труда. О счастье жизни простого человека.

Одна за другой встают на экране картины деловых будней сегодняшней

грузинской деревни, и вместе с героями фильма мы радуемся солнцу, прекрасному утру. Каждая деталь, найденная режиссером Ш. Манагадзе и оператором А. Высотским, обогащает нас, создает хорошее настроение, помогает почувствовать ритм жизни, ее характер.

Очень выразительный образ старого Алхаза создает артист Коте Даушвили. Человек сложный, он заражает нас страстной влюбленностью в окружающий его мир, удивительным умением быть одновременно юным и мудрым. Но самое неизгладимое впечатление оставляет маленькая героиня фильма — Квейза, сыгранная Мананой Манагадзе. Эта девочка, кажется, родилась актрисой. Ни одного неверного жеста, ни единой ложной интонации! Покоряющая искренность и, что особенно примечательно, абсолютная верность логике поступков, полная их свобода. Настоящее наслаждение доставляет природный дар маленькой актрисы. Следовало бы педагогически верно растить девочку дальше, пестуя — без вреда для школы и жизни — этот талант. Стоит взглянуть на нее: она вся огонь, хитрость, ловкость, упорство, доброта,— чего только в ней нет, в этой забияке Квейзе, которая никому не даст себя в обиду!..

Картина, созданная на студии «Грузияфильм» по сценарию И. Горба, А. Вигенсон, Ш. Манагадзе, наверняка доставит вам удовольствие и пробудит у вас самые добрые чувства!

Тамара ПОЛОЗОВА

«Ираклий Андроников рассказывает...»

Как и всегда бывает на вечерах устных рассказов И. Андроникова, автор, он же артист, появляется перед зрителями один на один, во всеоружии своего таланта.

Лента, созданная по сценарию И. Андроникова и А. Донатова, объединяет лучшие рассказы-воспоминания из тех, какие обычно включает Андроников в программу своих концертов.

Вместе с художником

Н. Двигубским постановщик фильма А. Кольцатый окружает Андроникова рисованными декорациями, — это движущийся, легкий, условный фон, который позволяет герою переноситься то в Ленинградскую филармонию, то на загородную дачу Горького — туда, где встречает Ираклий Андроников писателей, артистов: А. Толстого, Вс. Иванова, И. Соллертинского, В. Шкловского, В. Качалова, А. Остужева,— и рассказывает о них... Вернее, они сами рассказывают о себе в передаче Андроникова, изумительной по психологической, образной и художественной точности.

Фонды телевизионных фильмов пополнились такой чудесной новинкой, сделанной на «Мосфильме», которая, верно, никогда не состарится.

Н. ТОЛЧЕНОВА

Продолжаем наше путешествие по стране тысячи сокровищ.

В редакцию пришло письмо от рабочих Орского нефтеперерабатывающего завода имени В. П. Чкалова:

«Дорогой «Огонек». Недавно Никита Сергеевич Хрущев при посещении ВДНХ говорил о нетканых тканях. Убедительно просим рассказать в журнале, что собой представляют эти ткани, как и из чего они изготовляются, каковы перспективы их применения, смогут ли они в будущем полностью заменить обычные ткани.

По поручению коллектива завода Е. КАЗАЧЕНКО».

Многие читатели, а особенно читательницы нашего журнала просят рассказать о новинках химии для быта.

В путеводителе по стране тысячи сокровищ — тетради по химии — учтены и ваши пожелания, дорогие товарищи.

БЕЗ ТКАЦКОГО СТАНКА

Передо мной несколько толстых тетрадей. Вместо листов бумаги в тетради вшиты куски материи. Я удивленно перелистывала эти необычные страницы — белые, голубые, красные, с рисунком и без рисунка. Вот материал, похожий на байку, мягкий и теплый, этот напоминает шерсть с начесом, а тот — трикотаж. Неужели при производстве тканей человек обошелся без ткацкого станка?

— Издавна ткань изготовлялась по определенной технологии,— рассказывает начальник лаборатории нетканых материалов Центрального научно-исследовательского института хлопчатобумажной промышленности А. Я. Танвель.— Вводились отдельные усовершенствования, но суть дела оставалась старой. Не случайно само слово «ткань» имеет общий корень с такими словами, как «ткать», «ткачиха».

Проникновение химии произвело в ткацком деле подлинную революцию.

Каково же производство нетканых материалов? В дело идут любые волокна — шерсти, хлопка, вискозы, капрона. В специальной машине они пропитываются полимером — латексом. И вот, минуя целый ряд основных технологических операций, из агрегата сразу выходит готовый материал. Так получают клееные нетканые ткани. Химия в роли ткача — это новое слово науки, новый этап ее развития.

Есть и другой способ их получения — термопластический. В качестве склеивающего материала тут используют синтетические волокна с невысокой (около 100 градусов) температурой плавления. В машине создается определенное давление и температура, и расплавленные синтетические волокна смешиваются с хлопком или шерстью. И поползла широкая лента готового материала.

Нетканую ткань можно получить и механическим способом, например, вязально-прошивным. Машины укладывают волокна ровным слоем и в определенном направлении прошивают их любой пряжей.

Иногда нетканые материалы применяются в сочетании с тканями и трикотажем.

Но зачем понадобилось ученым упразднять ткацкий станок? Каковы преимущества нового способа?

Процесс производства нетканых материалов в десятки раз короче. Кроме того, в дело могут идти волокна разной длины и даже самые короткие, использование которых в ткачестве сильно затруднено.

— Где уже используются нетканые материалы?

— Прежде всего в технике. Например, без фильтров наша промышленность не могла бы прожить и часа. Остановились бы тракторы, машины, самолеты, станки. А на производство фильтров идет хлопок и даже чистошерстный войлок. Миллионы метров тканей. И что самое существенное — хлопчатобумажные фильтры далеко не безупречны. Фильтры же, изготовленные из нетканых материалов, значительно лучше очищают вещества. Если даже предположить, что нетканые материалы смогут идти только на изготовление фильтров, то и тогда применение их сэкономило бы государству миллионы рублей.

Однако применение новых материалов гораздо шире. Они дешевы и прочны, значит, их можно использовать как декоративные ткани для обивки мебели, украшения витрин, в качестве основы для нейлонового меха, материала для вафельных и махровых полотенец, спецодежды, обуви.

Пойдут они и на женские платья и костюмы. Первая партия вязально-прошивных материалов уже поступила на швейные фабрики для изготовления детской одежды.

Но пока это только первые опыты, не вышедшие, по существу, из лабораторий, экспериментальных заводов. А вот нетканые ткани, идущие на бортовочный материал для пальто и костюмов, скоро будут выпускаться. Такие материалы легки, прочны, дешевы, не мнутся, хорошо переносят чистку и стирку. Кроме того, их можно кроить в любом направлении. Двадцать пять миллионов рублей в год — такова экономия, которую позволит получить замена бортовочной ткани неткаными материалами.

— Можно ли говорить о полной замене тканей новыми материалами?

Ученый улыбается.

— Зачем же заменять ткани полностью? Нам нужны и шерсть и шелк, синтетика и мех, лен и хлопок. Оставлять без работы ткацкие станки было бы просто неразумно...

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

ОТ А ДО Я

ЕЛЬ. Новогодняя гостья попала не случайно в нашу химическую азбуку. Из ели получают множество ценных продуктов, начиная от бумаги, на которой напечатан журнал, и кончая янтарным кусочком канифоли.

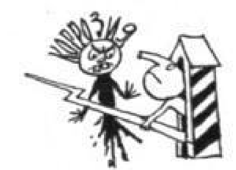
Скипидар, искусственные волокна, деготь, лекарства, витамины — вот далеко не полный перечень богатств, хранящихся в «кладовой» лесной красавицы.

«ЖСК» — «инициалы» жирной сульфированной кислоты, моющего средства, быстро завоевавшего популярность у домашних хозяек. Оно отлично справляется с самым загрязненным бельем. Изготовляется из технических жиров, серной кислоты и обычного мыла.

ЗЕЛЕНОЕ МАСЛО — представитель обширного семейства веществ, получаемых из нефти. Без зеленого масла трудно обойтись в земледелии: оно защищает растения от вредных насекомых.

ЗООЦИДЫ — ядовитые «приправы» к приманкам для борьбы с грызунами. Интересно, что еще в средние века человек применял зооциды, но, разумеется, только органического происхождения.

ИНГИБИТОРЫ — искусственно созданные химические вещества, защищающие металл от злейшего врага — коррозии. Детали приборов, аппаратуры, швейные иголки, лезвия бритв долго не ржавеют, если их завернуть в бумагу, насыщенную ингибиторами. Дело в том, что эти химикаты не дают металлу вступить во взаимодействие с кислородом воды и воздуха, препятствуют его окислению.

Знакомьтесь: новое

ХИМИЯ... И МОРЩИНЫ

Мы в научно-исследовательской лаборатории фабрики «Свобода». Руководит лабораторией химик Евгения Владимировна Кабанова. Ее правая рука — главный специалист-косметолог Маргарита Боярская.

— Какие новые кремы, созданные вашей лабораторией, могли бы вы порекомендовать читательницам «Огонька»?

— Хорош крем «Люкс». Интересен он тем, что приготовлен на специальном настое, созданном химиками,— растворе солей калия, магния, глюкозы. Все эти вещества обладают способностью задерживать влагу в клетках кожи, не дают ей сжиматься. А как считают сейчас косметологи, старение связано не только с потерей клетками жира, но и влаги. Кроме того, в состав крема входят чрезвычайно полезные для питания кожи жиры, витамины А, Е, F.

«Люкс» — крем для сухой кожи. Для жирной нами созданы уже полюбившиеся женщинам кремы «Улыбка», «Маска», «Идеал», «Лотос». Задача их — очистить кожу, освободить ее от излишков жира, но в то же время подкормить ее нужными веществами.

Кремы эти постоянно усовершенствуются. В их состав мы вводим витамины, такие чрезвычайно полезные для жизнедеятельности химические вещества, как фурацилин, сера, фосфор.

Приближается весна. На лицах многих женщин появились ее первые вестники — веснушки. Если они украшают женщину, то хорошо, а вот если ей не к лицу... И тут на помощь опять приходит химия. Крем «Луч», в состав которого входит парааминобензольная кислота, поглощает ультрафиолетовый спектр солнца, защищает кожу от загара.

— Женщинам так много приходится возиться с водой, мыть посуду, готовить! Созданы ли кремы, предохраняющие руки от воды, грязи? — спрашиваем мы.

— Во всех аптеках уже продается силиконовый крем, созданный на основе кремнийорганических соединений. Это новинка «малой химии» — химии быта. Сейчас наша лаборатория подготовила еще один крем. Он так и называется — «Защитный». Это мягкий, жирный крем с добавкой силиконового. Его тонкий слой, как эластичная перчатка, покрывает руку, отталкивает воду, мешает про-

ЛЮБОПЫТНЫЕ ФАКТЫ

ИОНИТЫ — смолы, разрешившие проблему, над которой задумался более двух тысяч лет назад Аристотель. Великий ученый Древней Греции пытался превратить морскую воду в пригодную для питья.

Шли века, но моряки продолжали брать с собой в плавание запасы пресной воды. Многочисленные способы очистки воды от примесей различных минеральных солей не давали эффективных результатов. Аппаратура была громоздкой, дорогой и малопроизводительной.

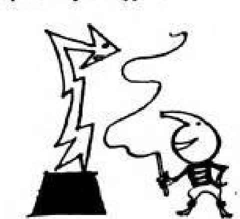
И вот появились зерна ионообменных смол, или ионитов, принесшие с собой чудо. Достаточно пропустить через них «загрязненную» воду, как на порошке ионитов начинают осаждаться минеральные соли, а вода остается совершенно чистой.

Способность этих смол поглощать из растворов различные вещества завоевала большую популярность. Например, иониты опресняют воду, предотвращают образование накипи в паровых котлах, очищают воздух от вредных примесей, применяются в самых разных областях науки и техники.

ИЛОН. Этому новому полимеру на его родине, в Московском химико-технологическом институте имени Д. И. Менделеева, предсказывают блестящее будущее. Действительно, у него много достоинств. Одно из самых главных — высокая термостойкость. Полимер можно нагревать до 180 градусов, и он не изменит своих свойств. Илон хорошо противостоит действию щелочных растворов, водяных паров. Он отличный изолятор и, что особенно важно, не горит.

Ткани из волокна илона будут мягкими и прочными. В сельском хозяйстве он сможет заменить стекло в парниках и теплицах: ведь пленки из илона не препятствуют проникновению ультрафиолетовых лучей солнца. Из нового полимера можно делать надежные «берега» электрических рек — изоляцию проводов.

Первые нетканые материалы были изготовлены в XVII веке в Тибете. Но делали их, конечно, без применения синтетики. Эти материалы напоминали толстый войлок.

●

В 1963 году мировой уровень производства нетканых материалов достиг 74 500 тонн. Это составляет 2 процента от общего производства текстильных товаров.

●

Нетканые ткани можно использовать как прокладки для теплой одежды. Благодаря своей пористой структуре они сохраняют тепло на 30—40 процентов лучше, чем шерсть.

●

Основой для нетканых материалов могут служить металлические волокна. Они стойки к высоким температурам, сравнительно эластичны.

Такие материалы могут использоваться для технических целей, для спецодежды.

●

Агрегат «АНМ-110» может дать за час 600 метров клееной нетканой ткани. Ткацкий станок за это же время выпустит лишь 5 метров материала.

ПРИШЛА ВЕСНА

Скоро весна. И наши художники-модельеры подготовили множество интересных вещей. Что же будут носить весной наши женщины? Костюмы, которые мы помещаем на этой странице, знакомят вас с наиболее характерными направлениями моды.

1. Костюм из мягкой цветной шерсти. Короткий прямой жакет и узкая юбка. Блестящая черная шапочка («ток») и шарфик дополняют туалет.

2. Летнее пальто прямой формы из шерстяной однотонной светлой ткани с большими накладными карманами. С ним хорошо гармонирует соломенная шляпа «болеро» другого, контрастного цвета.

3. Нарядное шерстяное платье из темно-серой шерсти. Лиф с напуском. Пояс из шелкового жгута того же цвета. К этому платью очень подойдут металлические украшения.

Кстати сказать, металлические украшения в форме брелоков, цепочек, подвесок очень модны. Их носят у воротника, на карманах, у пояса, на сумке...

4. Весенний ансамбль: пальто из шерсти кремового цвета; юбка шерстяная гладкая, коричневая, пояс продернут и застегивается спереди по бокам на пуговицы; блузка набивная, в золотистых тонах.

Художник Н. ГОЛИКОВА.

никновению в поры грязи. Закончив работу, надо насухо вытереть руки полотенцем, снять «перчатку», а потом вымыть руки с мылом. Крем «Защитный» не только отталкивает воду, но и смягчает кожу.

— Подумали мы и о средствах, сохраняющих прическу,— продолжает Маргарита Боярская.— Химическую завивку можно теперь делать самим, дома. Хватит ее на 4—5 месяцев.

Набор для такой химической завивки называется «Локон». В его состав входит небольшой флакон жидкости и таблетки гидроперита. Волосы после такой завивки делаются послушными, их можно уложить как угодно. Набор выпущен недавно, но уже продается в аптеках и парфюмерных магазинах.

Мы просим поделиться планами лаборатории на будущее, рассказать о новинках «малой химии», которые пока еще в пробирках.

— Многие женщины,— рассказывает она,— делают себе питательные маски — творожные, ягодные, овощные. Их приготовление довольно хлопотно. Сейчас наша лаборатория разрабатывает питательный крем для таких масок. Для него еще не придумано название, но будущий состав его в основном ясен. В него войдут настои целебных трав, витамины, содержащиеся в овощах и ягодах, жиры. А химия поможет нам соединить все эти полезные вещества воедино, сделать их усвояемыми для клеток кожи.

В. ВАСИЛЬЕВА

«БРОНЯ» КАПРОНА

Если сделать анализ платья из синтетики, то окажется, что полимерными будут ткань, кружева, пуговицы и другие детали отделки. И только нитки остались из натурального шелка или хлопка. Почему же естественные волокна так упорно не сдают своих позиций?

Нитками из синтетики шить можно, но только с осторожностью. Если капроновую нитку поставить на скоростную швейную машину, то через несколько секунд работу придется прекратить: нитки при трении об иголку расплавятся.

На выручку пришли кремнийорганические вещества. Капроновой нитью с оболочкой из этих соединений можно будет шить на любых швейных машинах.

П. НИКОЛАЕВ

ОСТОРОЖНАЯ ПОСУДОМОЙКА

Чашка выскользнула из рук, ударилась о стенку посудомойки и... не разбилась. «Спасителем» была пластмасса, из которой сделана посудомойка. Это она смягчила удар упавшей чашки.

Такие пластмассовые посудомойки скоро будет выпускать наша промышленность.

Н. ИВАНОВ

Рисунки Ю. Черепанова.

А. ПАВЛОВА

Когда мы поженились, жена спросила меня, люблю ли я технику. Я был умилен и ответил, что вижу в технике смысл своей жизни, сам инженер и считаю, что технике принадлежит не только будущее, но и настоящее.

Мой ответ обрадовал жену. Она сказала, что не ошиблась во мне и намерена построить семейную жизнь только на прочном фундаменте достижений современной техники.

Я не придал этому значения. У меня было свое представление о семейном уюте и роли жены в доме. Я представлял, как нежными пальчиками жены будут выстираны и выглажены мои рубашки, как вкусно будет приготовлен обед. Мне будет приятно наблюдать, как она прибирает в нашем семейном гнездышке.

Я решил, что буду внимателен и, пока жена готовит и прибирает, буду читать ей вслух или рассказывать о прочитанных мною книгах. Чтобы облегчить труд жены, я подарил ей холодильник. Это послужило началом. С этого времени чистил холодильник регулярно я. Потом появилась стиральная машина... и я научился стирать.

— У тебя это получается даже лучше,— снисходительно одобрила мою работу жена.

Стираю я по воскресеньям. После стирки я освоил пылесос. Пылесос отнял у меня мою любимую субботу. Вскоре в продажу поступили электрополотеры. Само собой разумеется, полы натираю тоже я.

Я думал, что техника не проникнет на кухню, и хотел оставить жене хотя бы кулинарию. Но в доме появился кухонный комбайн, и я освоил и эту малую механизацию — от чистки картофеля до сбивания крема и размалывания кофе. Делаю я это ежедневно, сверхурочно, без выходных и праздничных дней.

Кроме того, я чиню телевизор и радиоприемник, собираю и разбираю наши велосипеды, штопаю чулки и носки на штопальной машине, катаю нашего малыша в коляске, так как коляска, по мнению жены, это тот же транспорт, а значит, дело мужское. Жена настолько добра, что в это время читает мне вслух газеты.

Я не умею вышивать и кормить младенца только потому, что у меня не хватает на это времени. В том, что и такая машина появится у нас в доме, я не сомневаюсь.

Я СТАЛА ОРГАНИЗОВАННОЙ

Р. ВОРОНЧУК

В понедельник мама мне сказала: «С завтрашнего дня ты будешь организованной, пойдешь в детский сад. Хватит тебе быть ин-ди-ви-дуальным ребенком. Теперь тебя будут в детском саду воспитывать».

Я подумала: «Вот хорошо, а то из-за моего воспитания вся квартира с мамой поругалась... Все меня воспитывали, потому что больше в квартире детей нет».

А вы знаете, где наша квартира? На втором этаже, дверь из черной клеенки, зеленый почтовый ящик, под ящиком табличка, кому сколько звонить. На второй строчке мы: «Романов — два длинных».

На первой строчке Марья Ивановна. Один длинный. Марья Ивановна писательница, все сама выдумывает, недавно даже выдумала, что я у нее чашку разбила.

А больше всего на свете я люблю два коротких. Это к дяде Пете. Он меня физически воспитывает. Каждый раз в семь часов утра будит и кричит: «На зарядку!» И велит, чтоб я то первую, то вторую руку поднимала.

Мама недовольна: «Что это, говорит, вы ребенку спать не даете?» А дядя Петя говорит: «Вы не понимаете, у нее легкие скорее разовьются».

А я так думаю, хоть бы эти легкие на час позже развивались, а то я так рано спать хочу.

В субботу папа купил приемник и весь день на нем что-то ловил, а к вечеру поймал отрывки из опер.

Оперы эти у нас на рояле лежат, потому что мой папа поет в самодеятельности. А в воскресенье утром я из каждой оперы по страничке вырезала, сложила... Тут папа вошел, как закричит: «Что ты делаешь?»

А я говорю: «Ничего, я делаю отрывки из опер». Прибежала мама, и начался спор. Папа кричит маме: «Это твое воспитание!» А мама папе: «Это твое воспитание!» Пришла Марья Ивановна и сказала: «У вас неправильный метод воспитания». И увела меня с собой.

А я очень люблю, когда меня Марья Ивановна воспитывает. Я у нее во время воспитания конфеты ем. Марья Ивановна сказала: «Сиди тихо, а то у меня сердце больное». Я спросила: «Как вы узнали, что у вас сердце больное?» Она говорит: «Меня врачи выслушивали». Тогда я ей: «Врачи, наверно, очень устали, когда вас выслушивали. Моя мама сказала, что вы очень много говорить любите».

Марья Ивановна обиделась: «Таких невоспитанных детей, как ты, я не видела».

Потом я пошла к Юрке. Он мой двоюродный брат. У нас папы и мамы разные, а бабушка пополам. Юрка делал уроки. Только я села, как вбежала тетя Наташа, Юркина мама, и стала на меня кричать, что я Юрку отрываю, что у него из-за меня единицы есть, а они ему вовсе не нужны А я говорю: «Если ему единицы не нужны, пусть моему папе отдаст, он только вчера жаловался, что ему на работе единиц не дают».

Тут вошла мама и стала громко говорить, чтобы я шла обедать, а то она милиционера позовет.

Только я села за стол — она сразу: «Первую ложку за маму, вторую за папу, третью за тетю Лизу». Тут я есть перестала, потому что я тетю Лизу не люблю. Она говорит про меня, что я невоспитанная, а про нее говорят, что она ветреная и в институте отстает. Вчера я ей сказала: «Почему вы, тетя Лиза, на улице быстро ходите, а в институте отстаете?» Она разозлилась: «Кто это тебя воспитывает, что ты вечно не в свое дело вмешиваешься?»

После обеда мама вспомнила, что я еще не дышала воздухом. Она взяла авоську — это значит, что мы пойдем дышать в Екатерининский садик.

Раньше я в других местах дышала. Зимой меня водили в Летний сад, а летом на Зимнюю канавку. Зато в Екатерининском садике, пока мама все магазины обходит, я дышу самостоятельно.

Со мной рядом на скамейке одна девочка дышала. Вдруг к ней милиционер подошел, куда-то увел и обратно привел. Я испугалась, а она — ничего. Спрашиваю: «Куда тебя милиционер водил? Ты, наверно, испугалась?»

А она говорит: «А чего пугатьсл, это мой папа. Он мне апельсин покупал». Папа! Вот здорово! Я и не знала, что милиционеры тоже папы бывают. Я думала ими только пугают.

Вечером к нам пришли гости. Какой-то дяденька с тетенькой. Они сначала два часа играли в «пульку», а потом пили чай. Дяденька показывал фокусы, а тетенька пела. Тетенька мне не понравилась, а дяденьке я сказала:

«Вы только то кушанье, что на блюде с синей каемочкой лежит, не ешьте. Оно плохое. Я сама слышала, как мама про него говорила, что это «куле-бяка».

Папа услышал и опять закричал маме: «Вот видишь, как ты ее воспитываешь!» А мама ему: «Это ты ее воспитываешь!» Они громко говорили, а дяденька спокойно сказал: «Ребенок хороший, только его нужно отдать в детский сад».

И теперь я хожу в детский сад. До чего там весело! Мы играем, рисуем, коллективно поем, а воспитывает нас всех одна Анна Петровна. Не то, что раньше: меня одну — целая квартира.

А все-таки жалко, что нет детских садов для взрослых. Я бы туда всю нашу квартиру отдала.

КАК ОБРАЩАТЬСЯ С МЛАДЕНЦЕМ

Милена МАИОРОВА

Среди мамаш все больше и больше распространяется обычай в воскресенье готовить праздничный обед, а детей отдавать под присмотр мужчин. Поэтому я полагаю, что ряд практических советов, как ухаживать мужчине за ребенком, не будет излишним.

Если ребенок еще совсем маленький, вы, отправляясь с ним гулять, завязываете ему на нижней части тела две пеленки, но делается это легко, чтобы не нарушать кровообращения, и на головку вы надеваете шапочку, а тело целиком втискиваете в так называемый конверт. Если конверт больше, чем ребенок, несколькими несильными движениями нужно стряхнуть ребенка на дно конверта.

Одевая пальтишко, старайтесь не вывихнуть младенцу ручки. Одетого ребенка вы укладываете в коляску. Теперь все трудности позади. С коляской можно отправиться куда угодно, даже на партию шахмат или по магазинам. Главное — нигде коляску не забыть. Поэтому, оставляя ее, например, перед входом в кафе, берите в правую руку детскую погремушку. Она напомнит вам, что домой вы должны вернуться с коляской.

Если ребенок уже способен передвигаться самостоятельно и имеет собственные желания, дело хуже. Ведь духовное развитие ребенка отстает от вашего на 25—30 лет, взгляды его на приятное проведение воскресного утра не совпадают с вашим.

В то время как вы предпочитаете выставку современного прикладного искусства, ребенок хочет возиться в луже. Если он еще не умеет говорить и не может пожаловаться маме, его следует просто взять на руки и нести с собой на выставку. Если говорить он уже умеет, лучше пустить его в лужу, а самому сесть в сторонку и читать детективный роман. Но не оставляйте ребенка совсем без присмотра. При каждом выстреле на страницах романа взгляните на ребенка, не тонет ли он в луже или, упаси бог, не пьет ли из нее воду.

Если ребенок такого возраста захочет по своим малым или даже большим делам как раз в тот момент, когда мимо вас случайно проходит хорошенькая девушка, не обнаруживайте своей принадлежности к ребенку и дайте событиям свободно развиваться...

Если ребенку уже шесть, положение несколько лучше. Из педагогических побуждений вы можете настаивать, чтобы ребенок шел туда, куда хотите вы, а никак не он.

В этом возрасте ребенок много разговаривает и утомляет вас всякими вопросами, как, например, почему дождь идет только в плохую погоду. Опередите ребенка, сказав, что его

Международный день мужчин

Власта СМРЖОВА

Наступил наконец долгожданный Международный день мужчин.

В то утро Томаш Лабичек дольше обычного мыл шею. Он, как всегда, приготовил семье завтрак, выгладил себе рубашку, прибрал квартиру и — бегом на работу. Всю дорогу он повторял слова своего предстоящего выступления. Ему очень хотелось произвести на всех хорошее впечатление и обратить на себя внимание заведующей, у которой он работал машинисткой.

После вступительной речи председательницы завкома слово предоставили Томашу — от комитета мужчин.

Он говорил долго и красиво, вспоминая те времена, когда мужчин еще не раскрепостили. А теперь? Что они имеют на сегодняшний день? Даже свой собственный праздник — День мужчин. В тяжелой и неравной борьбе они добились равноправия с женщинами.

— Необходимо,— продолжал Томаш,— вести упорную борьбу с пережитками прошлого в сознании некоторых, казалось бы, передовых женщин, занимающих даже высокие посты. Нужно бороться с бытующим в их кругах мнением, будто мужчина пригоден лишь для тяжелой физической работы и переноски тяжестей.

Я мог бы привести целый ряд примеров, как вот уже много лет мужчины не хуже женщин справляются и с легкой работой: мужчина-кассирша, мужчина-официантка, маникюрша, машинистка. Имеются еще, однако, такие профессии, куда мужчины пробиваются с трудом, где все места заняты женщинами. Скажем, медсестра или воспитательница в детсадах, няня в яслях. Вы спрашиваете, как мы будем называть молодого человека, работающего няней в яслях? Нянь. Звучит, правда, странно, но все-таки гордо!

А каково положение вещей в отдельных семьях? Вот приходит жена с работы, укладывается на диван и читает. Или отправляется на футбол. А муж-бедняга хлопочет по хозяйству и рад, если вечером выпадет свободная минутка, чтобы позабавиться вышиванием. С этим пора кончать, друзья мои!..

Томаш кончил и удовлетворенно заметил, что лишь самые суровые из женщин не прослезились.

Затем выступила председательница завкома. Она призвала женщин прислушаться к словам предыдущего оратора и проявлять к мужчинам больше чуткости.

После речей в торжественной обстановке состоялось вручение подарков заслуженным мужьям и отцам-героям.

С чешского перевела
В. ПЕТРОВА.

автомобильчик сделан из пластической массы, которая называется поливинилдиметилфенолциклооктатетразн, и предложите ему не обращаться к вам с вопросами, пока он не научится бегло произносить это слово.

С ребенком постарше можно поступить так: вы идете, куда хотите, и он тоже, а без пяти двенадцать вы где-нибудь встречаетесь и домой возвращаетесь вместе. Не надо требовать от ребенка не рассказывать об этом маме, ибо ребенок и так отлично поймет, что надо молчать, так как он обладает врожденным умом, унаследованным от вас.

Итак, недельная норма ваших отцовских обязанностей уже выполнена, и вы с гордым чувством хорошо проделанной работы можете с аппетитом сесть за приготовленный женой воскресный обед.

Со словацкого перевела
В. ПЕТРОВА.

У Сабины зуб болит

Рената ХОЛЛАНД-МОРИТЦ

Мой старый школьный товарищ показался мне страшно удрученным при встрече.

— Что, нервы пошаливают? — спросила я его.

— Нет, хуже,— простонал он в ответ.— Мне нужно к зубному врачу.

— Выпей-ка лучше водки,— посоветовала я.— Это помогает при зубной боли.

Пауль вскипел:

— Водки? Неужели тебе могло прийти в голову, что я боюсь врача? Я беспокоюсь не за себя: мне дочку к нему отвести надо.

Тут я поняла причину его волнений. Четырехлетняя дочка Пауля — Сабина — настоящий диктатор. Если у нее появляется желание слушать сказки, Паулю приходится отменять важные деловые встречи. Когда у нее болит животик, вся семья обязана принимать вместе с нею лекарство. Когда она хочет играть, все присутствующие — будь то случайный гость, почтальон, слесарь, пришедший чинить водопроводный кран, или агитатор — обязаны включаться в игру. Затащить Сабину к зубному врачу — задача почти невыполнимая.

— Она играет с детьми вон там, в ящике с песком,— сказал Пауль.— Я не знаю, как мне быть. У меня не хватает духу нарушить ее игру.

— Пообещай ей, что дядя доктор угостит лимонадом и конфетами,— сказала я со свойственной мне наивностью.

Пауль снисходительно рассмеялся в ответ:

— И ты надеешься таким путем заманить ее к врачу? Разве ты забыла, сколько у нее любящих теток? Из-за лимонада и конфет Сабина и шагу из дому не ступит.

— Знаешь что,— предложила я.— Давай-ка выпьем для храбрости. Может, что-нибудь и придет в голову.

Ближайшее кафе находилось неподалеку от детской площадки. После третьей рюмки лицо Пауля несколько прояснилось. Но тут на Пауля снова напала тоска.

— Послушай-ка,— заявил он,— мне ведь нужно к зубному врачу... с Сабиной... Но как ее затащить?

— Проще простого,— решительно сказала я.— Пойдем купим ей большую куклу. Можно даже с коляской. После такого подарка она, я надеюсь, соблаговолит нанести дяде доктору непродолжительный визит.

Пауль, уже несколько под парами, почувствовал новый прилив сил.

— Мы, старые друзья, не бросаем друг друга в беде,— торжественно произнес он.

В самом радужном настроении духа мы отправились в универсальный магазин, где купили куклу с коляской, а также (учитывая несколько мальчишечьи наклонности Сабины) футбольный мяч и электрическую железную дорогу. Сгибаясь под тяжестью покупок и полные решимости любой ценой добиться согласия Сабины, мы подошли к детской площадке.

Сабина сразу же завопила что было мочи:

— Вы мне цего-нибудь принесли? Давай, покажи скорее!

Пауль разложил перед нею роскошные подарки, но они не произвели на нее никакого впечатления.

— Что ты так крепко сжимаешь кулачок, детка? — спросила я ее.— У тебя что-нибудь болит?

— Ницего! — хриплым голосом возразила Сабина.— А цего у меня там есть? Угадай! Не угадаешь. Петер меня сейцас ка-ак стукнул лопаткой по щеке, вот мой зубик, который кацался, и выпал...

С немецкого перевела
Н. ФЕДОСЮК.

Нас надо воодушевлять

Дьердь МИКЕШ

Я согласен с тем, что мужчины должны помогать в домашнем хозяйстве. Но, к сожалению, домовитый мужчина всегда является фигурой явно юмористической. В этой области лишь тогда произойдут коренные, революционные изменения, если наше изобразительное искусство и литература сделают популярным образ мужчины, занимающегося домашним хозяйством.

Сейчас какое положение?

Скульпторы лепят мужчин, гарцующих на конях, стреляющих из лука, бросающих диск, вооруженных воинов, которые, расставив ноги, устремляют свой взор в пространство. А как прекрасен был бы мужчина из мрамора или бронзы, вытирающий тарелку! Учительница так объясняла бы столпившимся вокруг нее ученикам:

— Хорошенько взгляните на эту скульптуру. Заметьте, как отважно и гордо он вытирает тарелку... По его лицу видно, что он и тогда не выпустит из рук кухонное полотенце, если на него даже нападут. Не правда ли, прекрасно? Что характерно для этой скульптуры? Сформулируем в трех словах: сила, красота, домовитость!

Если бы было так, мужчины с гораздо большей охотой помогали бы в домашнем хозяйстве.

Художники тоже могли бы много сделать в интересах этого дела. Например, нарисовать мужчину, стирающего белье, готовящего обед в переднике и чепчике в горошек или натирающего пол.

Вот тогда да, тогда мы бы с гордостью занимались домашней работой.

Писателям также следует принять участие в этой популяризаторской работе. Пусть они пишут романы о таких мужчинах, которые не боятся испечь блинчики, без седла скачут на помеле, начищают металлические ручки и кастрюли.

Вот образец отрывка из такого романа:

«Геза был знаменит своим умением консервировать фрукты и овощи. Если женщины случайно заглядывали в его кладовку для продуктов, глаза их затуманивались от наслаждения, и они шептали:

— Ах, какой потрясающий мужчина!

Никто не умел так элегантно мыть окна, как он. Презирая смерть, он отважно становился на край раскрытого окна и, насвистывая, вытирал его тряпкой.

Когда он шел по улице с полной авоськой в руках, повсюду открывались окна и светлые, каштановые и черные девичьи головки устремляли ему вслед свои взоры...»

Если бы о нас писали такие романы, вот в таком случае, да, в таком случае каждый мужчина вгрызался бы в домашнее хозяйство. Тогда это имело бы смысл. А сейчас что получается? Сейчас на нашу долю достается лишь смех да издевки, даже самые лучшие женщины смеются и издеваются над нами. Кто это может понять?

Нас надо воодушевлять. Добрым словом, хорошим примером, лаской, трубными звуками, либо военным маршем. И тогда мы — вперед! Вперед! Вперед!..

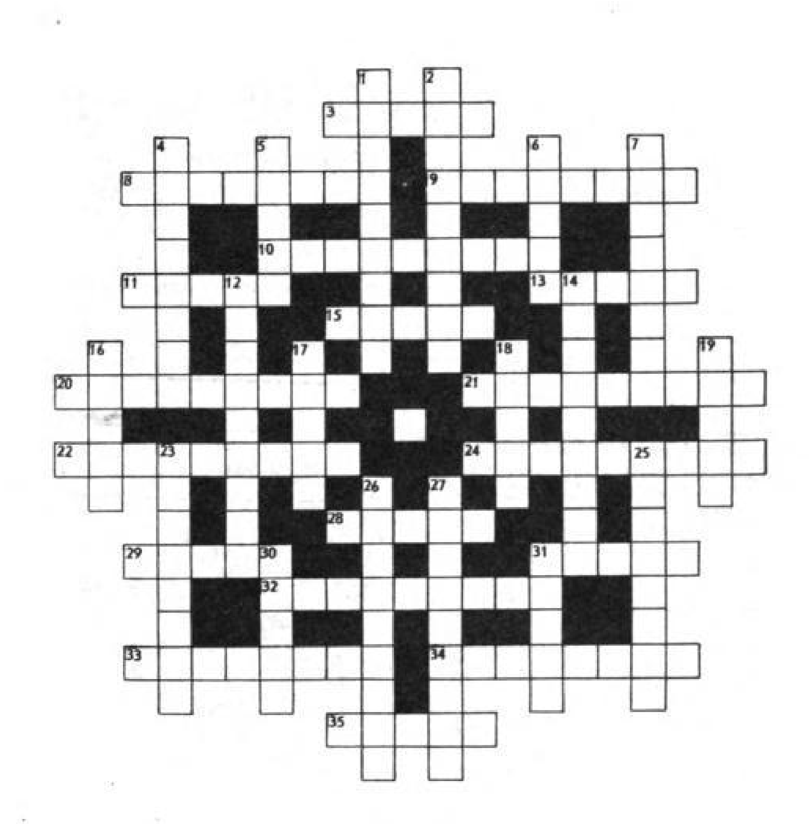
Так пошагаем из дому, что только нас и видели!

С венгерского перевела Е. ТУМАРКИНА.

Рисунок В. Черникова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Трагедия Еврипида. 8. Курорт на берегу Черного моря. 9. Дорожный футляр с туалетными принадлежностями. 10. Река, впадающая в Мексиканский залив. 11. Надстройка на палубе судна. 13. Заглавная страница книги. 15. Торговая палатка. 20. Предметы театральной обстановки. 21. Мелодия декламационного характера. 22. Чертежный прибор. 24. Лечебно-профилактическое учреждение. 28. Драгоценный камень. 29. Концентрированный раствор сахара. 31. Лесная птица. 32. Высочайшая вершина в Андах. 33. Явление резкого возрастания амплитуды колебаний. 34. Скульптор, народный художник СССР. 35. Порт на Дунае.

По вертикали:

1. Польский скрипач, композитор и педагог XIX века. 2. Спортсмен. 4. Огородное растение. 5. Стихотворное произведение. 6. Типографский шрифт. 7. Лабораторный сосуд. 12. Русский писатель. 14. Искусственное орошение. 16. Промысловая рыба. 17. Кровельный материал. 18. Руководитель факультета. 19. Плод пальмы. 23. Бегун на короткие дистанции. 25. Часть фотоаппарата. 26. Пушной зверек. 27. Судно, имеющее два корпуса. 30. Возделанное поле. 31. Персонаж рассказа М. Горького «Старуха Изергиль».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

5. Петродворец. 8. Реликвия. 9. Меркатор. 11. Аорта. 14. Позитрон. 15. Бидструп. 18. Атбара. 20. Колонна. 21. Тендем. 22. Торий. 23. Маляр. 27. Ювенал. 28. Цикорий. 29. Урарту. 32. Цистерна. 33. Киргизия. 34. Эпоха. 36. Михалков. 37. Стандарт. 38. Гаприндашвили.

По вертикали:

1. Беркутов. 2. Орбита. 3. Монета. 4. Меркурий. 6. Вернисаж. 7. Сонатина. 10. Постановщик. 12. Рупор. 13. Буревестник. 16. Позитив. 17. Онтарио. 19. Автол. 21. Турку. 24. Анатомия. 25. Мокко. 26. Шаривари. 30. Антилопа. 31. Лицензия. 34. Эбонит. 35. Атташе.

На первой странице обложки: И. Репин. Портрет Т. Г. Шевченко.

В НОВОМ РАЙОНЕ
— Люди! Ау!!!
Рисунок В. Воеводина.

7 марта.

8 марта.

Рисунок Б. Воссарта.

— А где женские манекены?
— Выходные. Гуляют!
Рисунок И. Сычева.

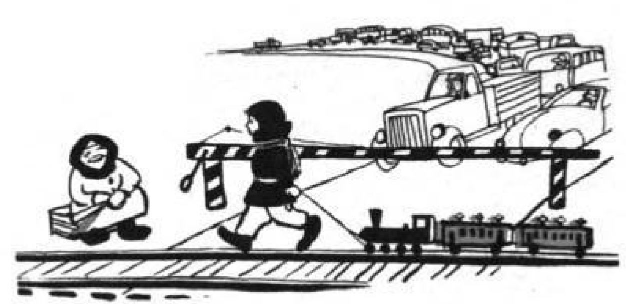

Без слов.

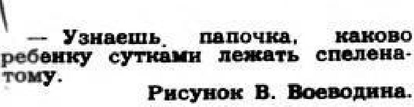
Рисунок А. Санина.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление Е. Казакова.

В гости к бабушке.
Рисунок В. Воеводина.

— Узнаешь, папочка, каково ребенку сутками лежать спеленатому.
Рисунок В. Воеводина.

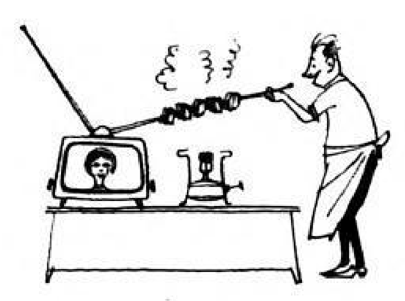

Чтобы не ссылаться на забывчивость.
Рисунок Г. и В. Караваевых.

— Он сказал, что я так непохожа на других.
Рисунок Н. Голиковой.

Для равновесия...

Приятное с полезным.

— И куда это она задевала бокалы...
Рисунки Ю. Черепанова.

— Как видишь, я пришел тебя поздравить с 8 марта.

— Дорогая, мы тут в отделе отмечаем Женский день, так что к ужину меня не жди!
Рисунок А. Сухова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00635. Подписано к печати 4/III 1964 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 2 025 000. Изд. № 521. Заказ 515.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Памятник Т. Г. Шевченко в Каневе.
Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663